This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

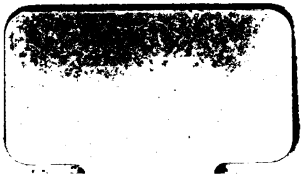
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Slav 1645.4.5

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY



Lind
1906
8

"SVOBODA I KULTURA"

СВОБОДА и КУЛЬТУРА

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

подъ редакціей С. Л. ФРАНКА

при ближайшемъ участіи

Петра Струве

31 МАЯ 1906 г.

№ 8

2000
23M
#28-8

SIav 1645.4.5 (1906/8)

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY MAR 3 1965

MRHP fd.

——Соціальная мораль. Статьи профессоровъ Свободной школы соціальныхъ наукъ въ Парижѣ. Спб. 1902 г. 80 к., съ пересылкой 1 р.

Содержаніе: Д-ръ Э. Дельбе. Позитивная нравственность.—А. Дарлю. Общественныя и нравственныя идеи. — Пасторъ Вагнеръ. Въ чемъ искать разрѣшенія нравственнаго кризиса?—В. Момю. Справедливость и право.—Ж. Вело. Сострадание и естественный подборъ. — Шарль Жидъ. Справедливость и милосердіе. — Л. Бруншвигъ. Радости жизни какъ основа морали.—Е. де-Роберти.—Нравственность и политика.

Тотоміанцъ, В. Ѳ.

Потребительныя общества на Западѣ. 1 р. 75 к.

Фагэ, Э.

Иллюстрированная французская литература XIX вѣка. (33 портрета и 3 факсимиле). Переводъ А. Колтоновскаго. 2 р. 50 к.

Циглеръ, Теобальдъ.

Умственныя и общественныя теченія XIX вѣка. Съ портретами общественныхъ дѣятелей Германіи. Переводъ и примѣчанія Г. Генкеля. Спб. 1901 г. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Содержаніе: Три міросозерцанія. — Натурфилософія Шеллинга и феноменологія Гегеля. — Паденіе и возстановленіе Пруссіи.—Послѣ войнъ за освобожденіе.—Торжество Гегелевской философіи права.—Молодая Германія.—Религіозное движеніе до Штрауса и Фейербаха.—Фридрихъ-Вильгельмъ IV и сороковые года.— Революція 1848 и 1849 годовъ.—Реакція пятидесятыхъ годовъ. — Бисмаркъ и основаніе Германской имперіи.—Культуркампферъ.—Соціализмъ и соціалъ-демократія.—„Fin de siècle".—Очерки изъ исторіи и теоріи соціализма Эдуарда Бернштейна.

Складъ высылаетъ всякаго рода книги на русскомъ и иностранныхъ языкахъ и принимаетъ подписку на всѣ изданія (газеты, журналы и проч.), какъ русскія, такъ и иностранныя.

При выпискѣ книгъ на сумму до 1 р. вкл. на пересылку прилагается 20 к.; на суммы свыше 1 р. Складъ принимаетъ пересылку на себя.

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ". Фонтанка, 86.

Русская Революція.

Событія, разыгравшіяся въ послѣдніе годы въ Россіи, превосходятъ своею грандіозностью все, что знаетъ исторія цивилизованныхъ народовъ. Мы переживаемъ величайшую революцію въ мірѣ и таковою ее назоветъ будущая исторія. Намъ, людямъ XX вѣка, грандіознѣйшей революціей, отчасти по преданію, представляется французскій переворотъ конца XVIII вѣка. Мы склонны видѣть въ десятилѣтіи 1789—1799 годовъ сплошную цѣпь великихъ событій и геройскихъ дѣлъ. На протяженіи ста лѣтъ всѣ мелкія рытвины, овраги, некрасивые холмы сглаживаются, и въ исторической перспективѣ передъ нами рисуется мощная, послѣдовательно развертывающаяся картина. На самомъ же дѣлѣ событія происходили иначе. Мелкая будничная жизнь ни на минуту не прекращалась. Люди, какъ обыкновенно, работали, торговали, любили, интриговали, судились и мирились другъ съ другомъ. Время отъ времени въ эту будничную жизнь милліоновъ врывались чрезвычайныя событія, скоро проходившія и, сравнительно въ рѣдкихъ случаяхъ международныхъ осложненій, непосредственно задѣвавшія большія массы. Обыкновенно событія непосредственно затрагивали только небольшія относительно группы участниковъ. Дни 13 іюля, 5 и 6 октября были „днями" для трехъ-четырехъ десятковъ тысячъ парижанъ. Разстрѣлъ толпы на Марсовомъ полѣ прошелъ почти незамѣченнымъ для Парижа (даже у насъ въ Петербургѣ не мало людей въ трагическій день 9 Января не знали ничего, что дѣлается въ городѣ). Казнь Людовика XVI вовсе не привела въ содроганіе многомилліонный народъ. Гораздо глубже затронули населеніе Франціи эпидеміи „великаго страха" передъ разбойниками (удивительно напоминающія наши толки о черносотенныхъ погромахъ, съ

одной стороны, о бомбахъ, съ другой). Еще болѣе глубокое воздѣйствіе на жизнь произвели такія въ началѣ почти незамѣтныя мѣры, какъ выпускъ ассигнацій и связанная съ этимъ распродажа національныхъ земель. Отдѣльныя возстанія и усмиренія въ Вандеѣ, Ліонѣ и Тулонѣ сознавались современниками, какъ мѣстныя явленія. Только рекрутскіе наборы, война, нашествіе иностранцевъ всколыхнули весь народъ.

Чрезвычайныя событія, потрясавшія время отъ времени будничную русскую жизнь, по своей частотѣ, силѣ, по пространству распространенія значительно превосходятъ то, что было во Франціи. Октябрскіе погромы не могутъ быть и сравнены съ сентябрскими убійствами. Аграрное движеніе въ Россіи гораздо сильнѣе. Ужасы карательныхъ отрядовъ подъ Москвой, на юго-восточныхъ дорогахъ, въ Сибири, междоусобная война въ Прибалтійскомъ Краѣ и на Кавказѣ — все это не уступитъ Вандеѣ. Разгромъ Москвы напоминаетъ разгромъ Ліона. Походъ „Потемкина"—бой подъ Очаковомъ, мятежи въ Кронштатѣ, Владивостокѣ и т. д. Едва ли проходили двѣ недѣли безъ того, чтобы извѣстіе о тѣхъ или иныхъ ужасахъ не пронизало судорогой весь народъ. При современныхъ передаточныхъ аппаратахъ, при повышенной нервной чувствительности дѣйствіе всѣхъ этихъ извѣстій было, конечно, значительно сильнѣе, чѣмъ во Франціи конца XVIII вѣка... Но все это только внѣшніе признаки революціоннаго процесса, сами по себѣ для направленія, для сущности и, такъ сказать, „идеи" революціи не характерные. При первомъ, даже самомъ поверхностномъ сравненіи Французской революціи съ русской бросается въ глаза то, что у насъ все какъ будто происходитъ наоборотъ. Въ то время, какъ во Франціи большею частью (но не всегда) иниціативу насилія брали на себя революціонеры, сторонники новаго строя, у насъ они почти всегда являются жертвами насилія, иниціатива котораго исходитъ отъ слугъ стараго режима. Сентябрскія убійства въ Парижѣ дѣло рукъ крайнихъ революціонеровъ, у насъ октябрскіе погромы подготовлены явными и тайными полицейскими. Дюбуа-Крансе бомбардировалъ Ліонъ за противодѣйствіе революціи, Дубасовъ громилъ Москву за сочувствіе революціонерамъ. Въ Нантѣ топилъ вандейцевъ полу-сумашедшій якобинецъ, въ Севастополѣ разстрѣлялъ и потопилъ сотни матросовъ съ „Оча-

кова" вѣрный слуга стараго порядка адмиралъ Чухнинъ. Единственной во Франціи террористкѣ Шарлотѣ Кордэ, дѣйствовавшей во имя „умѣренныхъ", мы, русскіе, можемъ противоставить Марусю Спиридонову изъ авангарда крайнихъ лѣвыхъ... Наши Мараты, требующіе сотенъ тысячъ головъ—реакціонные и черносотенные публицисты, Берги, Грингмуты, Шараповы, Крушеваны. Французскіе террористы требовали „guillotine en permanence", наши крайніе лѣвые требуютъ отмѣны смертной казни.

Я могъ бы продолжить до безконечности линію такихъ совпаденій—противоположностей. Кое съ какими фактами намъ придется еще познакомиться позднѣе. Теперь же ясно только одно, что всѣ эти насилія, кровь, возстанія, разгромы, усмиренія,—элементъ, хотя и необходимый, но все же внѣшній для революціи, могущій быть повернутымъ противъ той или другой стороны въ силу случайныхъ причинъ, не зависящихъ отъ общаго хода революціи. Насилія и кровопролитія, очевидно, неизбѣжны при революціяхъ и совершаются обѣими сторонами. Но тотъ фактъ, кому будетъ принадлежать печальная привилегія пролить болѣе крови и совершить наиболѣе возмутительныя злодѣянія, зависитъ отъ множества второстепеиныхъ причинъ. Во Франціи пальма первенства принадлежала сторонникамъ новаго режима, въ Россіи—защитникамъ отживающаго, губящаго всю страну, строя. Нельзя сказать, чтобы этотъ фактъ, порожденный причинами второго порядка, не имѣлъ большого значенія въ ходѣ исторіи страны. Идеалистамъ, вѣрующимъ твердо въ конечную побѣду добра, предстоитъ, быть можетъ, пережить сильнѣйшее разочарованіе. Не хочется вѣрить, чтобы міровой рокъ выбралъ Россію полемъ для демоистрированія того, какъ грубая сила изжитаго режима можетъ въ концѣ концовъ „saepe cadendo" задавить всѣ ростки новой жизни...

* * *

Въ чемъ же „сущность" революціи?

Революція отличается отъ мятежа, удачнаго или неудачнаго простого заговора, словомъ, отъ всякаго „безпорядка", какъ такового, тѣмъ, что при ней происходитъ перемѣщеніе матеріальной, имущественной силы, матеріальнаго богатства изъ рукъ одиого класса въ руки другого, и старый правящій элементъ смѣняется новымъ, способнымъ произвести, уско-

рить или укрѣпить передачу матеріальной силы... И такъ въ основѣ всякой революціи лежитъ сравнительно быстро происходящее перемѣщеніе матеріальныхъ, имущественныхъ благъ. Смѣна правящаго элемента связана съ этимъ перемѣщеніемъ *). Въ исторіи нѣтъ примѣровъ, чтобы гдѣ-либо произошло цѣльное обновленіе правящаго класса безъ перемѣщенія матеріальныхъ благъ. Отдѣльныя болѣе или менѣе насильственныя замѣны одной группы правителей другой не составляютъ еще революціи. И 18 Брюмера Наполеона Банапарта, и 2 Декабря Людовика Наполеона, и побѣда Гамбетты надъ Макъ-Магономъ—все это не революціи, такъ какъ при этомъ не было перемѣщенія матеріальныхъ силъ, была только смѣна лицъ и котерій.

Перемѣщеніе матеріальныхъ имущественныхъ силъ изъ рукъ одного класса въ руки другого и замѣна одного правящаго слоя другимъ могутъ происходить медленно и постепенно, въ теченіе десятилѣтій и столѣтій. Такой процессъ называется эволюціей, но въ чистомъ видѣ онъ происходитъ скорѣе въ теоріи, чѣмъ въ дѣйствительности. Въ жизни въ эволюціонный процессъ всегда вторгается съ большей или меньшей стремительностью насильственный переворотъ и превращаетъ мирно текущую эволюцію въ бурную революцію. Съ другой стороны, и революція безъ эволюціи немыслима. Одно насиліе на почвѣ, не расчищенной предварительно эволюціоннымъ процессомъ, не создастъ ничего. Этимъ и объясняются неудачи такъ называемыхъ соціалистическихъ революцій, въ родѣ Парижской Коммуны. Экономическое развитіе страны должно предварительно подготовить, какъ матеріальныя условія для передачи средствъ производства въ руки пролетаріата или всего общества, такъ и тотъ правящій элементъ, который совершитъ или облегчитъ эту передачу.

Классическимъ примѣромъ для изученія революцій продолжаетъ оставаться Великая Французская Революція. Скоро къ ней присоединится русская. Если бы въ средніе вѣка, предшествующіе революціи, французскій крестьянинъ не вы-

*) Подъ правящимъ элементомъ, правительствомъ въ широкомъ смыслѣ слова я разумѣю совокупность всѣхъ лицъ, закономѣрно руководящихъ общественными организаціями и организованными силами народа.

купилъ въ собственность своей парцеллы, а французская буржуазія не сосредоточила въ своихъ рукахъ матеріальнаго богатства, не подготовила бы классъ образованныхъ адвокатовъ, нотаріусовъ, докторовъ, журналистовъ, разныхъ служащихъ, способныхъ къ власти и жаждущихъ ея, то французской революціи, этого толчка, даннаго старому режиму, пожалуй, и не было бы вовсе.

Конфискація монастырскихъ и дворянскихъ земель и распродажа ихъ, съ одной стороны, муниципальная революція, т. е. смѣна мѣстныхъ властей, довершеніая радикальной чисткой администраціи, предпринятой якобинцами послѣ низверженія монархіи, съ другой—вотъ, собственно говоря, въ чемъ вся сущіость французской революціи, безъ чего не было бы явленія, носящаго въ исторіи это имя. Все остальное случайности, второстепенныя подробности, болѣе или менѣе важныя, болѣе или менѣе кровавыя и ужасныя или героическія и прекрасныя.

Если мы съ высоты теоретическихъ предпосылокъ этого ученія о революціи взглянемъ на то, что происходитъ въ Россіи, то придемъ къ странному на первый взглядъ выводу, что революціи въ собственномъ смыслѣ слова у насъ еще не было, но что она впереди и неизбѣжна. Все, что было въ истекшіе два года, это только непріятныя ощущенія женщины въ періодъ беременности. Не только не было еще родовъ, но не начинались даже и родовыя муки. Самое важное, а быть можетъ и самое ужасное (одно съ другимъ нетождественно) еще впереди. Общественныя силы ковали только инструменты для того, чтобы оказать родильницѣ помощь при родахъ и неизвѣстно, окажется ли Государственная Дума достаточно крѣпкимъ для этого инструментомъ, не разобьется ли она при операціи?..

„Сущность“ русской революціи намѣтилась уже вполнѣ ясно. Перемѣщеніе матеріальныхъ силъ будетъ заключаться въ передачѣ земли крестьянству. Новый правящій слой, готовый столкнуть старый помѣстно-приказный міръ и передать землю крестьянству—это такъ называемый „третій элементъ“, интеллигенты, адвокаты, литераторы, земскіе служащіе, народные учителя и т. д. Къ „третьему элементу“ примыкаютъ отдѣльныя передовыя личности изъ стараго, какъ помѣстнаго, такъ и приказнаго міра, рѣшившіяся окончательно порвать со старымъ строемъ.

Всѣ сознаютъ, что и передача земли, и пришествіе новаго правящаго элемента, вѣроятно, совершатся въ скоромъ времени. Но какъ они произойдутъ, при какой обстановкѣ и какимъ путемъ—вотъ гдѣ кроется самая мучительная загадка...

Люди, склонные къ трафаретному мышленію, привыкшіе весь историческій грузъ направлять только по тремъ дорогамъ, носящимъ названіе: феодализмъ, буржуазія и пролетаріатъ, будутъ недовольны изложенной здѣсь схемой. Откуда взялся этотъ „третій элементъ"—спросятъ они—что это такое? Но эти люди или безнадежно слѣпы, или намѣренно искажаютъ дѣйствительность. У насъ существуютъ, какъ извѣстно, партіи соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ. Они упрекаютъ и другъ друга, и конституціонно-демократическую партію въ „буржуазности". Соціалъ-демократы гордо именуютъ себя партіей пролетаріата. Но вглядитесь внимательнѣе въ столичные и провинціальные штабы этихъ истинно-революціонныхъ партій. Все это сплошь русскіе интеллигенты, такъ называемый „третій элементъ". Всѣ вожди исключительно изъ этой среды. Въ Государственную Думу избрано много крестьянъ. Крестьяне эти составили особую „трудовую" группу, крайнюю лѣвую, къ которой примкнули и всѣ депутаты, именующіе себя соціалъ-демократами и соціалистами-революціонерами. Эту группу противоставляютъ „буржуазнымъ кадетамъ". Кто же стоитъ во главѣ этой группы? „Крестьяне" Аладьинъ, Аникинъ, Заболотный, Жилкинъ, Ульяновъ и другіе, т. е. народные учителя, адвокаты, журналисты, земскіе служащіе, т. е. все тотъ же „третій элементъ". Тюрьмы переполнены, ежедневно туда вливаются новыя партіи, ежедневно арестантскіе вагоны желѣзныхъ дорогъ увозятъ на востокъ сотни и тысячи людей... Кого? Все изъ той же интеллигенціи, изъ того же „третьяго элемента". Правительство хорошо чуетъ, гдѣ его настоящій, безпощадный врагъ и пытается, какъ губкой съ классной доски, стереть съ напуганныхъ уѣздовъ даже налетъ интеллигенціи. Правительство прозорливѣе и справедливѣе ослѣпленныхъ партійными раздорами революціонеровъ и, сгоняя въ тюрьмы русскую интеллигенцію, мало интересуется тѣмъ, заражены ли отрубаемые члены соціалъ-демократической, соціалъ-революціонной или кадетской ересью. И, дѣйствительно, съ точки зрѣнія и соціальнаго положе-

нія борцовъ, и историческаго хода событій безразлично, къ какой изъ трехъ указанныхъ партій принадлежитъ народный учитель. Онъ все одно—представитель „третьяго элемента" и, если онъ не черносотенецъ (а это бываетъ рѣдко), то всегда былъ и будетъ безпощаднымъ врагомъ бюрократическаго правительства, готовымъ при поддержкѣ народа занять мѣсто правительства для осуществленія воли народа.

Всѣ наши нынѣшнія партійныя и фракціонныя различія въ лагерѣ сторонниковъ освободительнаго движенія не имѣютъ еще серьезнаго историческаго значенія. Эти различія въ лучшемъ случаѣ являются только предвѣстниками, предуказаніями на ту дѣйствительную дифференціацію, которая возникнетъ въ нашемъ народѣ по завершеніи революціи, дающей ему „землю и волю". Тогда населеніе расколется на рѣзко дифференцированные слои, которые, благодаря свободѣ вынуждены будутъ сами защищать свои интересы и вызовутъ къ жизни и поддержатъ, каждый слой свою интеллигенцію. Теперь же всѣ эти споры и партійныя распри производятъ впечатлѣніе искусственной игры въ политику, приносящей, однако, довольно печальные результаты. Въ спорахъ византійскихъ религіозныхъ схоластовъ, не прекращавшихся даже при громѣ турецкихъ пушекъ, мы можемъ найти не особенно лестный для насъ прецедентъ...

Государственная Дума, орудіе, выкованное русскими общественными силами для производства революціи, должна быть названа Думой „третьяго элемента". Тѣ, относительно немногочисленные, помѣщики, которые входятъ въ составъ конституціонно-демократической партіи, вполнѣ искренно отошли отъ стараго берега и вполнѣ сознательно хотятъ пристать къ новому. Они ясно и категорически рѣшили передать землю крестьянамъ, а власть—народной интеллигенціи черезъ всеобщее голосованіе. Разныя причины, велѣнія, какъ чувства, такъ и разсудка заставили ихъ выбрать эту дорогу и у насъ нѣтъ основаній не вѣрить имъ. Въ свое время „кающіеся дворяне" сослужили не малую службу Французской революціи, и русскій народъ не имѣетъ права отталкивать отъ себя тѣхъ помѣщиковъ, которые рѣшили передать свои силы и знанія на пользу народу.

Передача земли народу и соотвѣтственное этому переустройство мѣстной жизни—неизбѣжно. Неизбѣжность этого сознается всѣми въ Россіи, и развѣ только рѣдкіе экземпляры

допотопныхъ крѣпостниковъ—мастодонтовъ отрицаютъ необходимость и неминуемость такого переворота. Даже правящая бюрократія какъ будто понимаетъ это и дѣлаетъ видъ, что готова идти на встрѣчу неизбѣжному. Но должно ли новое дѣло быть сдѣлано новыми руками? Не будетъ-ли оно по силамъ и старымъ правителямъ? Неизбѣжна ли предварительная или одновременная смѣна всего стараго правящаго персонала и замѣна его новымъ изъ „третьяго элемента"? Или же бюрократія сдѣлаетъ удачную попытку поставить въ этомъ мѣстѣ запруду революціонному движенію и разрѣшитъ соціально-экономическую земельную задачу руками стараго помѣстно-приказнаго слоя?

Тутъ передъ намн открытое поле. До сихъ поръ положеніе не опредѣлилось съ исчерпывающей полнотой, до сихъ поръ не подсчитаны силы. Возможны самыя разнообразныя комбинаціи съ самымъ различнымъ исходомъ. Это чисто политическая задача, которая рѣшается борьбой, соотношеніемъ силъ. Никакое точное предвидѣніе тутъ невозможно. Всякое разсужденіе на эту тему должно начинаться и заканчиваться словами: если—если. Элементъ желательнаго тутъ вполнѣ умѣстенъ. Мы должны ясно поставить нашу цѣль и подыскать ту комбинацію условій, при которой она можетъ быть осуществлена.

Наша цѣль добиться того, чтобы россійская революція прошла успѣшно, не была сорвана и эскамотирована, чтобы новое дѣло строилось новыми руками. Представляется, вообще, маловѣроятнымъ, чтобы наше нынѣшнее приказно-помѣстное правительство могло осуществить революцію, чтобы оно нашло въ себѣ достаточно ума и силъ для передачи земли крестьянамъ и для устройства жизни на началахъ законности. Наши приказные все свое царство произвола строятъ на прикрываніи своихъ дѣйствій именемъ Царя, на эксплуатированіи того авторитета, которымъ и по сію пору имя Царя пользуется въ народныхъ массахъ. Для того, чтобы имѣть эту защиту, приказные должны заручиться благорасположеніемъ тѣхъ, по адресу которыхъ великій поэтъ уже семьдесятъ лѣтъ тому назадъ бросилъ гнѣвныя слова: „вы, жадною толпой стоящіе у трона, свободы, генія и славы палачи". Расположенія этихъ господъ нельзя добиться согласіемъ на радикальную земельную реформу и прекращеніемъ безконтрольнаго расходованія народныхъ денегъ.

Нашъ приказный строй былъ всегда приказно-помѣстнымъ и превратиться въ приказно-демократическій едва-ли сможетъ. Правда, исторія зарегистрируетъ нѣсколько демагогическихъ попытокъ нашей бюрократіи опереться на народныя массы. Крестьянская политика Муравьева въ Литвѣ, и въ особенности Черкасскаго и Милютина въ Польшѣ была небезуспѣшна. Но во первыхъ, тутъ дѣйствовали особыя національно-политическія причины, а во вторыхъ и милютинскій демократизмъ былъ половинчатый. Новѣйшее время знаетъ зубатовскія попытки заигрыванія съ рабочими массами. Говорятъ, что генералъ Треповъ большой поклонникъ зубатовщины и желалъ бы испытать ея дѣйствіе на крестьянахъ. Говорятъ для этой цѣли затѣяны были казенныя квартиры для депутатовъ—крестьянъ, курьезное общество „Народный міръ" Коренева и т. д. Но нужно признать, что и всѣ эти попытки отдаютъ трупомъ. Ихъ насквозь пронизываетъ узко-полицейскій шантажъ. Его достаточно для того чтобы вызвать мѣстную смуту, инсценнировать массовыя убійства и разгромы, но при помощи такого полицейскаго шантажа невозможно отвести русло революціи. Во вторыхъ, полицейская демагогія до сихъ поръ тщательно избѣгала затрогивать вопросъ о землѣ, ибо чувствовала, что здѣсь зарыта та кащеева игла, сломать которую значитъ умертвить черную сотню.

Черносотенцевъ еще слушаютъ, пока они говорятъ о Царѣ, жидахъ, образованныхъ господахъ, но все обаяніе полицейскихъ демагоговъ испаряется, какъ дымъ, когда они начинаютъ увиливать отъ рѣзко поставленнаго вопроса о землѣ. Если-же черносотенцы осмѣлятся въ земельномъ вопросѣ стать на народную точку зрѣнія, то сверху немедленно придетъ приказъ прекратить пропаганду. Какъ извѣстно, даже обрусительная, но противо-помѣщичья дѣятельность прибалтійскихъ генераловъ и Милютина въ Польшѣ вызвала испугъ и недовольство придворныхъ слоевъ. Зубатовщина, какъ извѣстно, тоже закончилась не безъ позора для ея творцовъ, и всѣ эти Зубатовы и Шаевичи отъ самаго Плеве услыхали грозный окрикъ: цыцъ! перестать! Такъ, по всей вѣроятности, будетъ и впредь. Нынѣшнее приказное правительство не можетъ оторваться отъ своей помѣстной половины.

Но если бы невѣроятное оказалось возможнымъ, и ны-

нѣшніе правители нашли бы рѣшимость, силу и умѣнье для радикальныхъ земельной и административной реформъ, тогда мы должны поставить вопросъ о желательности. Желательно ли оставить дѣло обновленія Россіи въ старыхъ рукахъ? Конечно, нѣтъ. Даже въ земельномъ вопросѣ старые правители обсчитаютъ крестьянъ. Они наложатъ на землю невыносимые платежи, обставятъ добавочное надѣленіе такими условіями, которыя въ той или иной мѣрѣ воскресятъ тѣ проекты возстановленія крѣпостного права, которые при Плеве вырабатывалъ одинъ изъ вождей нынѣшняго правительства г. Стишинскій. Нынѣшніе правители никогда не смогутъ отречься отъ своихъ полицейскихъ навыковъ. Они всегда будутъ преслѣдовать свободное человѣческое слово и, кто знаетъ нашу интеллигенцію, тотъ ни на минуту не усумнится, что она никогда не примирится съ правящей бюрократіей. Лихорадка, терзающая страну, не прекратится. По прежнему лучшія силы націи будутъ отрываться отъ творческой производительной работы и безплодно растрачиваться и погибать въ физической борьбѣ. Это насильственное удаленіе изъ жизни лучшихъ силъ причиняетъ огромный ущербъ Россіи и можетъ создать положеніе опасное и для самого существованія государства. Раздираемая внутреннимъ междоусобіемъ, Россія будетъ беззащитна противъ внѣшняго врага.

Я знаю только одинъ мирный исходъ изъ нынѣшняго кризиса. Это—постепенная передача власти въ новыя рукн черезъ посредство Государственной Думы. Для этого изъ Думы надо сдѣлать духовный центръ страны и, какъ моральную силу противопоставить ее физической силѣ правительства. Всѣ партіи, стремящіяся къ „освобожденію", должны объединиться вокругъ Думы и для защиты ея. Для такого объединенія необходимо сдѣлать взаимныя уступки. Отвѣтный адресъ Государственной Думы и является той максимальной платформой, которая можетъ объединить оппозицію. Большихъ уступокъ ни отъ кого требовать нельзя безъ ущерба для союза. Попытки дискредитировать Думу, породить междоусобіе въ рядахъ освободительнаго движенія принесутъ пользу только правительству, а такія попытки уже намѣчаются. Сторонники такого „междоусобія" должны помнить, что сколько-нибудь широкое и мощное народное выступленіе возможно у насъ только въ связи съ Думой и съ вопросомъ о землѣ. Кому надоѣли безплодныя, хотя и шум-

ныя частичныя „выступленія", тотъ долженъ же, наконецъ, отдать себѣ отчетъ въ дѣйствительномъ положеніи дѣлъ и не увлекаться голой политической игрой.

Попытки сразу перескочить въ XXI вѣкъ окончатся неудачей, а современное правительство воспользуется ими, чтобы выковать военную диктатуру, болѣе умную, чѣмъ при Дурново. Въ этомъ главная опасность переживаемаго момента.

* * *

У насъ очень любятъ проводить параллели между событіями русской жизни и великой Французской революціей. Выше было уже указано, почему эти параллели не могутъ имѣть серьезнаго значенія. Во Франціи революціонный органъ „Національное Собраніе" почти съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности, благодаря, съ одной стороны, полному развалу регулярной наемной арміи, а съ другой—муниципальнымъ революціямъ, родившимъ національную гвардію, пріобрѣлъ фактическую силу и сталъ не на бумагѣ, а на дѣлѣ полновластнымъ учредительнымъ собраніемъ. Поэтому то въ послѣдовавшей борьбѣ французскіе народные представители выступили активно и взяли на себя иниціативу террора. У насъ же все происходило наоборотъ, и самоотверженныя народныя выступленія привели пока только къ образованію законодательной, но не правительственной Думы.

Если уже сравнивать Французскую революцію съ современными русскими событіями, то матеріалъ для сравненій слѣдуетъ искать не въ 1789 и 1793 годахъ, а въ исторіи Директоріи наканунѣ ея паденія въ 1798 и 1799 годахъ. Власть была въ рукахъ Директоріи и поддерживавшихъ ее выродившихся революціонеровъ въ палатахъ, противъ которыхъ на ряду съ „роялистами", ставшими общимъ знаменемъ для недовольныхъ, боролись и послѣдніе якобинцы. Правленіе Директоріи до мелочей напоминаетъ правленіе нашей нынѣшней бюрократіи.

Борьба Директоріи съ типографіями и газетами, которыя чуть ли не ежедневно переживали метаморфозы, превращаясь изъ „Газеты свободныхъ людей" въ „Газету людей", затѣмъ во „Врага угнетателей" и т. д., представляетъ словно страничку изъ нашей недавней исторіи. Самъ Фуше

съ его „невозмутимымъ цинизмомъ, спокойной дерзостью, холодной ироніей и склонностью къ мистификаціямъ", очень сильно напоминаетъ маленькаго Дурново. Если не останавливаться на мелочахъ, а вдуматься глубже, то нетрудно открыть сходство и между Сійэсомъ и Витте. Къ чему сводилась задача Директоріи? По словамъ г-жи Сталь, одинъ террористъ далъ ей такое мѣткое и исчерпывающее объясненіе: „Мы дошли до того, что уже не думаемъ о спасеніи принциповъ революціи, впору спасать людей, сдѣлавшихъ ее". Наша бюрократія тоже дошла до такого положенія, что уже не думаетъ о спасеніи „принциповъ самодержавія" или даже монархіи, а ей „впору только спасать людей, на дѣлѣ осуществлявшихъ самодержавный произволъ". Слѣдствія и тутъ, и тамъ были одни и тѣ же. Полиція отвлекалась отъ надзора за общественной безопасностью, такъ какъ всѣ ея силы отдавались охранѣ правителей, выслѣживанію враговъ Директоріи, устройству интригъ. Вслѣдствіе этого общественной безопасности не существовало, разбои, грабежи и убійства развились до чрезвычайныхъ размѣровъ. Судьи были лишены и тѣни независимости и развращались, съ одной стороны, терроромъ правительственнымъ, съ другой—терроромъ народнымъ. Не умѣя справиться съ народнымъ движеніями, Директорія стала бороться съ ними системой коллективной отвѣтственности общинъ, деревень и семей. Законъ о заложникахъ, примѣненный у насъ на свой страхъ Ренненкампфомъ въ Сибири, а другими генералъ-губернаторами въ своихъ сатрапіяхъ, во Франціи временъ Директоріи былъ облеченъ въ правильную законодательную форму. Населеніе приговаривало къ смерти тѣхъ чиновниковъ, которые пытались примѣнить позорный законъ.

Законодательныя выборныя учрежденія и конституція, на основѣ которой они существовали, были дискредитированы въ общественномъ мнѣніи, и главная заслуга въ этомъ дѣлѣ падала на якобинцевъ. Такое положеніе дѣлъ и утвердило въ Сійэсѣ и другихъ революціонерахъ того же типа мысль о необходимости переворота при содѣйствіи „шпаги". Содѣйствія „шпаги", содѣйствія „войскъ" искали тогда *всѣ партіи отъ крайнихъ правыхъ до крайнихъ лѣвыхъ*. Если проводить параллели между нашимъ временемъ и Французской революціей, то ни въ коемъ случаѣ нельзя упускать изъ виду этой жажды имѣть на своей сторонѣ грубую воен-

ную силу. Въ извѣстный моментъ въ глазахъ близорукихъ политиковъ всѣ комбинаціи сводятся къ одному вопросу: что скажутъ войска? Это одинъ изъ признаковъ надвигающейся военной диктатуры. Якобинцы не менѣе Сійэса и Талейрана жаждали военнаго переворота. Они тоже мечтали о шпагѣ Бернадотта, Журдана, даже Бонапарта. Но когда Бонапартъ произвелъ переворотъ вмѣстѣ съ Сійэсомъ, когда онъ ниспровергъ конституцію, „тѣ самые якобинцы,—пишетъ Вандаль,—которые уже нѣсколько мѣсяцевъ замышляли пустить въ трубу конституцію, замѣнивъ ее демагогической диктатурой, теперь цѣплялись за нее, какъ за ковчегъ завѣта“...

Если исторія чему-нибудь кого-нибудь можетъ научить, то возникновеніе Бонапартовской диктатуры для русскихъ людей должно быть самой поучительной страницей во всей исторіи Французской Революціи...

А. С. Изгоевъ.

Земельныя перспективы дворянскаго сословія.

Рѣшеніе у насъ аграрнаго вопроса близко затрагиваетъ интересы дворянскаго сословія. Владѣя до освободительной реформы почти исключительно правомъ на землю, дворянство и послѣ освобожденія крестьянъ оказывается собственникомъ крупнаго земельнаго фонда. Общая площадь дворянской земли уступаетъ, правда, площади государственныхъ земель; но эти послѣднія въ подавляющей своей части совершенно не приспособлены въ настоящее время къ земледѣльческой культурѣ; земель же удѣльныхъ, церковныхъ, общественныхъ сравнительно немного; поэтому главной мишенью, которую имѣютъ въ виду всѣ планы расширенія крестьянскаго землевладѣнія, являются все же частновладѣльческія, т. е. въ большинствѣ тѣ-же дворянскія земли. Будетъ ли, въ цѣляхъ дополнительнаго надѣленія крестьянъ землею, допущена экспропріація, или же если бы дѣло ограничилось даже простымъ расширеніемъ дѣятельности крестьянскаго банка, какъ это категорически выражено въ правительственной декларации на отвѣтный адресъ Думы, во всякомъ случаѣ дворянское землевладѣніе остается главнымъ фондомъ, изъ котораго придется черпать для надѣленія крестьянъ.

Если исключить нѣкоторыя крайнія и утопическія требованія о безвозмездной конфискаціи частновладѣльческихъ земель, то во всѣхъ другихъ случаяхъ справедливымъ матеріальнымъ интересамъ дворянства въ сущности не грозитъ опасности,—по крайней мѣрѣ до самаго послѣдняго времени такой опасности не было. Не говоря уже о томъ, что покупка земель при помощи крестьянскаго банка, трогательно укрывшагося подъ одной общей крышей съ дворянскимъ, казалось бы, обѣщаетъ дворянамъ однѣ великія и богатыя милости, такъ какъ крестьянскій банкъ, взвинчивая земельныя цѣны, дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ скорѣе въ интересахъ обижаемыхъ дворянъ, чѣмъ въ интересахъ опекаемыхъ крестьянъ,—даже наиболѣе «радикальный» проектъ экспропріаціи частновладѣльческихъ земель, съ такимъ трескомъ прова-

лившійся въ Совѣтѣ Министровъ, предусматривалъ всѣ выгоды владѣльцевъ земли и даже привлекалъ ихъ самихъ къ обсужденію на мѣстахъ вопросовъ объо тчужденіи земель и ихъ оцѣнкѣ.

Нѣсколько менѣе благопріятныя для дворянъ перспективы рисуются въ новыхъ проектахъ, вносимыхъ въ Думу; такъ, по аграрному проекту, внесенному партіей народной свободы, предположено обязательное отчужденіе «за счетъ государства, въ потребныхъ размѣрахъ, частновладѣльческихъ земель съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ владѣльцевъ по справедливой оцѣнкѣ, т. е. сообразно съ нормальной въ данной мѣстности доходностью, при условіи самостоятельнаго веденія хозяйства, не принимая во вниманіе арендныхъ цѣнъ, созданныхъ земельной нуждой». Но и этотъ проектъ, объективно говоря, стоитъ на слишкомъ умѣренной почвѣ, вполнѣ гарантируя справедливые интересы дворянства, фиксація же доходности «при условіи самостоятельнаго веденія хозяйства», основаннаго вообще на безвыходномъ положеніи безработной земледѣльческой массы, фактически капитализируетъ оцѣнку дворянской земли по слишкомъ высокой доходности. Если при осуществленіи этого проекта дворянство и лишится чего-нибудь, то именно лишь нѣкоторыхъ изъ тѣхъ добавочныхъ по отношенію къ справедливой нормѣ, выгодъ, которыя до сихъ поръ являются плодомъ экономической эксплоатаціи ва почвѣ земельной нужды.

Но дворянство въ общей своей массѣ не хочетъ признать новыхъ требованій, предъявляемыхъ къ нему жизнью. Повидимому, аграрный вопросъ и является тѣмъ главнымъ ферментомъ, который такъ обостряетъ отношеніе дворянскаго сословія къ освободительному движенію. Почуявъ для себя немалую опасность въ новыхъ вѣяніяхъ, дворянство приняло крайнее боевое положеніе по отношенію къ тому, что день грядущій ему готовитъ. И на дворянскихъ съѣздахъ, и въ дворянскихъ депутаціяхъ, и въ спеціальной дворянской литературѣ слышится неизмѣнно одинъ рѣшительный лозунгъ—«ни пяди земли», какъ будто дѣло идетъ объ уступкѣ территоріи исконному непріятелю и, главное, какъ будто опасность такой уступки возникаетъ лишь съ завтрашняго дня, когда придутъ «они» и начнутъ брать землю. На дѣлѣ же позиція эта—увы!—давно уже на добрую половину уступлена, не смотря на всѣ искусственныя за казенный счетъ подпорки, и при томъ уступлена съ такой пользой для «обиженныхъ» дворянъ, что на простой здравый взглядъ, и значительной части другой половины, потерявшей реальную связь съ землею, есть полный разсчетъ также перейти въ ряды «обиженныхъ».

Ко времени реформы у дворянъ было 79,1 милл. дес. земли. За

10 слишкомъ мѣсяцевъ 1861 года, дворане продали 200 тыс. дес. земли и за 1862 годъ—300 тыс. Затѣмъ картину мобилизаціи дворянской земли, въ отношеніи количества ея (въ тысячахъ десятинъ), можно представить въ слѣдующемъ видѣ [1]).

	За 1863—72 годы.	За 1873—82 годы.	За 1883—92 годы.	За 1893—97 годы.	За 1863—97 годы.
Продано дворянами. .	16.120	23.431	17.996	9.582	67.129
Куплено дворянами. .	9.673	13.941	9.688	5.099	38.401
Убыло дворянской земли	6.447	9.490	8.308	4.483	28.728

Стоитъ лишь нѣсколько оглянуться на прошлое—и увидимъ, что вся исторія дворянскаго землевладѣнія—это въ сущности исторія постепеннаго отчужденія дворянскихъ земель и что въ конечномъ результатѣ дворянская земля въ подавляющей ея части, должна перемѣститься въ другія руки, совершенно безотносительно къ тому, будетъ ли это послѣдствіемъ коренной аграрной реформы или же это произойдетъ въ силу естественной эволюціи экономическихъ отношеній. Коренная ломка существующаго аграрнаго строя поставила бы этотъ процессъ перемѣщенія земельной собственности въ совершенно закономѣрныя рамки и избавила бы обѣ заинтересованныя стороны отъ тѣхъ болѣзненныхъ эксцессовъ, какими теперь сопровождается ихъ взаимная ожесточенная борьба, поле которой такъ ярко освѣщается заревомъ пожаровъ, оглашается человѣческими стонами и обильно поливается потоками крови.

Такимъ образомъ, изъ 79 слишкомъ милліоновъ дворянской земли продано было за 35 лѣтъ почти 70 милл. дес.; такъ какъ одно и тоже имѣніе могло фигурировать въ сдѣлкахъ много разъ, то данная цифра выражаетъ лишь приблизительно, какая именно часть дворянскаго землевладѣнія дѣйствительно была втянута въ мобилизаціонный оборотъ. Изъ всего количества проданной земли обратно куплено дворянами же около 40 милл. дес., такъ что въ результатѣ отчуждено дворянскихъ земель около 30 милл. дес., т. е. болѣе $\frac{1}{3}$ всей земли, находившейся въ рукахъ дворянъ во время реформы.

Въ отчужденіи дворянской земли въ приведенныхъ общихъ цифрахъ не видно какого либо однообразнаго, послѣдовательнаго темпа. Въ первое изъ разсматриваемыхъ десятилѣтій, дворянство вынесло на рынокъ 16,1 милл. дес., пріобрѣло обратно 9,7 милліоновъ, такъ что

[1]) Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи, в. VII.

общій размѣръ проданной площади за десять лѣтъ опредѣлился въ 6,4 милл. десятинъ, что составляетъ годовую убыль въ 645 тыс. дес. Въ слѣдующее десятилѣтіе (1873—1883 г.г.) продано 23,4 милліона, куплено 13,9 милл. и въ результатѣ убыль дворянской земельной площади—9,5 милл. десятинъ или въ среднемъ 947 тысячъ десятинъ въ годъ. Въ третье десятилѣтіе (1883—1892 г.г.), когда дворянствомъ было продано 18 милл. и куплено 9,7 милл. дес., убыль опредѣляется въ 8,3 милл. и въ годъ—830 тыс. дес. За ближайшее къ намъ пятилѣтіе продано дворянствомъ 9,6 милл. дес., куплено 5,1 милл. и общая потеря выражается въ количествѣ 4,5 милл. дес., что составляетъ 897 тыс. десятинъ въ годъ.

Изъ трехъ десятилѣтій наиболѣе значительные размѣры мобилизація приняла во второе, среднее; за нимъ слѣдуетъ ближайшее къ намъ пятилѣтіе, затѣмъ десятилѣтіе 1883—1892 г.г. и, наконецъ, первое послѣ реформы. Какъ видно отсюда, убыль дворянскихъ земель за послѣдніе годы, за какіе у насъ имѣются свѣдѣнія, не обнаруживаетъ тенденціи къ уменьшенію; понизившійся было послѣ второго десятилѣтія размѣръ этой убыли опять затѣмъ повышается. Такимъ образомъ, постепенность роста убыли дворянскаго землевладѣнія нѣсколько нарушается десятилѣтіемъ 1873—1882 г.г., когда убыль дворянской земли достигла максимальной цифры за все пореформенное время. Но это нарушеніе несущественно и получилось въ результатѣ сочетанія различнаго хода мобилизаціи въ отдѣльныхъ районахъ. Особенно высокую убыль дворянской земли въ десятилѣтіе 1873—1882 г.г. дали два центральные (земледѣльческій и промышленный) и сѣверный районы, что и повліяло на общую картину хода отчужденія дворянской земли. Что касается въ частности сѣверныхъ лѣсныхъ губерній, то дворянство здѣсь по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ не вело сельскаго хозяйства, къ занятію же лѣсопромышленностью, очевидно, склонности не питало, предпочитая сбывать свои лѣсныя имѣнія профессіональнымъ лѣсопромышленникамъ; затѣмъ въ подмосковныхъ губерніяхъ нечерноземнаго центральнаго района помѣщики не вели хозяйства и до освобожденія крестьянъ, которые состояли у нихъ большею частью на оброкѣ; освободительная реформа только дала толчекъ къ отходу земли отъ тѣхъ, кто фактически стоялъ отъ нея далеко. Слѣдовательно сокращеніе размѣра убыли дворянской земли послѣ второго десятилѣтія не говоритъ объ измѣненіи общей и послѣдовательной тенденціи къ сокращенію площади дворянскаго землевладѣнія; оно, напротивъ, произошло отъ того, что часть дворянства, наименѣе связанная съ землею, слишкомъ поспѣшила ликвидировать съ нею свои счеты. Но если упомянутые три района, изъ которыхъ два не имѣютъ

собственно сельско-хозяйственнаго значенія, исключить изъ общей картины, то въ цѣломъ рядѣ другихъ районовъ теченіе процесса было совсѣмъ другое. «Убыль дворянскаго землевладѣнія отъ наименьшей величины въ 60-хъ годахъ, постепенно увеличиваясь, дошла до максимума въ пятилѣтіе 1893—1897 г.г. Особенно характерны въ ряду этихъ районовъ оба западные. Въ первое время вся земля, продаваемая дворянами, скупалась тутъ дворянами же, и убыль дворянскаго землевладѣнія была наименьшею, а иногда отмѣчалась и прибыль (преимущественно въ сѣверо-западномъ краѣ въ зависимости отъ продажи конфискованныхъ имѣній русскимъ дворянамъ). Въ послѣднее время увеличился спросъ на дворянскія земли со стороны крестьянъ, и убыль ихъ площади пошла быстрѣе. Къ этому типу районовъ примыкаетъ далѣе малороссійскій, а отчасти и восточный—съ минимумомъ въ 70-хъ годахъ. Большинство перечисленныхъ районовъ принадлежитъ къ черноземной полосѣ, гдѣ они и преобладаютъ, а потому и въ итогѣ по всей полосѣ наблюдается постепенное увеличеніе убыли дворянскихъ земель, тогда какъ нечерноземная полоса примыкаетъ къ общерусскому типу» [1]). Особое положеніе занимаетъ степной районъ, въ которомъ послѣдовательный ходъ убыли дворянскаго землевладѣнія нарушается лишь послѣднимъ пятилѣтіемъ; здѣсь сравнительно недавно были пожалованы дворянству обширныя латифундіи, которыя трудно было цѣликомъ использовать въ степномъ краѣ; затѣмъ, грюндерское повѣтріе, охватившее этотъ районъ, значительно повысило здѣсь стоимость земли, которую поэтому очень выгодно было сбывать; но ликвидація промышленныхъ увлеченій въ послѣдніе годы должна была задержать здѣсь и распродажу дворянской земли.

Вотъ порайонныя данныя убыли дворянской земли за 35 лѣтъ:

ГУБЕРНІИ.	Въ среднемъ за годъ убывало (въ тысячахъ десятинъ).			
	1863—72	1873—82	1883—92	1893—97
Сѣверныя	230,5	301,9	179,0	199,1
Центр. промышленныя . . .	146,3	239,5	165,2	158,1
Центр. земледѣльческія . . .	96,0	135,9	94,3	114,8
Сѣверо-западныя	+ 30,9	32,2	104,9	149,6
Малороссійскія	31,3	43,0	57,7	58,4
Юго-западныя	6,1	25,1	25,9	46,0
Восточныя	57,2	44,3	45,4	87,3
Южныя степныя	108,0	127,5	158,6	83,1

[1]) Materiały, в. XI.

Грубо-схематически территорію 45 губерній можно разбить, въ отношеніи мобилизаціи дворянскихъ земель, слѣдующимъ образомъ. Наибольшая убыль захватываетъ крайній сѣверъ съ центральной нечерноземной площадью и крайній степной югъ. Среднюю полосу къ югу и западу мобилизаціонный процессъ захватилъ въ меньшихъ размѣрахъ, — но зато онъ имѣетъ здѣсь правильный, неуклонно-послѣдовательный характеръ. По этнографическому составу дворянства (если вообще можно связывать національность дворянъ съ этнографическимъ характеромъ территоріи, на которой расположены ихъ владѣнія) великорусское дворянство въ большей степени отчуждаетъ свои земли, чѣмъ малорусское, польское и литовско-бѣлорусское.

Наиболѣе интересно прослѣдить ходъ мобилизаціи дворянскихъ земель въ ближайшее къ намъ время. Оказывается, что преобладаніе дворянскихъ продажъ надъ покупками, отмѣченное для Европейской Россіи за весь пореформенный періодъ, было не менѣе постоянно и въ послѣднее пятилѣтіе 1893—97 гг., и не только по всей Россіи, но и по отдѣльнымъ мѣстностямъ ея. «Въ цѣломъ за все пятилѣтіе ни въ одномъ районѣ и даже ни въ одной губерніи не отмѣчено увеличенія дворянскаго землевладѣнія. Таковое наблюдалось тамъ и симъ только за послѣдніе годы. Такъ, оно констатировано лишь по одному району — сѣверному—за 1894 годъ. Изъ 45 губерній, по которымъ за 5 лѣтъ имѣется 225 показаній, только въ 11 случаяхъ отмѣчено увеличеніе дворянскаго землевладѣнія, но и тутъ, чаще всего, оно было крайне не велико» [1]).

Безспорнымъ такимъ образомъ является тотъ фактъ, что дворянство въ теченіе всего пореформеннаго періода теряло землю. Въ какой постепенности совершался этотъ процессъ убыли? Въ какомъ отношеніи темпъ продажи относится къ пріобрѣтенію дворянами земли? «Матеріалы» Д-та Окладныхъ Сборовъ свидѣтельствуютъ, что стремленіе дворянъ продавать росло быстрѣе ихъ стремленія къ покупкѣ земель, а потому относительное значеніе убыли дворянскаго землевладѣнія возрастало.

Каковы же конечные результаты постепенной распродажи дворянскихъ земель въ теченіе всего пореформеннаго времени—по отношенію къ первоначальной площади дворянскаго землевладѣнія? Чтобы не затруднять читателя, не буду приводить абсолютныхъ цифръ и ограничусь лишь относительными данными, взятыми изъ тѣхъ же «Матеріаловъ», принимая площадь дворянской земли въ 1862 году за 100. Исходя изъ этой основной величины, получимъ, что въ различные

[1]) „Матеріалы", в. XI.

періоды дворянство владѣло слѣдующими размѣрами своей первоначальной площади—въ $^0/_0$-тахъ:

	1862	1867	1877	1887	1897
Центральный промышленный . . .	100	96	79	63	49
Сѣверный	100	96	75	56	44
Сѣверо-Западный	100	101	100	96	87
Центр. земледѣльческій	100	97	88	80	73
Малороссійскій	100	98	90	79	68
Юго-западный	100	101	97	93	87
Степной	100	94	84	66	56

Какъ видимъ, дворянское землевладѣніе таетъ само собою, внѣ всякаго воздѣйствія какихъ либо мѣропріятій революціоннаго характера. Но этого мало. Земля уходитъ отъ дворянъ, не смотря даже на всѣ тѣ связи, какими желаютъ искусственно привязать ее къ сословію. Мѣры въ этомъ направленіи начались очень давно. Дружный хоръ дворянскихъ жалобъ на оскудѣніе раздается еще со второй половины XVIII в., когда многіе изъ дворянъ «приходили отъ долговъ въ убожество и разореніе». Плохо и тогда помогалъ открытый дворянамъ казенный кредитъ, ибо, какъ говорится въ одномъ изъ манифестовъ императора Павла I, «стеная подъ бременемъ долговъ изъ рода въ родъ», не многіе дворянскіе роды «воспользовались сложеніемъ съ себя сего бремени способами, въ государственныхъ банкахъ отверзтыми, но большая часть усугубила свои долги». Тепличный уходъ за дворянскимъ землевладѣніемъ продолжается затѣмъ въ теченіе всего минувшаго вѣка. Въ числѣ многихъ другихъ мѣръ, направленныхъ къ поддержанію дворянскаго сословія и его землевладѣнія, одною изъ самыхъ значительныхъ оказалось учрежденіе государственнаго дворянскаго земельнаго банка. Постоянныя дворянскія жалобы на «оскудѣніе», капля за каплей долбившія въ одну точку, произвели свое дѣйствіе, и поддержка была оказана на самой дѣйствительной—экономической почвѣ путемъ государственнаго кредита, льготный характеръ котораго, достаточно ярко выраженный и въ началѣ, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе расширялся подъ вліяніемъ все новыхъ и новыхъ домогательствъ первенствующаго сословія. Насколько поддержка эта удовлетворяла дворянскимъ интересамъ, видно изъ того, что по даннымъ послѣдняго отчета дворянскаго банка за время дѣятельности послѣдняго — съ 1885 по 1 января 1904 г. — заложено въ немъ 24.707 имѣній въ 22.165,7 тыс. дес. земли, которая оцѣнена банкомъ въ 1.493 милліоновъ руб. и подъ залогъ которой выдано въ ссуду 846 милліоновъ рублей.

Приведенныя цифры, достаточно крупныя сами по себѣ, не выражаютъ однако всей суммы требованій, предъявляемыхъ дворянскимъ сословіемъ къ банку, такъ какъ не всѣ эти требованія банкомъ удовлетворялись. Такъ, въ послѣднемъ, за какой имѣются свѣдѣнія, 1903 г. поступило въ банкъ 1890 заявленій о ссудахъ, предъявлено было земли къ залогу свыше 2 мил. десятинъ, при чемъ испрашивалось въ ссуду болѣе 106 мил. рублей; въ дѣйствительности же выдано банкомъ 1549 ссудъ подъ залогъ 1411,7 тыс. дес. на сумму 66½ мил. рублей. 74% общаго числа имѣній и 85% общаго количества земель, принятыхъ въ залогъ банкомъ въ 1903 г., уже до того времени были обременены ипотечными долгами, а залогъ ихъ въ дворянскомъ банкѣ вызванъ, очевидно, желаніемъ получить болѣе значительную и выгодную ссуду.

Ссуды банка изъ года въ годъ уменьшаются, но это не говоритъ въ пользу большей сдержанности дворянъ въ пользованіи государственнымъ земельнымъ кредитомъ, а объясняется просто тѣмъ, что по мѣрѣ увеличенія числа имѣній, заложенныхъ въ банкѣ, соотвѣтственно сокращается фондъ дворянскихъ земель, остающихся внѣ залога банку.

Ссуды выдаются Дворянскимъ Банкомъ на основаніи оцѣнокъ нормальныхъ, устанавливаемыхъ на болѣе или менѣе продолжительный періодъ, и спеціальныхъ, опредѣляемыхъ для каждаго имѣнія въ отдѣльности. Преобладаютъ, конечно, послѣднія, какъ болѣе высокія. Спеціальныя оцѣнки изъ года въ годъ возрастаютъ и за послѣднее пятилѣтіе возросли съ 62 р. (въ 1899 г.) до 90 р. (въ 1903 г.). что, конечно, для общей территоріи Россіи представляетъ очень высокія цифры. Этой высотой оцѣнокъ на дѣлѣ парализуется прекрасное правило банковскаго устава, чтобы ссуды не превышали 60% оцѣнки; вѣдь самая преувеличенная по отношенію къ дѣйствительной стоимости имѣнія ссуда можетъ не достигать 60%-ной нормы банковой оцѣнки, которая опредѣляется самимъ же банкомъ.

Платежи заемщиковъ поступаютъ въ банкъ не безъ заминокъ. Такъ изъ 47,8 мил. руб. платежей и недоимокъ, которые должны были поступить въ 1903 г., осталось въ недоимкахъ къ концу года 14,7 мил. руб., т. е. около ⅓, при чемъ въ эту сумму не входятъ отсроченные и разсроченные платежи, которыхъ числилось около 18 мил. руб., а также безпроцентный и особый долгъ на сумму свыше 6½ мил. руб. О неисправныхъ заемщикахъ дѣлаются публикаціи. Въ 1903 г. было 5193 случая опубликованія въ продажу имѣній за невзносъ платежей. Впрочемъ, большая часть этихъ имѣній—5156—была снята съ торговъ, 203 имѣнія—за предоставле-

ными ихъ владѣльцамъ льготами, остальныя—за уплатой недоимокъ, поступило же на торги 37 имѣній, изъ которыхъ продано 28, остались за банкомъ 9 имѣній. Всего съ прежде оставшимися за банкомъ имѣніями въ распоряженіи банка въ 1903 г. состояло 83 имѣнія, изъ которыхъ въ теченіе года продано было 13.

Кромѣ продажи съ торговъ, заложенныя въ банкѣ дворянскія имѣнія переходили къ другимъ владѣльцамъ болѣе всего по купчимъ крѣпостямъ, а затѣмъ—по наслѣдству, по раздѣльному акту, по дарственной. Въ 1903 г. перешло къ другимъ лицамъ 1841 имѣній въ количествѣ 761,7 тыс. дес. съ долгомъ въ 39,6 мил. руб. Болѣе всего перешло земли къ дворянамъ же—475 тыс. дес. или—63% всего количества мобилизованныхъ дворянскихъ залоговъ, остальныя же 286,5 тыс. десятинъ перешли къ лицамъ не дворянскаго происхожденія.

Изъ этого видно, что залогъ въ дворянскомъ банкѣ оказался не въ состояніи удержать въ дворянскихъ рукахъ довольно значительную территорію—свыше ¼ милліона десятинъ въ теченіе одного года. Очевидно, есть такая экономическая сила, съ которой нельзя справиться казенными мѣропріятіями и которой не можетъ противостоять даже такое сословно-благотворительное учрежденіе, какъ дворянскій банкъ. Вся суть дѣла въ томъ, что со времени реформы единственнымъ классомъ, который свободно владѣлъ землею и пользовался правомъ свободнаго ея отчужденія, было дворянство. Дворянскія земли и поступили въ мобилизаціонный оборотъ, и съ тѣхъ поръ продолжается процессъ перехода ихъ къ другимъ общественнымъ группамъ. Въ русской экономической литературѣ переходъ этотъ обыкновенно характеризуется довольно жалкимъ, но не отвѣчающимъ внутренней сущности процесса словомъ—«потеря». «Земельныя потери дворянства»—это обычная терминологія, въ которой дворянство какъ бы окружается печальнымъ ореоломъ несправедливо потерпѣвшаго и соціально обиженнаго класса. Но можетъ ли быть въ этомъ случаѣ рѣчь объ обидѣ и несправедливости, по поводу которыхъ проливается столько слезъ въ спеціальной дворянской литературѣ? Явившееся послѣ реформы свободнымъ продавцомъ принадлежащихъ ему земель, дворянство, взамѣнъ отчужденныхъ 30 милліоновъ десятинъ земли, получило эквивалентъ въ видѣ милліарда рублей. Это сдѣлка такого рода, что плакаться тутъ на обиду никакъ невозможно; въ такой же мѣрѣ можетъ плакаться и всякій продавецъ, выгодно сбывшій свой товаръ.

Довольно странныя по этому поводу сужденія высказывались даже со стороны лицъ, отъ которыхъ, въ силу извѣстнаго ихъ научнаго авторитета, новидимому нельзя было ожидать этого. Такъ, напримѣръ,

«потери» дворянскаго землевладѣнія нерѣдко вызывали предположенія о возможности полнаго его уничтоженія. «Почти вся дворянская земля, такъ сказать, объявлена въ продажу,—говорилъ проф. Карышевъ,— и не продается больше приведенныхъ ея количествъ потому, что нельзя больше продать сколько нибудь прилично, по отсутствію достаточнаго контингента лицъ, обладающихъ надлежащей покупательной способностью» [1]).

Въ экономической литературѣ являлись и такого рода предсказатели, которые съ математическою точностью высчитывали тотъ моментъ, когда послѣдній дворянинъ продастъ свой послѣдній кусокъ земли. «Сокращеніе площади дворянскаго землевладѣнія,—говорилъ В. В.,—съ теченіемъ времени совершается въ большихъ и большихъ размѣрахъ. Если бы дворяне все время теряли свою землю въ размѣрахъ потерь, обнаруженныхъ ими въ началѣ изучаемаго (пореформеннаго) періода, то они лишились бы всего своего земельнаго имущества въ теченіе 154 лѣтъ; начиная съ 1877 г., однако, отчужденіе дворянской собственности пошло съ такой быстротой, что полнаго обезземеленія нашего передового сословія нужно было ожидать уже не чрезъ 136 лѣтъ отъ этого момента, а всего только черезъ 94 года; въ продолженіе текущаго десятилѣтія сокращеніе площади дворянскаго землевладѣнія сдѣлало новые успѣхи, и если отчужденіе дворянскихъ земель будетъ и дальше продолжаться тѣмъ же темпомъ, то не пройдетъ и 70 лѣтъ, какъ это сословіе обратится въ безземельное» [2]).

Вполнѣ правильный выводъ—о постепенной убыли дворянскаго землевладѣнія—утрированъ здѣсь до крайней степени. Данный вопросъ слишкомъ сложенъ для того, чтобы рѣшать его такимъ простымъ ариѳметическимъ методомъ. Необходимо принять во вниманіе всѣ тѣ экономическіе факторы, которые такъ или иначе вліяютъ на судьбу дворянскаго землевладѣнія; а въ такомъ случаѣ дѣло представляется въ нѣсколько другомъ свѣтѣ.

Осуждены на небытіе, въ отношеніи землевладѣнія, не всѣ дворяне, а лишь тѣ, которые пожелаютъ остаться дворянами до конца съ сохраненіемъ всѣхъ наслѣдственныхъ особенностей своего сословія; сильными, наоборотъ, окажутся тѣ, кто съ головой окунется въ волны жизни и будетъ направлять живое теченіе ея совмѣстно съ другими активными и жизнеспособными элементами.

Дворяне не только продавали землю, но и покупали ее. На зе-

---

[1]) „Народно-хозяйственные наброски".
[2]) „Дворянское землевладѣніе послѣ реформы".

мельномъ рынкѣ за 36 лѣтъ — съ 1863 по 1896 г. — обращалась громадная земельная площадь до 100 мил. десятинъ; изъ этого количества дворянство пріобрѣтаетъ за этотъ періодъ около 40 слишкомъ милл. дес., причемъ уплатило за купленную землю громадную сумму—свыше милліарда. Не входя даже въ подробности даннаго факта, уже a priori можно сказать, что сословіе, у котораго нашлись такія громадныя средства для пріобрѣтенія столь обширной земельной площади, нельзя признать разореннымъ и отживающимъ свою экономическую роль въ странѣ. Разсмотрѣніе деталей убѣждаетъ въ этомъ еще болѣе. Оказывается, что дворяне покупаютъ не только много, но и больше всѣхъ другихъ сословій и группъ, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы:

	1853—72 г.г.	1873—82 г.г.	1883—92 г.г.	1893—96 г.г.
Всего было на рынкѣ	19,8 м. д.	33,5 м. д.	27,5 м. д.	12,8 м. д.
Изъ этой площади купили . . .				
дворяне	9,7 „ „	13,9 „ „	9,7 „ „	3,4 „ „
купцы	5,3 „ „	7,7 „ „	5,6 „ „	2,4 „ „
крестьяне	2,4 „ „	5,4 „ „	7,9 „ „	2,7 „ „

Разъ земля поступила на рынокъ,—покупаетъ ее тотъ, у кого есть средства, и покупаетъ при томъ тѣмъ больше, чѣмъ больше у него средствъ и чѣмъ больше она ему нужна. Изъ приведенной таблицы видимъ, что дворянство за все послѣреформенное время является пока самымъ значительнымъ покупщикомъ земли, хотя энергія его въ этомъ отношеніи все болѣе и болѣе ослабѣваетъ. Если такимъ образомъ одна часть дворянства ликвидируетъ свои отношенія къ землѣ, то другая часть неудержимо стремится къ ней и успѣваетъ въ своемъ стремленіи больше всѣхъ другихъ общественныхъ группъ въ странѣ. Въ средѣ дворинства, очевидно, происходитъ разслоеніе. Каково же экономическое значеніе каждаго изъ двухъ главныхъ слоевъ —обезземеливающагося и увеличивающаго свои земельныя владѣнія?

Л. И. Ясинопольскій [1]) отвѣчаетъ на этотъ вопросъ путемъ остроумнаго сравненія данныхъ о числѣ продажъ и покупокъ съ отношеніемъ купленной земли къ проданной, при чемъ оказывается, что до-

[1]) „Развитіе дворянскаго землевладѣнія“.

ля купленной земли больше доли покупателей, что ясно говоритъ о концентраціи землевладѣнія въ той группѣ дворянъ, которая пріобрѣтаетъ землю. Тотъ же самый выводъ получится и другимъ путемъ, — если сравнимъ средніе размѣры покупокъ и продажъ; средніе размѣры покупокъ и продажъ сильно разнятся между собою; постояннымъ является тотъ фактъ, что въ продажу поступаютъ болѣе мелкія имѣнія, а покупаются болѣе крупныя; продавцы — если судить по размѣрамъ ихъ участковъ — люди менѣе состоятельные въ сравненіи съ покупателями; бѣдное дворянство, разставаясь со своими земельными участками, бѣднѣетъ, а богатое, концентрируя въ своихъ рукахъ все большую площадь земли, пріобрѣтаетъ въ ней источникъ новой экономической силы [1]).

Выводъ этотъ слѣдуетъ принять, правда, съ существенными ограниченіями; для обоснованія такого вывода требуется знать не только величину сдѣлокъ, но и размѣры распродаваемыхъ и образовавшихся въ конечномъ результатѣ имѣній, — а этихъ свѣдѣній у насъ пока нѣтъ; затѣмъ, экономическая устойчивость хозяйствъ зависитъ не столько отъ площади ихъ, сколько отъ внутренней организаціи. Но всѣми приведенными данными во всякомъ случаѣ доказывается фактъ извѣстнаго разслоенія въ средѣ самого дворянства. Дѣло въ томъ, что съ освободительной реформой дворянское сословіе значительно потеряло прежнее исключительно привилегированное положеніе и, какъ экономическая группа, поставлено было рядомъ съ другими группами на аренѣ экономической борьбы за существованіе. Не смотря на оказываемую ему въ этомъ случаѣ правительствомъ большую поддержку, оно плохо приспособлялось къ новымъ условіямъ жизни. Язва крѣпостного права, подточившая народный организмъ, оказала разлагающее вліяніе и на господствовавшій классъ общества, атрофировавъ его самодѣятельныя экономическія силы. Вотъ уже почти полвѣка дворянство несетъ это печальное ярмо духовнаго наслѣдства, стараясь его сбросить; но ярмо это, какъ ветхозавѣтное проклятіе за грѣхи отцовъ до четвертаго рода, пока еще нало сдвинуто съ облюбованнаго имъ мѣста. Тѣмъ не менѣе въ средѣ сословія, прошедшаго поучительную школу оскудѣнія, съ давнихъ поръ началось, и теперь все болѣе усиливается, внутренняя дифференціація. Часть дворянства избавилась отъ атавистическихъ чертъ своего сословія, оставила безплодное нытье по поводу минувшаго золотого вѣка и энергично взялась устраивать свою жизнь сообразно съ новыми потребностями. За это время успѣло въ средѣ сословія сформироваться

[1]) „Мобилизація земельной собственности въ Россіи“ В. Святловскаго.

прочное ядро вполнѣ жизнеспособныхъ силъ, которыя не только не утратили своей прежней экономической мощи, но и развили и усилили ее за счетъ слабыхъ элементовъ какъ своего, такъ и другихъ сословій, не только не порывали связи съ землей, а избирали, вмѣсто служебной карьеры, сельское хозяйство и мѣстную дѣятельность. «Этой группѣ обязано своимъ существованіемъ быстрое развитіе за послѣднее время сельско-хозяйственныхъ обществъ и съѣздовъ, такія явленія, какъ агитація противъ валютныхъ реформы и крайностей промышленнаго протекціонизма, противъ политики, направленной къ исключительной защитѣ интересовъ промышленной буржуазіи. Отсюда же исходитъ и несомнѣнный прогрессъ сельскаго хозяйства, замѣтное явленіе въ нѣкоторыхъ мѣсностяхъ, спорадическое въ другихъ, прогрессъ, нарушающій обычныя представленія о безнадежной отсталости русскаго сельскаго хозяйства. Здѣсь зрѣетъ и извѣстное «классовое самосознаніе», желаніе выйти изъ подъ вѣчной опеки и стремленіе къ болѣе полному самоуправленію — извѣстная политическая зрѣлость [1]).

Эта часть помѣстнаго дворянства представляетъ производительную силу въ общей экономіи страны. Она даже можетъ приносить громадную пользу крестьянской массѣ,—пока только и можно говорить больше лишь о потенціальномъ характерѣ этой пользы. Культивирующее значеніе ея на крестьянскую массу пока очень невелико,—вслѣдствіе исключительныхъ классовыхъ интересовъ, какіе преслѣдуетъ въ большинствѣ случаевъ и эта хозяйственная часть дворянства. Усовершенствованное помѣщичье хозяйство, правда, даетъ заработки населенію иногда столь высокіе, что крестьянину трудно достичь ихъ и на собственной землѣ. Но при извѣстной темнотѣ и безправіи рабочей массы, неурегулированности условій наемнаго труда въ сельскомъ хозяйствѣ здѣсь сплошь и рядомъ видимъ ужасающую эксплоатацію; нѣкоторыя отрасли сельско-хозяйственной промышленности (свекловичная плантаціи) имѣютъ при настоящихъ условіяхъ даже прямо деморализующее вліяніе на населеніе. Съ развитіемъ формъ правового государства, съ ростомъ сознанія сельско-хозяйственной рабочей массы, съ усовершенствованіемъ собственнаго крестьянскаго хозяйства и съ повышеніемъ конкурирующаго спроса на трудъ со стороны фабрично-заводской промышленности эти недостатки въ значительной мѣрѣ должны сгладиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ общимъ интенсифицированіемъ сельскаго хозяйства въ странѣ должна возрасти и количественная потребность въ сельско-хозяйственномъ трудѣ. Все это въ конечномъ результатѣ заставляетъ признать, что если даже предоставить эволюцію землевладѣнія ея естественному теченію,

[1]) Л. Ясинольскій. „Развитіе дворянскаго землевладѣнія".

то и въ такомъ случаѣ постепенный прогрессъ сельскаго хозяйства долженъ имѣть своимъ послѣдствіемъ сокращеніе размѣровъ частновладѣльческихъ земельныхъ участковъ. Существованіе современныхъ латифундій возможно именно при первобытныхъ условіяхъ хозяйствованія; гдѣ же въ большихъ имѣніяхъ ведется усовершенствованное хозяйство, тамъ оно и теперь фактически раздѣляется на совершенно самостоятельныя хозяйственныя единицы. Съ общимъ прогрессомъ земледѣлія обработка большихъ земельныхъ площадей окажется не подъ силу даже тѣмъ владѣльцамъ, которые пока справляются со своими имѣніями. Сельское хозяйство тѣмъ отличается отъ другихъ формъ промышленности, что здѣсь примѣненіе мертвой силы машины возможно лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ, до извѣстнаго предѣла; наиболѣе высокіе по своей цѣнности продукты сельско-хозяйственнаго производства нуждаются въ примѣненіи къ нимъ индивидуальнаго труда человѣка. Такимъ образомъ, прогрессирующая интенсификація хозяйства уже полагаетъ послѣднему извѣстные даже территоріальные предѣлы. Хозяйственная эволюція, если даже при этомъ не будутъ примѣнены ускоряющія ее мѣры, будетъ послѣдовательно и неуклонно отхватывать куски, отъ существующихъ крупныхъ имѣній и передавать ихъ въ руки остальной массы трудящагося населенія.

Въ такомъ видѣ представляется ходъ постепеннаго уменьшенія площади крупнаго дворянскаго землевладѣнія—при условіи, если даже онъ не будетъ ускоренъ воздѣйствіемъ сложнаго комплекса посторонннихъ экономическихъ, соціальныхъ и политическихъ условій.

Совершенно другимъ темпомъ должна идти ликвидація нежизнеспособныхъ частновладѣльческихъ хозяйствъ, существующихъ въ экзотическихъ условіяхъ внѣшней опеки. Слабые, «оскудѣвшіе» элементы дворянскаго сословія, которые не могли перенести процесса приспособленія къ новымъ условіямъ, осуждены на безвозвратную гибель. Эта часть дворянства исчерпала, повидимому, уже всѣ источники воспособленія ей, дальше въ этомъ направленіи идти уже некуда,—развѣ просто взять ее на казенное иждевеніе, что въ дѣйствительности и практикуется. Но сѣтованія «оскудѣвшихъ» постепенно теряютъ кредитъ и стаютъ анахронизмомъ. Имѣнія, которыя не могутъ использовать всѣхъ своихъ производительныхъ средствъ и не могутъ существовать при обычной экономической конъюнктурѣ, приносятъ громадныя потери въ общей экономіи сельско-хозяйственной жизни. Дальнѣйшее субсидированіе ихъ за счетъ общенародныхъ средствъ станетъ въ правовомъ государствѣ невозможнымъ. Въ этомъ, конечно, главная причина той враждебно-боевой позиціи, какую за-

няло теперь земельное дворянство по отношенію къ самымъ даже умѣреннымъ аграрнымъ реформамъ и къ освободительному движенію вообще. Но если бы даже все это движеніе окончилось ничѣмъ, какъ и въ 80-ые годы, — это вовсе не устранитъ, а лишь отдалитъ тотъ конечный результатъ, къ которому должно придти дворянское землевладѣніе, идя даже настоящимъ своимъ путемъ, который такъ теперь усѣянъ розами льготъ, субсидій, содѣйствій и т. д.

Если даже совершенно отвлечься отъ тѣхъ путей рѣшенія аграрнаго вопроса, какіе теперь указываются и среди которыхъ принудительное отчужденіе крупнаго землевладѣнія представляется наиболѣе правильнымъ и дѣйствительнымъ, и взглянуть на дальнѣйшую судьбу дворянскаго землевладѣнія,—въ опредѣлившемся уже процессѣ его разложенія и естественной его эволюціи—совершенно объективно,— то разница въ конечномъ результатѣ получится лишь во времени, а не въ существѣ дѣла.

Утрата дворянствомъ земли будетъ безостановочно продолжаться, пока будетъ въ средѣ его идти внутренній, такъ сказать, химическій процессъ разложенія сильныхъ и слабыхъ элементовъ; это—процессъ самой жизни, и кончится онъ лишь тогда, когда кончится и жизнь самого дворянскаго сословія, какъ обособленной и при томъ разслабленной своимъ привилегированнымъ положеніемъ группы, и когда оно нераздѣльно сольется съ другими общественными группами страны, идя съ нимъ одной общей дорогой и раздѣляя одну общую соціально-экономическую участь.

Ушедшая изъ дворянскихъ рукъ земля перешла къ другимъ общественнымъ группамъ, которыхъ оффиціальная статистика насчитываетъ больше 10: духовенство, почетные граждане, профессіональныя званія, купцы, мѣщане и городскіе рабочіе, крестьяне—лично, товариществами и обществами, нижніе воинскіе чины, сельскіе обыватели, состоящіе на особомъ положеніи (казаки и проч.), иностранные подданные, лица неизвѣстнаго званія. Изъ перечисленныхъ группъ и сословій — ни одно не явилось на смѣну дворянству въ смыслѣ концентраціи въ своихъ рукахъ бывшей дворянской земли. Дворянское земельное наслѣдство расплылось по всѣмъ указаннымъ группамъ, создавъ новое земельное status quo и новыя аграрныя отношенія. Первый руководитель работъ по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи, А. Е. Рейнботъ, на основаніи данныхъ уже одного года пришелъ къ тому выводу, что «въ распредѣленіи землевладѣнія въ Россіи между сословіями происходятъ на всемъ почти ея протяженіи медленныя, но весьма важныя по своимъ послѣдствіямъ измѣненія, которыя, если обстоятельства не измѣнятся, должны привести въ не осо-

бенно далекомъ будущемъ къ существенно иному распредѣленію землевладѣнія между различными сословіями и классами населенія, чѣмъ то, которое имѣетъ мѣсто въ настоящее время» [1]).

Этотъ безстрастно-объективный выводъ долженъ бы, повидимому, охладить пылъ самыхъ горячихъ дворянскихъ утопій. Какимъ бы въ конечномъ результатѣ образомъ ни разрѣшался у насъ аграрный вопросъ,—при наличности ли существующаго экономическаго строя, путемъ ли націонализаціи или соціализаціи земли,—во всякомъ случаѣ распредѣленіе земли на сословныхъ основаніяхъ должны отойти въ концѣ концовъ въ область преданія.

А. Лотоцкій.

---

[1]) „Матеріалы", в. I.

Что такое якобинизмъ?

Великая французская революція вообще, и ея якобинская полоса въ частности, подверглись и подвергаются до сихъ поръ столь разнорѣчивому толкованію и столь разнообразной оцѣнкѣ, что подчасъ довольно трудно разобраться въ той массѣ нерѣдко прямо противоположныхъ отзывовъ, которые накопились въ исторической литературѣ и въ публицистикѣ относительно этихъ грандіозныхъ явленій. Одною изъ главныхъ причинъ всѣхъ этихъ разнорѣчій, разумѣется, является тотъ фактъ, что французская революція, и якобинизмъ въ частности, въ сущности все еще не сдѣлались исторіей, т. е. чѣмъ то прошлымъ, а сохраняютъ до настоящаго времени значеніе знамени для однихъ, пугала—для другихъ. Отсюда наклонность однихъ къ апологіямъ, другихъ къ карикатурамъ, когда и тѣ, и другіе приступаютъ къ болѣе детальному обозрѣнію этой эпохи.

Особенно много разнорѣчія возбуждаютъ якобинизмъ и якобинцы. Для однихъ это пророки и носители высшихъ человѣческихъ идеаловъ или, по крайней мѣрѣ, истинные государственные люди, для другихъ это безсмысленно-кровожадные и безнравственные звѣри. Однимъ якобинцы представлялись какъ бы предтечами соціализма; другіе рѣшительно отрицаютъ всякіе слѣды не только соціалистическихъ идей, но и соціалистическаго настроенія въ ихъ взглядахъ и дѣятельности. Одни видятъ въ нихъ защитниковъ индивидуальной свободы, другіе полагаютъ, что личность не имѣла для нихъ рѣшительно никакого значенія и цѣны. Для однихъ якобинцы—предметъ восхищенія, для другихъ—предметъ отвращенія. Одни полагаютъ, что якобинцы показали, *какъ слѣдуетъ дѣлать революцію*, другіе—что они показали, *какъ ея не слѣдуетъ дѣлать*.

Разъ возможны столь противорѣчивыя оцѣнки, то изъ этого можно съ увѣренностью сдѣлать одно заключеніе, а именно, что несмотря на сто слишкомъ лѣтъ, отдѣляющихъ насъ отъ якобинцевъ, якобинизмъ, какъ извѣстное психологическое состояніе продолжаетъ суще-

ствовать и посейчасъ. Именно поэтому одни восхваляютъ или оправдываютъ тѣхъ, съ коими у нихъ есть родственныя психологическія черты, другіе обрушиваются на давно умершихъ якобинцевъ конца XVIII вѣка, какъ на своихъ личныхъ враговъ.

Но если это такъ, то спрашивается, въ чемъ же заключаются тѣ основныя психологическія особенности якобинизма, которыя пережили самихъ якобинцевъ, и которыя все еще продолжаютъ оказывать вліяніе на политическую жизнь Европы?

Прежде всего необходимо имѣть въ виду, что терминъ «якобинцы» употребляется въ двухъ разныхъ смыслахъ, и что вслѣдствіе этого и понятіе «якобинизмъ» получаетъ не вполнѣ однородное и однообразное значеніе. Въ болѣе широкомъ смыслѣ къ якобинцамъ принадлежатъ не только представители «горы» въ конвентѣ, но и жирондисты, и Барнавъ съ его друзьями и, пожалуй, даже Мирабо, т. е. вообще всѣ видные представители и вожаки центральнаго якобинскаго клуба въ разные періоды его развитія. Въ болѣе узкомъ смыслѣ подъ якобинцами подразумѣваютъ только представителей «горы», Дантона, Робеспьера, Марата и ихъ приверженцевъ: послѣднее словоупотребленіе нельзя не признать болѣе обычнымъ, настолько обычнымъ, что оно стало почти техническимъ. Когда говорятъ о якобинцахъ, обыкновенно имѣютъ въ виду «гору», а вслѣдствіе этого и при характеристикѣ якобинизма исходятъ изъ тѣхъ чертъ, которыя дѣйствительно были характерными или признаются таковыми для монтаньяровъ.

Съ формальной стороны первое болѣе широкое пониманіе термина якобинцы является вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе правильнымъ. Якобинскій клубъ возникъ независимо отъ монтаньяровъ и задолго до того времени, когда они пріобрѣли въ немъ рѣшающее значеніе. Первоначально чисто парламентскій клубъ, въ которомъ по почину бретонскихъ депутатовъ третьяго сословія собирались одинаково настроенные члены генеральныхъ штатовъ для предварительнаго обсужденія подлежавшихъ ихъ разрѣшенію политическихъ вопросовъ, клубъ скоро началъ пополняться и недепутатами и сдѣлался центромъ прогрессивной мысли Парижа, а, затѣмъ, путемъ аффиліаціи однородныхъ провинціальныхъ клубовъ, и всей Франціи. Въ теченіе всего своего существованія онъ никогда не имѣлъ ясно выраженной партійной программы и въ своей массѣ всегда отражалъ лишь настроеніе, господствовавшее въ данное время среди той части французовъ, которые продолжали слѣдить съ лихорадочнымъ интересомъ за ходомъ политической жизни и которые по тѣмъ или инымъ причинамъ во всякое время были готовы энергично выступить въ защиту господ-

ствовавшихъ доктринъ. А такъ какъ въ широкихъ слояхъ французскаго интеллигентнаго и полуинтеллигентнаго общества недовѣріе къ старой власти и къ господствовавшимъ прежде классамъ, къ дворянству и духовенству, со временемъ не только не ослаблялось, но постоянно возрастало, и такъ какъ параллельно съ этимъ росло и его радикальное настроеніе, то и якобинскій клубъ становился все болѣе радикальнымъ, а тѣ изъ его членовъ, которые полагали, что пора остановить революціонную волну и позаботиться объ обезпеченіи дальнѣйшаго спокойнаго развитія, либо теряли всякое значеніе, либо выбывали изъ клуба и создавали иныя конкуррирующія съ нимъ учрежденія. Съ теченіемъ времени клубъ становился, такимъ образомъ, выразителемъ все болѣе демократическихъ по своимъ навыкамъ и происхожденію и все болѣе радикальныхъ элементовъ. Мѣнялся составъ клуба, мѣнялись и господствовавшія въ немъ доктрины, но клубъ никогда не былъ собственно партійнымъ учрежденіемъ. Уже поэтому онъ никогда не могъ играть той роли, которую можетъ и должна играть однородная по своимъ основнымъ убѣжденіямъ партія, обладающая опредѣленнымъ политическимъ міросозерцаніемъ и сознательнымъ отношеніемъ къ вопросамъ тактики, т. е. вопросамъ о средствахъ осуществленія выработанной ею программы.

При такихъ условіяхъ, очевидно, не легко провести точную грань между разными группами «якобинцевъ», послѣдовательно игравшими господствующую роль въ клубѣ. Стоитъ только замѣтить, что въ одномъ и томъ же клубѣ въ разное время состояли предсѣдателями и Мирабо и Робеспьеръ, чтобы отдать себѣ отчетъ въ томъ, что терминъ «якобинецъ», употребленный въ смыслѣ «членъ якобинскаго клуба» покрываетъ самыя разнородныя, отчасти противоположныя явленія.

И тѣмъ не менѣе было бы совершенно неправильно, если бы мы не обратили вниманія на тѣ черты сходства, которыя объединяютъ и Мирабо, и Робеспьера, рѣзко отличаютъ ихъ отъ сторонниковъ стараго порядка и давали имъ возможность быть въ теченіе извѣстнаго времени членами одной и той же организаціи.

Первое, что объединяло всѣхъ членовъ якобинскаго клуба и что дѣлало ихъ по временамъ призванными и признанными выразителями воли всего французскаго народа, это революціонное настроеніе.

Подъ революціоннымъ настроеніемъ мы подразумѣваемъ настроеніе, выражающееся въ безусловномъ отрицаніи стараго соціальнаго и политическаго строя, въ стремленіи къ коренной реорганизаціи его на совершенно новыхъ началахъ. Одинъ изъ послѣднихъ историковъ

революціи А. Валь [1]), отмѣчаетъ въ качествѣ характерныхъ ея особенностей, «что вскорѣ исчезло всякое правительство, что монархія и два первыхъ сословія оказались безоружными, *что побѣдоносное третье сословіе проявило такъ мало уваженія къ положительному праву, ко всему исторически сложившемуся...*» Въ другомъ мѣстѣ онъ выражаетъ свое убѣжденіе, что всякій «законодатель долженъ былъ бы приступить къ разрыву съ положительнымъ правомъ только послѣ самаго тщательнаго обсужденія, съ священнымъ трепетомъ и въ религіозно-приподнятомъ настроеніи». Этихъ немногихъ словъ совершенно достаточно, чтобы убѣдиться, какъ безконечно далекъ авторъ отъ пониманія той эпохи, исторію которой онъ пишетъ. Требовать отъ французовъ конца XVIII вѣка уваженія къ положительному праву, ко всему исторически сложившемуся, значитъ не понимать, что первая потребность французскаго народа въ это время именно и заключалась въ рѣшительномъ разрывѣ съ старымъ положительнымъ правомъ, въ уничтоженіи добрыхъ девяти десятыхъ всего «исторически сложившагося», всей этой системы безконтрольнаго произвола, сословныхъ перегородокъ и самодержавно-феодальной эксплоатаціи народа. Французское общество прекрасно понимало, что новая жизнь можетъ наступить лишь въ томъ случаѣ, если не оставить камня на камнѣ отъ стараго зданія.

Но какъ бы основательно ни было это убѣжденіе, отъ этого оно не становилось менѣе революціоннымъ. Революціонность всѣхъ прогрессивныхъ дѣятелей этой эпохи въ томъ и заключается, что они рѣшительнѣйшимъ образомъ отвергали положительное право и собирались его замѣнить совершенно новыми нормами. Въ этомъ отношеніи Мирабо такой же или почти такой же якобинецъ, какъ и Робеспьеръ. Разница между ними заключается съ этой точки зрѣнія только въ томъ, чѣмъ каждый изъ нихъ хотѣлъ замѣнить тотъ строй, который они одинаково осуждали и ненавидѣли и насколько значительна была та сумма старыхъ порядковъ, которая съ точки зрѣнія каждаго изъ нихъ подлежала уничтоженію.

Но сходство между ними не исчерпывается только ихъ отношеніемъ къ положительному праву и къ „исторически сложившемуся“. Сходство простирается и на ихъ тактическіе пріемы. Несмотря на всѣ различія въ міросозерцаніи всѣ дѣятели этой эпохи одинаково революціонны по основному характеру своей тактики. Всѣ они исходятъ изъ убѣжденія, что они являются носителями высшей правды, передъ которой всѣ старыя власти *обязаны* сложить оружіе. Если

[1]) A. Wahl, Vorgeschichte der französischen Revolution, т. I, стр. VIII—IX.

же старыя власти отказываются это сдѣлать и позволяютъ себѣ ссылаться на свои „исторически сложившіяся“ полномочія и на „положительное право“, то ихъ враги одинаково ссылаются на врученныя имъ самимъ народомъ полномочія, отказываютъ имъ въ повиновеніи и призываютъ народъ такъ или иначе къ сопротивленію властямъ или къ возстанію. Объявляетъ ли себя третье сословіе самовольно «Національнымъ Собраніемъ» (17 Іюня 1789 г.), заявляетъ ли оно, что оно не разойдется, пока не дастъ Франціи конституцію, (20 Іюня), отказывается ли оно въ лицѣ Мирабо исполнить прямое приказаніе короля и покинуть залъ засѣданія (23 Іюня),—эти дѣйствія въ своемъ родѣ нисколько не менѣе революціонны, чѣмъ возстаніе Парижа, приведшее къ взятію Бастиліи (14 Іюля) или другое возстаніе, покончившее съ властью короля (10 Августа 1792 г.). Разница тутъ только въ томъ, что въ однихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ «парламентской революціей», если можно такъ выразиться, въ другихъ—съ революціей уличной. По существу, однако, всѣ эти дѣйствія представляютъ сознательно-революціонное противопоставленіе народной воли волѣ короля и его совѣтниковъ.

Осуждать дѣятелей французской революціи за такой образъ дѣйствій было бы также нелѣпо, какъ осуждать ихъ за недостатокъ уваженія къ «исторически сложившемуся». При данныхъ условіяхъ только два выхода и представлялись возможными—или безусловное подчиненіе старой власти всѣмъ основнымъ требованіямъ народныхъ представителей, или революція. Народные представители не могли и не имѣли нравственнаго права считаться съ тѣми «исторически сложившимися» препятствіями, которыя окружали ихъ работу. Стоило имъ признать «историческія» права двухъ первыхъ сословій или даже самой королевской власти—и никакая реформа не была бы возможна. Старыя власти стояли передъ альтернативой: se soumettre ou se démettre, а такъ какъ онѣ не желали этого понять, то приходилось внушать имъ правильное представленіе о положеніи вещей революціонными средствами.

Въ существѣ дѣла основныхъ типовъ такихъ революціонныхъ средствъ не много. Помимо того, что можно назвать проявленіемъ «парламентской» революціи, это во-первыхъ давленіе общественнаго мнѣнія на власть (короля или палату, это все равно) и во-вторыхъ возстаніе. Результатомъ комбинаціи этихъ трехъ типовъ революціонной борьбы съ старымъ строемъ и явилось полное ниспроверженіе стараго порядка. Начавшись 17 Іюня 1789 г. оно было закончено 10 Августа 1792 г. Провозглашеніе республики конвентомъ (22 сентября 1792 г.) послужило какъ бы заключительнымъ аккордомъ къ этому первому періоду революціи.

Какъ уже сказано, условія политической жизни Франціи были таковы, что иного выхода, какъ принципіальное отрицаніе всего стараго строя и обращенія въ случаѣ надобности къ революціоннымъ средствамъ, не было. Лучшимъ доказательствомъ въ пользу этого положенія является образъ дѣйствій такого выдающагося государственнаго человѣка, какъ Мирабо, прекрасно сознававшаго всю грозную опасность такого положенія вещей и страстно искавшаго какого либо разумнаго выхода изъ него, и тѣмъ не менѣе вынужденнаго прибѣгать къ тѣмъ самымъ средствамъ, которыя онъ справедливо признавалъ опасными.

Опасность революціонной постановки подлежащихъ разрѣшенію вопросовъ и революціонныхъ пріемовъ борьбы съ старымъ, отживающимъ строемъ дѣйствительно настолько велика, что только крайне легкомысленные, не сознающіе лежащей на нихъ отвѣтственности люди могутъ прибѣгать къ нимъ, не использовавъ предварительно всѣхъ иныхъ средствъ.

Основная сущность всякой революціонной борьбы заключается въ *самоуправствѣ*, допускаемомъ болѣе или менѣе широкими слоями даннаго общества во имя принципа: *salus publica suprema lex esto.* Эта характеристика революціонной борьбы одинаково примѣнима и къ англійской, и къ французской, и къ нѣмецкой, и къ русской, и ко всякой иной революціи. Старые законы и покоющіеся на нихъ порядки жизни все еще сохраняютъ свое формальное право на существованіе и на повиновеніе, но успѣли утратить, если можно такъ выразиться, ту нравственную святость, которая ихъ прежде окружала и которая вытекала изъ господствовавшаго въ народѣ убѣжденія, что эти законы и порядки представляютъ благодѣтельную силу, обезпечивающую возможность нормальнаго существованія обывателей и ограждающую ихъ основные, повседневные интересы. Только вытекавшая изъ этого убѣжденія идея нравственной святости законовъ обезпечивала имъ повиновеніе, безъ нея никакая санкція, никакая внѣшняя сила не могла сообщить имъ обязательнаго для населенія характера. Внѣшній и внутренній ростъ государственнаго законодательства постепенно отучилъ какъ отдѣльныхъ обывателей, такъ и отдѣльныя группы обывателей отъ самозащиты и самоуправства, убѣдивъ ихъ въ ненужности и нецѣлесообразности этихъ пріемовъ охраны частныхъ интересовъ, разъ существуетъ болѣе стройная и болѣе могущественная сила, берущая эту основную задачу всякаго общежитія на себя. Старые пріемы защиты частныхъ интересовъ примѣнялись лишь въ исключительныхъ случаяхъ и на большинство изъ нихъ начали смотрѣть не только какъ на пріемы нецѣлесообразные, но и

какъ на явленія преступныя, подлежащія суровой карѣ со стороны закона. Но если населеніе и отказалось отъ самоуправства, то оно сдѣлало это только потому, что законъ или, точнѣе, совокупность законовъ охраняли его интересы лучше самоуправства, а не потому чтобы оно признало законъ какъ таковой, безотносительно къ его содержанію, подлежащимъ слѣпому осуществленію. Принципъ: не человѣкъ ради закона, а законъ ради человѣка, правда, часто нарушался законодателями въ отдѣльныхъ устанавливаемыхъ ими нормахъ, но по существу своему онъ продолжалъ сохранять значеніе. Если законъ расходился съ жизнью, если онъ рѣзко нарушалъ ея требованія, онъ на дѣлѣ не осуществлялся—его обходили, отъ него откупались, наконецъ его прямо нарушали, и всякія попытки къ его осуществленію неминуемо разбивались о сопротивленіе массовой жизни общества, какъ бы часто отдѣльные члены общества не привлекались за это къ отвѣтственности.

Несоотвѣтствіе отдѣльныхъ, подчасъ даже многочисленныхъ законовъ и формъ государственной организаціи съ народной жизнью представляетъ обычное и неизбѣжное явленіе и само по себѣ не вызываетъ катастрофы, покуда совокупность всѣхъ законовъ и освѣщаемыхъ ими порядковъ жизни сохраняетъ въ народномъ сознаніи преобладающій характеръ цѣлесообразности и разумности. Народъ тогда такъ или иначе справляется съ несоотвѣтствующими своему назначенію законами и порядками, но не приходитъ еще къ заключенію, что законъ и государство вообще перестали охранять его интересы и превратились изъ друзей и покровителей въ его враговъ. Онъ и тогда прибѣгаетъ въ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ къ болѣе или менѣе явному самоуправству, но онъ самъ усматриваетъ въ этихъ отдѣльныхъ актахъ самоуправства явленіе отрицательное, съ которымъ онъ поневолѣ мирится въ виду его неизбѣжности.

Положеніе дѣлъ коренньмъ образомъ измѣняется въ революціонное время. Изъ явленія болѣе или менѣе исключительнаго и ненормальнаго самоуправство становится явленіемъ господствующимъ и признается столь-же нормальнымъ и нравственно святымъ какъ до этого повиновеніе закону и его представителямъ. Чѣмъ шире и глубже народная жизнь охвачена недовольствомъ старымъ закономъ, котораго не успѣли приспособить къ новымъ условіямъ и запросамъ жизни, тѣмъ болѣе повальный и ожесточенный характеръ пріобрѣтаетъ наклонность къ самоуправству. Salus publica suprema lex esto, что это значитъ на практикѣ, разъ обширные слои населенія начинаютъ руководиться этимъ принципомъ? Не значитъ ли это, что за отсутствіемъ объективнаго критерія, опредѣляющаго, въ чемъ заключается въ

данное время народное благо, т. е. за отсутствіемъ общепризнаннаго закона, каждый отдѣльный обыватель и каждая группа обывателей можетъ присвоить себѣ право опредѣлять содержаніе общенароднаго блага по своимъ субъективнымъ впечатлѣніямъ и потребностямъ? Не равносильно ли это возвращенію къ догосударственному быту, даже хуже, къ анархіи болѣе полной, чѣмъ въ догосударственныя времена, когда еще существовали иныя сдерживавшія отдѣльную личность организаціи, успѣвшія съ тѣхъ поръ разложиться?

Основная обязанность всякой власти заключается въ томъ, чтобы избавить народъ отъ страшной необходимости создать, путемъ безконечнаго количества актовъ вынужденнаго нерадѣніемъ или упрямствомъ власти самоуправства, состояніе анархіи. Отвѣтственность за водвореніе анархіи падаетъ прежде всего всегда на власть, доводящую народъ до разрыва съ традиціоннымъ уваженіемъ къ закону и къ государству, и лишь частью на тѣ слои общества, которые по необходимости выступаютъ застрѣльщиками въ борьбѣ съ старымъ порядками. Чѣмъ сознательнѣе и политически развитѣе эти передовые слои общества, чѣмъ ярче они себѣ представляютъ ужасъ грядущей анархіи и чѣмъ глубже они проникнуты чувствомъ собственной отвѣтственности, тѣмъ интенсивнѣе будетъ ихъ стремленіе по возможности не доводить дѣла до рѣзкаго революціоннаго проявленія народной воли, до обращенія къ силѣ противъ стараго права. Ибо всякая революція есть нечто иное, какъ обращеніе къ силѣ во имя новаго права противъ стараго.

Но какъ бы сознательно передовые слои общества ни относились къ сопряженнымъ съ революціей опасностямъ, устраненіе ихъ зависитъ не отъ нихъ, а отъ старой власти. Разъ передъ ними возникаетъ вопросъ: либо старый порядокъ, либо насильственное ниспроверженіе его, разъ другого выхода нѣтъ, имъ остается только встать на сторону народныхъ интересовъ противъ гнетущаго народъ порядка жизни. Такъ и поступили генеральные штаты, такъ позднѣе поступили жирондисты. Тѣ изъ нихъ, кто не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ опасности такого образа дѣйствій, совершали соотвѣтственныя дѣйствія достаточно легкомысленно. Такихъ тогда было большинство. И это неудивительно. Вѣдь именно опытъ французской революціи научилъ насъ понимать опасности революціонной борьбы со старымъ строемъ. А тогда этого опыта не было или вѣрнѣе онъ совершался лишь на глазахъ тѣхъ самыхъ людей, которые въ немъ участвовали и которымъ было трудно сразу разобраться въ событіяхъ и оцѣнить ихъ по достоинству. Но и тогда отдѣльныя лица, вродѣ Мирабо, возвышавшіяся надъ общимъ уровнемъ, понимали

сущность положенія и стремились найти изъ него выходъ. Положеніе такихъ людей было по истинѣ трагическое. Въ свое время они сами принимали участіе въ революціонномъ самоуправствѣ, сами такъ или иначе призывали народъ къ сопротивленію властямъ. Теперь они считали, что результатъ достигнутъ, что самоуправства вирель больше быть не должно, но какъ можно было убѣдить разъ всколыхнувшуюся народную массу, что дѣло сдѣлано и что теперь она должна снова исполниться довѣрія къ новому закону и новымъ порядкамъ жизни? Для того, чтобы прійти къ такому заключенію, надо было обладать большимъ политическимъ тактомъ, пониманіемъ громаднаго значенія формъ политической организаціи, сознаніемъ, что самоуправство само по себѣ есть страшное зло, къ которому можно прибѣгать лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, но котораго нельзя возводить въ правило. Гдѣ не только народъ, гдѣ масса интеллигентнаго и полуинтеллигентнаго общества могла пріобрѣсти этотъ политическій тактъ и этотъ государственный опытъ? А такъ какъ имъ негдѣ было ихъ пріобрѣсти, то дальнѣйшее развитіе неизбѣжно должно было привести къ анархіи, и только сама анархія могла вразумить народную массу и общество и убѣдить ихъ въ необходимости вернуться отъ антигосударственнаго и антисоціальнаго самоуправства къ нормальнымъ формамъ государственнаго быта.

Если тутъ вообще можно говорить о винѣ общества, то вину развитія анархіи раздѣляютъ всѣ участники французской революціи, отъ Мирабо (и даже отъ представителей аристократической фронды 1787—1788 г.г.) до Робеспьера и Марата. Въ этомъ отношеніи особенно характерна судьба жирондистовъ. Тѣ самые жирондисты, которыхъ революція поглотила въ 1793 г., до этого времени въ теченіе 1791—1792 г. больше, чѣмъ кто либо, содѣйствовали развитію революціонной войны. Это они привели къ войнѣ съ Австріей и Пруссіей, они обострили до послѣдней степени конфликтъ общества съ королевской властью, они призвали федератовъ въ Парижъ для борьбы съ королемъ, они работали надъ возстаніями 20 іюня и 10 августа или по крайней мѣрѣ потворствовали имъ, они больше, чѣмъ кто либо, дискредитировали Людовика XVI и королевскую власть, какъ таковую; они, наконецъ, первые высказались за примѣненіе смертной казни къ политическимъ преступленіямъ, и въ первый моментъ они же привѣтствовали даже ужасающія сентябрскія убійства [1]). Позднѣе

[1]) Ср. объ этомъ Aulard, Hist. polit de la révol. franç., passim, напр. стр. 395 сл., 399—400 и т. д.

они первые требовали преданія суду члена конвента [1]). Имъ удалось разжечь революціонныя страсти, но усыпить эти страсти, когда имъ показалось, что съ установленіемъ республики цѣль достигнута, они не были въ состояніи.

Разница между ними (а также ихъ предшественниками эпохи Учредительнаго Собранія), съ одной стороны, и монтаньярами, съ другой стороны, заключается, такимъ образомъ, не въ томъ, что послѣдніе постоянно обращались къ насилію или, если угодно, къ силѣ, а первые—нѣтъ. Разница заключается и не въ томъ, что монтаньяры были лучше организованы, чѣмъ жирондисты, или что они больше ухаживали за той толпой, которая служила опорой и для тѣхъ, и для другихъ.

Разница между ними, та разница, которая отличаетъ специфическій якобинизмъ отъ общихъ всѣмъ революціонерамъ пріемовъ борьбы, заключается въ иномъ, а именно въ принципѣ, во имя котораго тѣ и другіе ведутъ борьбу со старымъ порядкомъ. Съ полной отчетливостью она выступила впервые во время процесса Людовика XVI, хотя первые не совсѣмъ ясные признаки ея можно прослѣдить уже раньше.

Какъ извѣстно, конвенту было предложено три вопроса относительно «Людовика Капета»: виновенъ ли Людовикъ? должна ли быть допущена апелляція отъ постановленія конвента къ первичнымъ собраніямъ гражданъ? какому наказанію слѣдуетъ подвергнуть Людовика? Такъ какъ первый вопросъ былъ въ сущности предрѣшенъ всѣмъ характеромъ процесса, то центръ тяжести заключался во второмъ вопросѣ объ апелляціи. Этотъ вопросъ былъ внесенъ по предложенію жирондистовъ, и смыслъ его былъ ясенъ для всѣхъ. Ни жирондисты, ни монтаньяры не сомнѣвались въ томъ, что если вопросъ будетъ переданъ на разрѣшеніе народу, то Людовикъ не будетъ казненъ. Именно поэтому жирондисты настояли на томъ, чтобы вопросъ объ апелляціи былъ поставленъ; именно поэтому монтаньяры были противъ того, чтобы этотъ вопросъ былъ поставленъ. При окончательномъ голосованіи монтаньяры, поддержанные своими сторонниками, наполнявшими залъ угрозами противъ «защитниковъ тирана», одержали верхъ: апелляція была отвергнута большинствомъ 423 голосовъ противъ 281, и Людовикъ былъ казненъ, *казненъ вопреки волѣ народа, но во имя блага народнаго.* Такъ по крайней мѣрѣ смотрѣли на дѣло монтаньяры, и въ этомъ заключается весь интересъ этого событія для насъ.

[1]) Ср. тамъ же, стр. 399.

Разница между жирондистами и монтаньярами заключалась въ томъ, что первые исходили изъ убѣжденія, что дѣйствуютъ какъ во имя народнаго блага, такъ и во имя народной воли, тогда какъ вторые *сознательно* подчиняли народную волю, какъ она есть, народному благу, какъ они сами себѣ его представляли. *Всякій, кто сознательно готовъ навязать народу, хотя бы путемъ насилія надъ его волей, то, что онъ самъ, — правильно или неправильно, — признаетъ благомъ для народа, есть якобинецъ,* хотя бы онъ никогда не былъ членомъ якобинскаго клуба. «Надо, говоритъ одинъ изъ якобинцевъ этой эпохи, возсоздать (recréer) въ нѣкоторомъ родѣ народъ, который предполагаешь вернуть къ свободѣ, такъ какъ необходимо уничтожить старые предразсудки, измѣнить старинныя привычки, улучшить испорченныя наклонности, ограничить излишнія потребности, искоренить установившіеся пороки» [1]). А эта цѣль достигается путемъ террора, путемъ полнаго устраненія однихъ, путемъ устраненія другихъ, путемъ соотвѣтственнаго перевоспитанія третьихъ.

Сущность якобинизма заключается, такимъ образомъ, въ насильственномъ навязываніи народу такихъ политическихъ, соціальныхъ, религіозныхъ и т. д. формъ жизни, которыя не только не вытекаютъ изъ народнаго правосознанія даннаго момента, но прямо и несомнѣнно противорѣчатъ ему. Вотъ та грань, которая рѣзко и опредѣленно отдѣляетъ настоящихъ якобинцевъ, т. е. монтаньяровъ, отъ жирондистовъ и ихъ предшественниковъ. Вотъ вмѣстѣ съ тѣмъ то характерное *якобинское* настроеніе, которое пережило якобинцевъ и продолжаетъ существовать понынѣ.

Для поясненія нашей мысли еще два примѣра, одинъ опять изъ французской, другой изъ самой новѣйшей русской исторіи.

Когда 24 Февраля 1848 г. король Людовикъ-Филиппъ бѣжалъ, и власть надъ Франціей перешла въ руки временнаго правительства, въ составѣ послѣдняго какъ и въ самомъ Парижѣ происходила борьба между тѣми изъ республиканцевъ, которые сочувствовали, и тѣми, которые не сочувствовали соціалистической идеѣ. Для разрѣшенія вопроса о дальнѣйшей судьбѣ Франціи было созвано Учредительное Собраніе, избранное на началахъ всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого избирательнаго права. Когда Учредительное Собраніе приступило къ дѣлу, то сразу выяснилось, что подавляющее боль-

---

[1]) Buchez et Roux, Hist parl. т. XXXII стр. 338. Докладъ Билльо-Варенна о теоріи демократическаго правительства, читанный въ конвентѣ 20 апрѣля 1794 г.

инство его членовъ были сторонниками демократической республики и врагами соціализма. Такъ какъ Собраніе было избрано на основаніи наиболѣе демократическаго изъ всѣхъ возможныхъ избирательныхъ законовъ и безъ всякаго давленія со стороны власти, то единственный разумный выводъ для сторонниковъ соціализма могъ быть только одинъ: они должны были признать, что подавляющая масса французскаго народа по тѣмъ или инымъ причинамъ въ данное время не желаетъ реорганизаціи французской жизни на соціалистическихъ началахъ, и что, слѣдовательно, надо воспользоваться возможностью прочно обосновать хотя и не соціалистическую, но демократическую республику и путемъ дѣятельной пропаганды и организаціи соціалистически настроенныхъ частей общества постепенно подготовлять Францію къ воспріятію и осуществленію идей соціализма. Но такая работа предполагала очевидно много лѣтъ труда и лишь черезъ нѣсколько поколѣній могла привести къ осязательнымъ результатамъ. Вотъ почему якобинцы этого времени—бланкизмъ есть ничто иное какъ соціалистически окрашенный якобинизмъ—не пожелали пойти по этому единственно вѣрному, хотя и медленному пути и предпочли вернуться къ тактикѣ 1793 г., т. е. къ насильственному захвату власти при помощи парижскаго пролетаріата для насильственнаго же водворенія того, что они считали необходимымъ для блага народа, но что несомнѣнно расходилось съ волей народа. Результатомъ были ужасные іюньскіе дни 1848 г., отвѣтственность за которые падаетъ прежде всего и, главнымъ образомъ, на якобинскихъ руководителей парижскаго пролетаріата, а вовсе не на Учредительное Собраніе. Самая побѣда послѣдняго вѣдь только потому и была возможна, что оно имѣло право сослаться на волю всего французскаго народа противъ воли парижскаго пролетаріата и его вождей. Другой вопросъ, какъ Учредительное Собраніе использовало эту побѣду и въ какой степени оно само способствовало обостренію положенія, приведшаго къ іюньской бойнѣ. Здѣсь дѣло не въ этомъ, а въ характерѣ политики соціалистическихъ якобинцевъ 1848 г.

Другой примѣръ относится къ октябрскимъ днямъ минувшаго года. За нѣсколько дней до манифеста 17 октября—если не ошибаюсь, 14 октября—мнѣ лично пришлось присутствовать въ соединенномъ засѣданіи центральнаго бюро всѣхъ союзовъ, входившихъ тогда въ составъ такъ называемаго союза союзовъ. Обсуждался вопросъ объ отношеніи къ начавшейся всеобщей забастовкѣ, приведшей къ манифесту 17 октября, и въ связи съ этимъ былъ поставленъ вопросъ о выработкѣ общей для всѣхъ союзовъ политической платформы. Таковой было предложено признать требованіе Учредительнаго

Собранія, избраннаго на началахъ всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого избирательнаго права безъ различія пола, религіи и національностей. Большинство собранія несомнѣнно склонялось къ этой формулѣ, но нѣкоторые участники его настаивали, чтобы къ указанному было прибавлено еще требованіе демократической республики. Послѣ блестящей рѣчи одного изъ участниковъ собранія, указавшаго на явную несообразность требовать Учредительнаго Собранія и въ тоже время предрѣшать вопросъ о будущей формѣ государственной организаціи, было ясно, что послѣдній вопросъ еще до голосованія рѣшенъ собраніемъ въ отрицательномъ смыслѣ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя лица продолжали настаивать на включеніи демократической республики въ платформу. На вопросъ, что же они предполагаютъ сдѣлать, если Учредительное Собраніе выскажется противъ республики, послѣдовалъ отвѣтъ: «тогда мы будемъ бойкотировать Учредительное Собраніе». Если вспомнить, какое широкое и неопредѣленное значеніе имѣло у насъ понятіе «бойкота» въ примѣненіи къ Государственной Думѣ 6 Августа (да отчасти и къ нынѣшней Думѣ), то становится яснымъ, каково психологическое значеніе этого заявленія. Демократическая республика есть необходимое условіе блага народнаго, а потому она должна быть осуществлена, хотя бы и вопреки волѣ народа. Очевидно это чистѣйшей воды якобинизмъ, такой же точно якобинизмъ, какъ позднѣйшія разсужденія о пресловутой «диктатурѣ пролетаріата» и много другихъ положеній изъ политическаго лексикона нашихъ «большевиковъ».

Изъ сказаннаго ясно, почему якобинизмъ всегда пораженъ безплодіемъ и никогда неспособенъ создать дѣйствительно прочныхъ соціальныхъ, политическихъ и т. д. результатовъ. Прочнымъ можетъ быть только то, что опирается на массовое народное правосознаніе. Порядки, не связанные съ народнымъ правосознаніемъ, и тѣмъ болѣе порядки, прямо противорѣчащіе этому правосознанію, въ теченіе извѣстнаго времени могутъ быть насильственно навязаны народу, но не могутъ пріобрѣсти и сотой доли той жизненности и живучести, которой отличаются порядки, опирающіеся на народную волю и хотя бы неясную и малосознательную народную мысль. Вѣдь и истинной опорой конституціоннаго строя является не конституція, какъ таковая, и не сопровождающіе и развивающіе ее законы, а отрицательное отношеніе народа къ принципу опеки власти надъ гражданами и установившееся въ немъ убѣжденіе въ необходимости и цѣлесообразности властнаго соучастія гражданъ въ управленіи государствомъ. Безъ этихъ необходимыхъ психологическихъ предпосылокъ всякая конституція построена на пескѣ. Значеніе революціонныхъ періодовъ народной жизни заклю-

чается съ этой точки зрѣнія въ крутой ломкѣ прежняго традиціонаго повиновенія болѣе мудрой, чѣмъ самъ народъ власти, и въ сравнительно быстромъ проникновеніи въ народную массу сознанія безусловной необходимости, а далѣе и желательности болѣе или менѣе полнаго народовластія.

Между абсолютизмомъ и якобинизмомъ, несмотря на ихъ кажущуюся безусловную противоположность, есть чрезвычайно много общаго. И тотъ, и другой исходятъ въ сущности изъ одного и того же недовѣрія къ народному разуму, къ способности народа создать собственными силами наиболѣе цѣлесообразную въ данное время форму жизни. И тотъ и другой присваиваютъ себѣ право вести народъ туда, куда они сами считаютъ нужнымъ его вести, хотя бы онъ и не желалъ вовсе слѣдовать за ними. Разница лишь въ томъ, что одни ведутъ народъ въ Манчжурію, а другіе чрезъ диктатуру пролетаріата къ болѣе или менѣе полному осуществленію соціалистической идеи, которая народу въ существѣ дѣла также чужда, какъ и Манчжурія, и ради которой его тѣмъ не менѣе ведутъ на такое же страшное кровопролитіе и раззореніе.

Самое большое затрудненіе при оцѣнкѣ тѣхъ или иныхъ политическихъ дѣйствій или направленій, съ точки зрѣнія ихъ якобинскаго или не-якобинскаго характера, заключается, разумѣется, въ разрѣшеніи вопроса, до какого пункта идеи народнаго блага и народной воли идутъ, такъ сказать, рука объ руку и гдѣ онѣ расходятся. Въ приведенныхъ выше случаяхъ можно произвести это разграниченіе съ полной и безусловной ясностью; но вопросъ далеко не всегда возникаетъ передъ нами въ такой элементарно-ясной формѣ.

Есть и другое затрудненіе. Оно заключается въ изчительномъ вопросѣ о степени высшей разумности народнаго сознанія и народной воли. Не говоря уже о томъ, что народная масса способна безконечно долго и несомнѣнно во вредъ себѣ переносить такой соціальный и политическій режимъ, который давно подвергся осужденію со стороны болѣе развитыхъ слоевъ общества, народная масса даже и тогда, когда она приступаетъ къ реорганизаціи осужденнаго въ ея сознаніи строя, не только дѣлаетъ это безъ достаточно яснаго и послѣдовательнаго плана, но вдобавокъ всегда руководится въ своихъ дѣйствіяхъ интересами и потребностями данной минуты и органически не въ состояніи творить для будущаго ибо для этого ей не достаетъ ни знаній, ни соотвѣтственныхъ навыковъ мысли. А, между тѣмъ, народъ можетъ, руководясь стихійно интересами минуты, затруднить самому себѣ въ будущемъ переходъ въ слѣдующей высшей стадіи развитія. Какъ же быть въ такомъ

случай, когда народная воля прямо противорѣчитъ народному благу? Не допустимо ли въ такомъ случаѣ нарушеніе народной воли ради народнаго блага? Не находитъ ли себѣ якобинизмъ оправданія съ этой точки зрѣнія? Допустимъ, что народная воля ведетъ къ созданію такого строя, который обрекаетъ народъ на медленное, физическое или психическое вырожденіе. Допустимъ, что, по справедливому убѣжденію передовыхъ слоевъ народа, всякое промедленіе при осуществленіи извѣстной коренной реформы грозитъ народу гибелью, что съ этой точки зрѣнія невозможно возлагать надежды на постепенное поднятіе культурнаго уровня и соціально-политическаго развитія народа. Допустимъ, что центръ тяжести вопроса заключается не въ нетерпѣніи передовыхъ слоевъ, а въ томъ, что и на самомъ дѣлѣ periculum in mora. Такія положенія возможны. Неужели и тогда ограничиться пропагандой и... терпѣніемъ?

Несмотря на несомнѣнно трагическій характеръ этого вопроса, отвѣтъ и тутъ можетъ быть только одинъ: всякое насиліе надъ народной волей, изъ какихъ бы благожелательныхъ соображеній оно ни исходило, не можетъ имѣть иныхъ послѣдствій, кромѣ гибельныхъ для самаго дѣла, во имя котораго оно допускается. Насиліе надъ народомъ можетъ породить только насиліе же, посѣять массу недовѣрія, предубѣжденія и ожесточенія, создать почву для самой страшной изъ всѣхъ реакцій, для реакціи общественной и ни въ какомъ случаѣ оно не можетъ обезпечить дѣйствительнаго торжества соотвѣтственной идеи. Это, разумѣется, нисколько не исключаетъ энергичной работы для распространенія и осуществленія самой идеи. Единственное, отъ чего разъ на всегда необходимо отказаться всякому, кто дорожитъ своимъ собственнымъ идеаломъ, это—отъ насильственнаго, вопреки народному правосознанію, осуществленія этого идеала.

Остается затрудненіе, на которое раньше ужъ было указано. Какъ опредѣлить, что соотвѣтствуетъ и что не соотвѣтствуетъ народному правосознанію, какъ опредѣлить это особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда народъ только начинаетъ выходить изъ своего вѣкового безиолвія и только начинаетъ пользоваться органами, долженствующими служить нормальными выразителями его мысли и его воли?

Задача несомнѣнно въ высшей степени трудная и отвѣтственная. И тѣмъ не менѣе эту задачу необходимо рѣшить: отъ правильности ея разрѣшенія зависитъ успѣхъ всѣхъ соціальныхъ и политическихъ начинаній данной эпохи. Первымъ условіемъ для правильнаго ея разрѣшенія является дѣйствительное проникновеніе политическихъ дѣятелей демократической идеей. Демократія означаетъ народовластіе. Надо предоставить самому народу намѣчать предстоящія въ данно

время реформы. Роль передовыхъ слоевъ должна сводиться къ тому, чтобы внимательно и добросовѣстно разъяснять народу, если онъ не отдаетъ себѣ въ этомъ яснаго отчета, въ чемъ заключается дѣйствительная суть его собственныхъ смутныхъ чаяній и стремленій. Эта работа сама по себѣ огромна и въ высшей степени плодотворна. Воплотившись въ ясную мысль, смутное стремленіе народа пріобрѣтаетъ удесятеренную силу и убѣдительность и становится твердымъ базисомъ его дальнѣйшаго развитія. Всякая попытка придать народнымъ стремленіямъ хотя бы и очень идеалистическую, но не соотвѣтствующую дѣйствительному ихъ содержанію окраску неизбѣжно только запутаетъ положеніе и никогда не будетъ и не можетъ имѣть длительнаго успѣха, а приведетъ лишь къ недоразумѣніямъ и посѣетъ недовѣріе между народомъ и тѣми, кто взялся истолковать народу его собственную мысль и волю.

Вторымъ условіемъ правильнаго разрѣшенія указаннаго вопроса является уваженіе къ даннымъ человѣческаго опыта, въ частности къ даннымъ науки. Якобинизмъ по самому существу своему антинаученъ. Онъ хочетъ создать новые порядки жизни, не считаясь съ конкретными условіями жизни вообще, данной народной жизни въ частности. На историческія данныя онъ отвѣчаетъ пренебрежительнымъ отрицаніемъ повторности основныхъ явленій народной жизни; на данныя изъ современной жизни онъ отвѣчаетъ недовѣрчивымъ глумленіемъ и ссылкой на могущество личности или на могущество классоваго сознанія. Онъ не желаетъ знать ни исторіи, ни современности; онъ ослѣпленъ своимъ идеаломъ до фанатически-сектантскаго оскудѣнія собственной мысли. А въ результатѣ онъ разбивается о тѣ самыя историческія силы, о ту самую современность, которыхъ онъ не хотѣлъ признать, пока еще было время.

Если-бы единственнымъ результатомъ якобинизма была только его собственная гибель, объ этомъ едва ли стоило бы пожалѣть въ интересахъ народнаго дѣла. Вся опасность якобинизма заключается въ томъ, что онъ губитъ не только свое дѣло, но, по крайней мѣрѣ на время, и дѣло истиннаго народнаго блага, которое онъ извращаетъ своими пріемами мысли и своими пріемами дѣйствія.

Якобинизмъ представляетъ одну изъ самыхъ серьезныхъ внутреннихъ опасностей для всякаго революціоннаго дѣла. Борьба съ нимъ, и борьба безпощадная, является обязанностью всѣхъ тѣхъ, кто желаетъ народу дѣйствительной свободы, а не новаго рабства.

Э. Гриммъ.

Психологія земельной реформы.

Едва ли стоитъ тратить время на доказательство того, какое мѣсто среди политическихъ и соціальныхъ думъ страны, занимаетъ аграрный вопросъ. Къ счастью или къ несчастью— объ этомъ можно спорить безъ конца, но мы бы и здѣсь хотѣли слѣдовать спинозовскому правилу, предписывающему не смѣяться и не плакать, а понимать — къ счастью или несчастью, повторяемъ, аграрный вопросъ тысячью неразрывныхъ цѣпей связанъ со всѣмъ дѣломъ политическаго освобожденія Россіи. И это обстоятельство заставляетъ подходить къ нему не только съ реально-экономической, но и съ политико-психологической точки зрѣнія; передъ нами не только реальная потребность, общій экономическій упадокъ крестьянства, который можетъ быть охарактеризованъ болѣе или менѣе точными статистическими данными; передъ нами весьма сложныя и глубокія переживанья, въ которыхъ накопленныя вѣками привычки мысли и чувства сплетаются съ новыми надеждами и ожиданіями — и эти переживанья весьма трудно подвергнуть объективному учету. Между тѣмъ, лежитъ величайшая отвѣтственность на всѣхъ, которымъ предстоитъ теперь выработать основанія аграрной реформы и найти искомое равновѣсіе между соціально-хозяйственными интересами страны.

Если въ настоящее время изъ этой обширной области въ чемъ-нибудь достигнуто сравнительное единогласіе, то именно въ признаніи необходимости поставить земельную реформу капитально. Время для полумѣръ прошло, и непреклонныя велѣнія исторической судьбы заставляютъ насъ перешагнуть черезъ ту совокупность постепенныхъ мѣропріятій, которыя принимаемыя въ теченіе послѣднихъ 20—25 лѣтъ могли бы поставить разрѣшеніе аграрнаго вопроса въ Россіи на почву естественной и закономѣрной эволюціи. И главное, быть можетъ, достоинство проекта основныхъ положеній аграрной реформы, внесеннаго нѣкоторыми членами

партіи народной свободы въ Думу, заключается именно въ шпротѣ постановки. Такую же широту мы находимъ и въ программѣ партіи демократическихъ реформъ, и, повидимому, отъ нея не можетъ уйти и союзъ 17 октября, если онъ не хочетъ считать своей роли сыгранною.

Но сейчасъ же за этимъ единогласіемъ вскрывается одно изъ самыхъ глубокихъ и принципіальныхъ разногласій, характеризующихъ русскую политическую и соціальную мысль. Въ самомъ дѣлѣ, по какому пути должна идти Россія: по пути уничтоженія частной собственности на землю и превращенія послѣдней въ обще-государственный фондъ, или по пути созданія обезпеченной мелкой крестьянской собственности? Второй путь, прибавимъ, не предрѣшаетъ конечной формы хозяйственнаго развитія — мелкая частная собственность можетъ уступить другимъ формамъ — обобществленной собственности и обобществленнаго производства; вопросъ идетъ лишь о непосредственно предстоящемъ пути. Всѣ помнятъ, какъ рѣзко этотъ контроверсъ былъ поставленъ въ литературѣ между народниками и марксистами, и какъ онъ, несмотря на обширную разработку и документальную аргументацію, остался въ сознаніи русскаго общества не рѣшеннымъ. Въ концѣ концовъ вопросъ какъ-бы остался открытымъ, и надвигающіяся великія политическія задачи открывали широкое поле дѣятельности, на которомъ могли совмѣстно работать представители обоихъ теченій.

Эта двойственность перешла изъ теоретической области въ программную разработку. Такъ, текстъ первоначальной программы конституціонно-демократической партіи потенціально допускалъ какъ сторонниковъ націонализаціи, такъ и защитниковъ мелкой крестьянской собственности. Такой отказъ дать обязательное предрѣшеніе вопроса являлся, безъ сомнѣнія, крупнымъ политическимъ выигрышемъ; но, естественно, сохранить этотъ нейтралитетъ было тѣмъ труднѣе, чѣмъ болѣе приближалась конкретная законодательная разработка. Нынѣшняя Государственная Дума, которой предстоитъ заложить основанія аграрной реформы, не можетъ избѣгнуть вопроса о томъ, какое будущее имѣетъ въ Россіи институтъ земельной собственности.

* * *

Глубокая историческая почва скрывается за той несомнѣнной популярностью, которой пользуется въ Россіи идея на-

ціонализаціи земли, или, можетъ быть, выражаясь точнѣе, отрицательное отношеніе къ частной земельной собственности. Всѣ традиціи нашей интеллигенціи, несомнѣнно, окрашены соціалистически: при всемъ разнообразіи и противоположности положительныхъ программъ общимъ является несомнѣнная враждебность ко всякимъ сторонамъ буржуазнаго строя. И то обстоятельство, что русское общество всегда было отрѣзано отъ конкретной государственной дѣятельности, только содѣйствовало остротѣ этихъ настроеній. И ни съ однимъ родомъ собственности не связано было такихъ тяжелыхъ историческихъ ассоціацій, какъ именно съ земельной. Еще такъ недавно на землевладѣльцѣ тяготѣло клеймо владѣнья крѣпостнымн людьми. Хотя новѣйшая политика правительственной бюрократіи была посвящена покровительству крупиой промышлениости и отличалась крайней небрежностью относительно интересовъ земледѣлія, но у всѣхъ на виду были тѣ акты правительствениаго благоволенія, которые оказывались дворянскому землевладѣнью. Реальная цѣнность этихъ актовъ была ничтожная, но психологически они неизбѣжно глубоко копрометировали тотъ классъ, въ пользу котораго они совершались. И наконецъ еще такъ недавно земельная собственность играла въ Россіи роль неизмѣримо болѣе важную, чѣмъ всѣ другіе ея виды. Глубоко укоренялась мысль, что незначительная кучка землевладѣльцевъ стоитъ поперекъ дороги стомилліонной земледѣльческой массы, которая жаждетъ обрѣсти лучшія условія жизни.

Но не на однихъ подобныхъ настроеніяхъ зиждилась популярность идеи націонализаціи: ей соотвѣтствовало и многое въ дѣйствіяхъ самаго правительства. Оно не останавливалось передъ крупнымъ расширеніемъ своей хозяйственной дѣятельности: оно выкупило большую часть желѣзныхъ дорогъ, создало винную монополію. Ни въ одной странѣ міра государственное хозяйство не занимало такого мѣста въ общемъ оборотѣ, какъ въ Россіи: являлось представленіе, что на пути послѣдовательнаго расширенія государственной предпринимательской и организующей дѣятельности стоитъ и великая реформа изъятія всѣхъ земель изъ частно-правового оборота.

Эти настроенія и мысли сверху встрѣчались съ глубокимъ правосознаніемъ снизу. Какъ бы мы хозяйственно ни

оцѣнивали земельную общину, психологическое ея воздѣйствіе неоспоримо громадное: она не допустила образоваться въ сознаніи крестьянства твердой мысли о земельной собственности. И этой основы ихъ воззрѣнія, что земля можетъ быть лишь предметомъ пользованія, а не собственности, не могло уничтожить все возрастающее тяготѣніе пріобрѣсти все-таки земельную собственность, навстрѣчу которому, хотя и весьма неудовлетворительно, шелъ крестьянскій банкъ. Относительное число этихъ собственниковъ къ общей массѣ крестьянскаго населенія было слишкомъ ничтожное. И вотъ почему въ средѣ великорусскаго крестьянства брошенная въ народъ идея націонализаціи пріобрѣтаетъ большое сочувствіе, и даже во многихъ крестьянскихъ приговорахъ, въ постановленіяхъ крестьянскихъ съѣздовъ, въ наказахъ выборщикамъ и депутатамъ мы встрѣчаемъ указаніе, на необходимость сдѣлать землю казенной, съ отдачей ея всѣмъ желающимъ обработывать. Часто безъ особыхъ натяжекъ мы можемъ вычитать изъ этихъ крестьянскихъ пожеланій что-то, во всякомъ случаѣ подходящее къ націонализаціи земли... Но что въ дѣйствительности представляетъ подобная націонализація?

Мнѣ лично пришлось вести избирательную компанію среди крестьянъ Саратовской губерніи и я не разъ наталкивался на одиу фразу, какъ мнѣ кажется, въ высшей степени характерную: „мы казенные, и земля должна быть казенная". И эта фраза, къ удивленію, повторялась крестьянами, которые только что весьма опредѣленно высказывались о полномъ безправіи крестьянства, о безплодности мѣръ экономическихъ безъ коренной реформы правовой. Является вопросъ, нѣтъ ли нѣкотораго коренного недоразумѣнія въ этомъ кажущемся согласіи крестьянскаго правосознанія и программъ, видящихъ рѣшеніе аграрнаго вопроса въ націонализаціи? Не принимаются ли здѣсь переживанія многолѣтняго подневольнаго состоянія за исканіе новыхъ, совершенныхъ соціальныхъ формъ, которыя начинаютъ находить свое постепенное осуществленіе лишь въ немногихъ областяхъ англосаксонскаго колоніальнаго міра?

Никакой общественный и государственный дѣятель, высказывающійся за программу націонализаціи — полную или частичную, не можетъ отвести отъ себя этихъ вопросовъ, не можетъ не задумываться не только надъ экономическими,

но и надъ политико- и соціально-психологическими слѣдствіями реформы. Въ самомъ дѣлѣ, какъ психологически будетъ переживаться въ сознаніи страны созданіе государственнаго земельнаго фонда? Подъ этимъ словомъ мы разумѣемъ не высшій надзоръ государства за распредѣленіемъ земельной собственности, а превращеніе земли въ собственность государства. И мы имѣемъ въ виду, что такой фондъ будетъ въ дѣйствительномъ распоряженіи государства, и что никакихъ обходныхъ путей, параллельнаго захватнаго права на землю не образуется. Не трудно видѣть, что первымъ результатомъ явится небывалое усиленіе государственнаго могущества. На примѣрѣ желѣзныхъ дорогъ и винной монополіи мы видѣли, что значитъ въ дѣлѣ созданія правительственнаго полновластія, когда государство беретъ въ свои руки удовлетвореніе различныхъ жизненныхъ потребностей хозяйственнаго строя страны. Но что это значитъ въ сравненіи съ могуществомъ власти, въ рукахъ которой будетъ открывать или закрывать доступъ земледѣльца къ землѣ, давать или не давать ему приложеніе труда? Слабыя подобія такого „этатизма“ мы встрѣчаемъ въ австралійскихъ колоніяхъ, въ Новой Зеландіи; но здѣсь экспериментъ будетъ произведенъ въ государствѣ, покрывающемъ шестую часть земного шара. Можно высоко цѣнить самый принципъ государственности, можно желать, чтобы именно въ Россіи, послѣ преобразованія ея на началахъ политической свободы и демократіи онъ утвердился сильнѣе и вытѣснилъ захватное право; и все же не можетъ не внушать страха та минута, когда въ рукахъ русской государственной власти очутятся распоряженіе важнѣйшей хозяйственной цѣнностью страны. Невольно при этомъ встаютъ ассоціаціи не съ Австраліей и Новой Зеландіей, а съ первобытными восточными деспотіями, съ режимомъ перуанской монархіи инковъ, съ режимомъ іезуитовъ въ Парагваѣ.

Конечно, на это возразятъ, что рѣчь идетъ не о государствѣ настоящаго, а о государствѣ будущаго, — о томъ государствѣ, которое будетъ основано на всеобщемъ избирательномъ правѣ въ центральномъ и мѣстномъ представительствѣ, на широкой децентрализаціи и послѣдовательно проведенной отвѣтственности должностныхъ лицъ, высшихъ и низшихъ. Но вѣдь наивно думать, что подобное пересозданіе не только формъ государственной организаціи, но и

всей ея жизни совершается немедленно вслѣдъ за изданіемъ соотвѣтствующихъ законодательныхъ актовъ. Сколько лѣтъ предстоитъ ждать, пока въ Россіи политическая свобода не сдѣлается истиннымъ національнымъ институтомъ, пока не водворится дѣйствительная отвѣтственность власти?

Мы знаемъ, что въ эпоху третьей французской республики сохранились административные нравы, восходящіе къ „старому порядку". Мы знаемъ, что всеобщее избирательное право, почти сорокъ лѣтъ дѣйствующее въ Восточной Пруссіи, посылаетъ до сихъ поръ въ рейхстагъ представителей остъ-эльбскихъ аграріевъ. Мы научились въ этомъ отношеніи здравому скептицизму и болѣе скромной оцѣнкѣ результатовъ политическихъ реформъ. И мы не можемъ отрѣшиться отъ опасенія, что созданіе государственнаго фонда, въ который войдетъ не только крупная, но и средняя, и мелкая собственность означаетъ созданіе суверенной бюрократіи.

Въ сравненіи съ этой новой властью положеніе гражданина-землевладѣльца, хотя бы и защищеннаго избирательнымъ бюллетенемъ, который разъ въ 3 года позволитъ ему оказывать вліяніе на составъ, хотя бы облеченнаго самыми широкими правами народнаго представительства—положеніе такого землевладѣльца оказывается въ высшей степени непрочнымъ. Къ государству онъ долженъ обращаться не только за осуществленіемъ своего права на пай въ общей арендѣ, но и за кредитомъ, за всѣмъ, безъ чего невозможна производительная земледѣльческая работа. Будетъ ли его энергія и предпріимчивость имѣть успѣхъ—зависитъ отъ той же государственной власти, которая все-таки будетъ безконечно далека отъ него. И это въ ту минуту, когда вся будущность Россіи связана именно съ подъемомъ личной энергіи и самодѣятельности крестьянства, когда намъ необходимо прежде всего вести безпощадную войну со всѣми пережитками долголѣтняго безправія и гнета! въ ту минуту, когда самый духовный обликъ Россіи долженъ глубоко перемѣниться. Не будетъ-ли здѣсь заключаться несомнѣнной реальной опасности для нашей политической свободы?

Психологическій смыслъ предпринимаемой реформы націонализаціи сказывался бы не только въ этомъ: онъ сказывался бы въ цѣломъ рядѣ вытекающихъ отсюда конкретныхъ мѣропріятій. Неоднократно указывалось, что при крайней неравномѣрности въ обезпеченіи крестьянъ землей въ

различныхъ мѣстностяхъ Россіи реформа, основанная на принципѣ государственнаго земельнаго фонда, требовала бы переселеній изъ мѣстъ болѣе населенныхъ въ менѣе населенныя. Если бы рѣчь шла только о созданіи колонизаціоннаго фонда, то на это не приходилось-бы возражать. Но здѣсь имѣется въ виду нѣчто другое и бо́льшее: предполагается возможнымъ двинуть курскихъ крестьянъ въ Кіевскую губ., а кіевскихъ въ Самарскую губ., и т. п. Предполагается возможность своего рода „великаго переселенія", руководимаго центральнымъ землеустроительнымъ вѣдомствомъ. Мы не говоримъ о перспективѣ неизбѣжной въ этомъ случаѣ гражданской войны, мы говоримъ объ устанавливаемомъ здѣсь хаотическомъ состояніи всего земледѣльческаго населенія Россіи. Благосостояніе областей, ставшихъ на болѣе высокую ступень, будетъ немедленно низведено до уровня наиболѣе нуждающихся, наиболѣе страдающихъ отъ земельной тѣсноты. Въ основѣ всего этого плана весьма ярко выступаетъ то требованіе уравнительности à tout prix, хотя бы уравненія въ общей нищетѣ, которое есть тяжелое наслѣдіе нашего безправнаго прошлаго, когда тоже царило „уравненіе въ безправіи". Осуществленіе такой программы возможно лишь на почвѣ безпощадносильной центральной власти, которая сломитъ сопротивленіе отдѣльныхъ мѣстностей, и не случайно у представителей этого аграрнаго централизма мы обычно находимъ особое тяготѣніе къ якобинской политической программѣ.

Таковы слѣдствія изъ идей государственнаго фонда, если мы проведемъ его со всей послѣдовательностью. Конечно такой логическій фанатизмъ едва-ли возможенъ даже у самыхъ убѣжденныхъ защитниковъ націонализаціи: такое жестокое насиліе надъ жизнью не можетъ быть произведено безъ жестокой реакціи со стороны самой жизни. Они не смогутъ, если бы и затѣяли, осуществить pereat mundus fiat doctrina. Но гдѣ ляжетъ грань? Въ какой мѣрѣ на ряду съ государственнымъ фондомъ допущено будетъ сохраненіе частной земельной собственности?

* * *

Мелкая земельная собственность—та самая, которая есть господствующая форма землевладѣнія Западной Россіи и которая съ каждымъ годомъ растетъ и въ другихъ обла-

стяхъ Россіи,—эта мелкая земельная собственность не пользуется особыми симпатіями среди русскаго общества. Весьма многіе цѣликомъ переносятъ на нее все отрицательное отношеніе, направленное противъ крупной. Другіе опасаются ея, какъ оплота консерватизма и реакціи: торжество мелкой собственности въ ихъ глазахъ грозило бы всѣмъ пріобрѣтеніямъ политической свободы въ Россіи. Наконецъ, говоря объ отчужденіи частно-владѣльческихъ земель, указываютъ, что оно можетъ быть произведено лишь въ пользу государства: нельзя взять у одиихъ и дать другимъ. Послѣдній аргументъ, намъ, кажется, страдаетъ излишнимъ формализмомъ и лишенъ реальнаго содержанія: если обезпеченіе землей крестьянъ есть государственная потребность, то удовлетвореніе ея не утратитъ своего правового характера отъ того, что земли перейдутъ въ собственность крестьянъ. Но это возраженіе второстепенное; что сказать о главномъ—объ оцѣнкѣ самаго института земельной собственности?

Прежде всего едва-ли кто-нибудь станетъ оспаривать, что извѣстные намъ типы демократіи основаны или на преобладаніи большихъ городовъ или на развитіи мелкой крестьянской собственности. Такія крестьянскія демократіи мы встрѣчаемъ подъ разнообразными широтами земного шара—въ Норвегіи и Швейцаріи, въ Канадѣ и Южной Африкѣ. Крестьянство Южной Франціи является однимъ изъ могущественныхъ оплотовъ демократической республики. Демократій, основанныхъ на созданіи единаго государственнаго фонда мы не знаемъ; даже Новая Зеландія не уничтожила институтъ мелкой земельной собственности. Если земледѣльческое населеніе способно создать базисъ для политической демократіи, то это относится прежде всего до обычной исторической категоріи этого класса—мелкихъ собственниковъ. Да, и было-бы непонятно, почему эти реакціонныя свойства, присущія крестьянству, исчезли-бы, какъ только оно основывалось не на своей землѣ, а на государственной.

Если-бы крестьянство не могло дать основы демократическому строю, то дѣло политической свободы въ Россіи было бы заранѣе проиграно. Но мы видимъ среди нашего крестьянства растущее сознаніе связи между его судьбой и судьбами государственнаго цѣлаго, между землей и волей. И оно исходитъ вовсе не только изъ среды крестьянъ наиболѣе неимущихъ, приближающихся къ состоянію проле-

тарiата; оно исходитъ не менѣе и изъ среды такъ называемой крестьянской буржуазіи. И если въ настоящую минуту нашей задачей является укрѣпленіе въ крестьянствѣ сознанія своихъ правъ, переходъ отъ отношеній наполовину крѣпостныхъ, наполовину благотворительныхъ къ отношеніямъ свободной гражданственности, то конечно такія отношенія можетъ быть создано никакъ ни уничтоженіемъ, а лишь возможнымъ расширеніемъ мелкой крестьянской собственности. Государственные интересы распредѣленія земельной собственности могли бы быть вполнѣ удовлетворены установленіемъ maximum'а, превышать который не можетъ всякая земельная собственность: это предупредило бы новую ея концентрацію. Но въ предѣлахъ этого maximum'а свобода распоряженія земельной собственностью соотвѣтствуетъ свободѣ хозяйственнаго самоопредѣленья индивидуума. Въ Россіи въ настоящее время все, что такъ или иначе подыметъ личную энергію, является вопросомъ первокласснаго государственнаго значенія.

Но, быть можетъ, важнѣе этой стороны есть другая, которую еще труднѣе учесть въ точныхъ данныхъ: это моральный смыслъ мелкой земельной собственности. Защитники полной національзаціи часто теряютъ изъ виду то коренное различіе, которое существуетъ между крупнымъ и мелкимъ землевладѣніемъ. Для обладателя нѣсколькихъ тысячъ десятинъ довольно безразлично, получать ли доходъ съ нихъ или стричь купоны. Но для того, кто связанъ съ участкомъ земли той интимной связью, которая создается постоянной затратой личнаго труда и личныхъ усилій, для того земельная собственность имѣетъ совсѣмъ особый смыслъ. Это мѣсто, гдѣ онъ выросъ, гдѣ прилагали трудъ его предки, мѣсто, гдѣ будутъ работать его дѣти, это мѣсто, съ которымъ срослась жизнь нѣсколькихъ поколѣній, на этомъ клочкѣ земли рождается новая, особая связь между природой и человѣкомъ. Какъ сильно это чувство проявляется въ той тоскѣ по родинѣ земледѣльца, котораго судьба, соціальная необходимость увела далеко отъ родного дома. Можно называть эти чувство буржуазными, но нельзя оспарнвать, что они заложены весьма глубоко въ человѣческой душѣ. Было-ли бы исчезновеніе ихъ нравственнымъ выигрышемъ для общежитія? Я рѣшительно не думаю, чтобы все потерянное въ смыслѣ этихъ интимныхъ связей было пріобрѣ-

тено солидарностью обширныхъ массъ. Нравственныя цѣнности разрушаются скорѣе, чѣмъ созидаются. Да и непонятно, чѣмъ усилится эта солидарность, если исчезнетъ личная собственность на землю, но остается, какъ это неизбѣжно при современной націонализаціи, индивидуальное производство. Съ этой точки зрѣнія можно сказать, что идея земельной собственности, того психическаго комплекса, который съ ней связанъ, несравненно сильнѣе выступаетъ въ собственности мелкой, чѣмъ крупной, и тѣ, кто рѣшились бы вести борьбу противъ этой самой идеи, именно здѣсь встрѣтили бы величайшее сопротивленье. И съ другой стороны, какъ это ни звучитъ пародоксально, въ Россіи можно отстаивать ликвидацію крупнаго и даже средняго землевладѣнія именно во имя укрѣпленія принципа земельной собственности. Силу этой связи земли и земледѣльца-землевладѣльца, безъ сомнѣнія оцѣнили бы въ ту минуту, когда захотѣли бы провести націонализацію въ предѣлахъ подворной Россіи.

Въ мою задачу не входитъ экономическая сторона вопроса, разсмотрѣніе его съ точки зрѣнія интересовъ національнаго производства. Это разсмотрѣніе безспорно доказало бы утопичность программы, выставляющей возможность искоренить батрацкій трудъ въ хозяйствѣ. Это разсмотрѣніе доказало бы, что отливъ части деревенскаго населенія въ городъ есть явленіе естественное и неизбѣжное постольку, поскольку неизбѣжно развитіе въ Россіи крупной промышленности и капиталистическаго хозяйства. И едва-ли, съ точки зрѣнія длительныхъ интересовъ демократіи, можно объ этомъ жалѣть; едва-ли искусственныя препятствія образованію рабочаго пролетаріата могутъ оправдываться обще-государственными интересами, разъ подъемъ значительной части крестьянства, увеличеніе его покупной способности дастъ русской промышленности стать на ноги и вызоветъ широкое развитіе рабочаго законодательства. Такъ создается экономическій базисъ для дѣйствительной гармоніи интересовъ крестьянскаго и рабочаго класса.

Но спросятъ, гдѣ здѣсь на этомъ пути исполненіе обѣщанія, даннаго различными партіями на выборахъ: передача земли трудящимся и признаніе права на землю? Первое несомнѣнно на лицо; но что касается второго, то лишь крайне поверхностный взглядъ можетъ признать его тождество съ первымъ. Увеличеніе земельнаго фонда крестьянъ есть

вполнѣ реальная цѣль государственной политики; провозглашеніе права на землю есть лишь простое провозглашеніе, возможность провести въ жизнь которое ничѣмъ не доказана. А главное если бы такое проведеніе въ жизнь и было возможно, то оно обратилось бы не столько въ право гражданина получить землю у государства, сколько въ право государства распоряжаться всей земельной собственностью. И на этомъ пути мы видимъ тоже—страшное усиленіе государственной центральной власти, созданіе новаго чувства въ націи, что въ рукахъ его правительства дать ему хлѣбъ или не давать. И пока государство не сдѣлалось народнымъ не только въ своихъ внѣшнихъ формахъ, но и во всѣхъ проявленіяхъ своей жизни, громкій лозунгъ „права на землю" является несомнѣнной угрозой естественнымъ правамъ человѣка и гражданина, дѣлая послѣдняго беззащитнымъ передъ государственнымъ полновластіемъ. Какъ много было въ послѣднее время плановъ земельной реформы, проникнутыхъ стремленіемъ создать изъ Россіи передовую демократію въ уровень Австраліи и Новой Зеландіи, и все же при болѣе тщательномъ изслѣдованіи какъ часто въ нихъ обнаруживался столь живучій въ исторіи нашей политической общественной мысли духъ гр. Аракчеева, который, вѣроятно, и не отказался бы подписаться подъ нѣкоторыми изъ этихъ проектовъ...

* * *

На догматизмъ защитниковъ единаго государственнаго земельнаго фонда не слѣдуетъ отвѣчать противоположнымъ догматизмомъ. Во многихъ мѣстностяхъ Россіи въ пользу установленія такого фонда изъ отчуждаемыхъ земель будутъ—не оцѣнивая хозяйственной стороны дѣла—могущественныя психологическія предпосылки: съ ними тоже нельзя будетъ не считаться. Важно одно, чтобы проведенье предстоящей реформы происходило не въ духѣ фанатизма логическихъ формулъ, подъ которыми часто вскрываются старыя, вѣковыя переживанья крѣпостной Россіи. Пестрая ткань соціальныхъ, территоріальныхъ и психологическихъ противоположностей не можетъ быть закрашена въ единый цвѣтъ. И представители обоихъ главныхъ направленій въ аграрномъ вопросѣ должны были бы признать въ качествѣ рѣшающей инстанціи тѣ жизненные интересы, которые могутъ обнаружиться

лишь при передачѣ рѣшенія аграрнаго вопроса мѣстнымъ органамъ, непосредственно ихъ отражающимъ. Въ интересахъ обѣихъ спорящихъ сторонъ, если онѣ искренне стоятъ на почвѣ политической свободы, возможно скорѣе освободиться отъ духа бюрократическаго централизма, какъ бы ни были соблазнительны его соціальные посулы. Въ этомъ залогъ не только правильнаго рѣшенія аграрнаго вопроса, но залогъ, можно сказать безъ преувеличенія, всего нашего будущаго. И нельзя не привѣтствовать уже наблюдаемую теперь здоровую реакцію противъ поползновеній произвести рѣшеніе аграрнаго вопроса аракчеевско-якобинскими декретами, хотя-бы и основанными на весьма эффектныхъ и яркихъ деклараціяхъ—вродѣ „права всѣхъ на землю".

С. Котляревскій.

Два политическихъ идеала.

П. И. Пестель. Русская Правда. Наказъ Временному Верховному Правленію. С.-Петербургъ. 1906.

В. Е. Якушкинъ. Государственная власть и проекты государственной реформы въ Россіи. Съ приложеніемъ проекта конституціи Никиты Муравьева. С.-Петербургъ. 1906.

I.

В. Е. Якушкинъ вспоминаетъ въ предисловіи къ своей книгѣ слова м-мъ Сталь: „c'est le despotisme qui est nouveau et la liberté qui est ancienn", и самъ склоняется къ той мысли, что на протяженіи всей русской исторіи „стремленіе общества къ свободѣ, проявленія этой свободы" наблюдаются „наравнѣ и параллельно" съ „развитіемъ и дѣйствіемъ" началъ, прямо противоположныхъ. Сознаемся, что по отношенію къ нашему прошлому выводъ этотъ кажется намъ нѣсколько преувеличеннымъ; свободѣ принадлежитъ не былое, а будущее Россіи: накоплявшіеся прежними поколѣніями запасы духовной энергіи шли на иное творчество, и лишь сравнительно небольшія и потому самому особенно цѣнныя части этой энергіи расходовались на борьбу за идеалъ политической свободы. Но каково бы ни было въ общей экономіи русской исторіи значеніе попытокъ осуществленія на Руси такого идеала, мы должны быть глубоко признательны тѣмъ изслѣдователямъ нашего прошлаго, которые при первой возможности дѣятельно принялись за собраніе и изученіе матеріаловъ, касающихся борьбы за этотъ идеалъ. Въ теченіе сравнительно короткаго промежутка времени въ этой области сдѣлано очень многое. Мы имѣемъ теперь возможность познакомиться съ такими проявленіями русскаго творчества, съ которыми мы почти не были знакомы. Въ нашемъ прошломъ и прежде искали

представителей русской политической мысли и находили ихъ въ лицѣ разныхъ, съ полнымъ основаніемъ забытыхъ профессоровъ конца 18-го и начала 19 вв. Теперь такое открытіе какъ бы сдѣлано заново, и на этотъ разъ оно гораздо интереснѣе. Вмѣсто выцвѣтшихъ фигуръ скучныхъ оффиціальныхъ представителей заимствованной съ Запада школьной премудрости передъ нами встаютъ блестящіе образы декабристовъ, замышлявшихъ смѣлое переустройство родины и оставившихъ по себѣ героическую легенду, сослужившую громадную и еще не учтенную службу всему послѣдующему нашему общественному развитію. Тѣ страницы, на которыхъ они заносили результаты своихъ размышленій, интересны и какъ часть этой легенды, и какъ памятники развитія въ Россіи политической доктрины.

Передъ нами два политическихъ произведенія, написанныхъ декабристами: „Русская Правда" Пестеля и „проектъ конституціи" Никиты Муравьева. Первое представляетъ обширный политическій трактатъ, родъ мотивированной инструкціи тому правительству, которое должно было взять въ свои руки судьбы Россіи послѣ государственнаго переворота, замышлявшагося декабристами; оно осталось болѣе чѣмъ на половину недописаннымъ, но и то, что дошло до насъ, занимаетъ въ печати 244 страницы. Второе есть проектъ законодательнаго акта, распадающійся на 134 статьи, изложенный систематически въ формѣ обычной конституціонной хартіи и доведенный почти до конца.—Оба произведенія почти напрашиваются на сравненіе. Они возникли почти одновременно, исходятъ отъ видныхъ дѣятелей одного и того же поколѣнія и одной и той же группы и служатъ разрѣшенію одной и той же задачи. И, если при этихъ условіяхъ, они между собою далеко не схожи, то слѣдуетъ предположить, что принципіальная разница построеній должна находить себѣ довольно глубокое объясненіе. Внимательное изученіе мечтаній Пестеля и Муравьева свидѣтельствуетъ, что причины расхожденія ихъ конечныхъ политическихъ идеаловъ лежатъ въ коренномъ различіи источниковъ ихъ вдохновенія: въ твореніи перваго незримо присутствуетъ духъ и традиція революціонной Франціи, проектъ второго отражаетъ идеалы англійскіе и англо-американскіе.

Противопоставленіе французскихъ и англійскихъ политическихъ идей составляетъ одно изъ излюбленныхъ общихъ

мѣстъ всякаго сочинительства на государственныя темы. И не потому любопытно сопоставленіе произведеній Пестеля и Муравьева, что оно даетъ возможность лишній разъ повторить это общее мѣсто. Оно интересно, ибо доказываетъ, что и у насъ политическая доктрина развивается подъ угломъ тѣхъ двухъ основныхъ посылокъ, которыя руководили развитіемъ другихъ народовъ и что печать двухъ величайшихъ міровыхъ политическихъ идеаловъ съ самой младенческой поры русской политической мысли наложена на нее настолько отчетливо и глубоко, что нечего удивляться, если не исчезли до сихъ поръ тѣ коренныя, почти инстинктивныя различія пріемовъ и выводовъ, которыя порождаются несходствомъ указанныхъ источниковъ вдохновенія.

II.

Конечно, въ конституціонныхъ планахъ и Пестеля, и Муравьева есть, да и не могло не быть, много точекъ соприкосновенія. Оба ищутъ выхода изъ одного и одинаково осуждаемаго обоими положенія; оба отражаютъ на себѣ вліяніе того кружка, къ которому они принадлежали и вдохновителями котораго они были. Умственный складъ этого кружка въ основныхъ своихъ чертахъ намъ хорошо извѣстенъ изъ всей серіи записокъ, оставленныхъ декабристами. Тотъ основной рычагъ, который онъ усвоилъ себѣ, какъ лучшее политическое орудіе и лучшій аргументъ, изобрѣтенъ не декабристами; до нихъ и послѣ нихъ, на пространствѣ всей міровой исторіи, множество разъ онъ перемѣщалъ центръ власти изъ однихъ рукъ въ другія и совершалъ крупнѣйшіе государственные перевороты. Характерно, что въ устахъ обоихъ онъ облеченъ въ почти тождественную формулу. „Русскій народъ, говоритъ Никита Муравьевъ, свободный и независимый, не есть и не можетъ быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства"; „источникъ верховной власти есть народъ, которому принадлежитъ исключительное право дѣлать основныя постановленія для самого себя".—„Народъ Россійскій, говоритъ Пестель, не есть принадлежность какого либо лица или семейства. Напротивъ того, правительство есть принадлежность народа и оно учреждено для блага народнаго, а не народъ существуетъ для блага правительства". При всей

кажущейся простотѣ, — скажемъ банальности, — этихъ мыслей, — онѣ принадлежатъ къ разряду тѣхъ, которыя неизбѣжно сопутствуютъ всякой революціонной попыткѣ, сопутствуютъ или въ качествѣ открытаго и прямого ея лозунга, или какъ фактъ индивидуальнаго правосознанія, получающій болѣе или менѣе широкое распространеніе. Въ одинъ прекрасный день люди подвергаютъ сомнѣнію законность и правомѣрность того закона и того права, которые, можетъ быть еще вчера, казались имъ неоспоримыми; вмѣсто нихъ они творятъ себѣ новое право и впредь согласны жить только по мѣркѣ этого послѣдняго. Не будемъ удивляться появленію этой естественноправовой предпосылки у декабристовъ: они не могли обойтись безъ нея, ибо весь грандіозный реформаторскій планъ, который они замыслили, рухнулъ бы въ ихъ собственныхъ глазахъ, если бы не имѣлъ въ идеѣ народовластія своего оправданія.

На этомъ основномъ пунктѣ сходятся Пестель и Муравьевъ; для обоихъ народъ „естественно" призванъ самъ воздвигнуть то политическое зданіе, въ которомъ онъ имѣетъ поселиться. Какъ же будетъ построено это зданіе? Вотъ тутъ между Пестелемъ и Никитой Муравьевымъ и начинаетъ проходить указанная выше грань глубокаго различія.

III.

Начнемъ съ построеній Пестеля. Общій складъ его мыслей носитъ характернѣйшіе признаки политическаго философствованія 18-го столѣтія. Онъ совершенно убѣжденъ въ томъ, что существуетъ нѣкоторый нормальный и безусловный типъ государственнаго устройства. Рядомъ посылокъ и выводовъ, построенныхъ по характернымъ для 18-го вѣка логическимъ образцамъ, онъ приходитъ къ формулировкѣ принциповъ этого нормальнаго государственнаго устройства и прибавляетъ „все, что отъ сихъ правилъ удаляется, а тѣмъ паче онымъ противорѣчитъ, есть зловластіе, испроверженіе правъ и уничиженіе, нареканіе наносящее и гибель совершающее". Этотъ нормальный кодексъ, опытъ котораго и представляетъ „Русская Правда", является „неизмѣннымъ и непреложнымъ", обладаетъ свойствами внутренняго деспотизма и долженъ быть осуществленъ безъ колебаній. Правда, Пестель, какъ человѣкъ 19-го вѣка,

слышалъ о всѣхъ возраженіяхъ, которыя модныя въ началѣ этого столѣтія историко-романтическія ученія дѣлали противъ такихъ „презирающихъ исторію" построеній. Въ Русской Правдѣ эти возраженія какъ будто нашли себѣ мѣсто. Пестель говоритъ,—на первый взглядъ совершенно въ тонъ Берку или Савиньи: — „всѣ происшествія въ Европѣ, въ послѣднемъ полустолѣтіи случившіяся, доказываютъ, что народы, возмечтавшіе о возможности внезапныхъ дѣйствій и отвергнувшіе постепенность въ ходѣ государственнаго преобразованія, впали въ ужаснѣйшія бѣдствія и вновь покорены игу самовластія и беззаконія". Но это не идеи „исторической школы" въ ихъ настоящемъ смыслѣ. „Послѣдовательность" развитія понимается Пестелемъ чисто механически, а отнюдь не органически, какъ она понималась европейской реакціей противъ школы естественнаго права. Необходимы „послѣдовательныя мѣропріятія", но послѣдовательныя не по своему внутреннему содержанію, а лишь во времени: сначала организуется „временное верховное правленіе", которое въ видѣ наказа получаетъ Русскую Правду; это послѣднее, когда придетъ время, созоветъ „представительный соборъ", который въ свою очередь составитъ „уложеніе или полный сводъ законовъ".

Тѣ „неизмѣнные и непреложные" законы, на которыхъ долженъ покоиться государственный строй будущей Россіи, отличаются въ построеніи Пестеля необыкновенною прямолинейностью. Возьмемъ хотя бы тотъ вопросъ, гдѣ, казалось бы, созданныя исторіей и унаслѣдованныя настоящимъ условія существованія государства должны были бы стоять на первомъ мѣстѣ,—вопросъ о государственныхъ границахъ. Даже здѣсь находятъ себѣ примѣненіе законы нормальнаго государственнаго существованія. „Для правильнаго и положительнаго установленія границъ надлежитъ непремѣнно руководствоваться, гласитъ Русская Правда, тѣмъ соображеніемъ, что право народности должно брать верхъ для тѣхъ народовъ, которые могутъ самостоятельною политическою независимостью пользоваться; а что право благоудобства (этотъ Пестелевскій терминъ можно было бы передать словами: „право округленія границъ") должно брать верхъ надъ тѣми народами, кои сею самостоятельною политическою независимостью пользоваться не могутъ и непремѣнно должны состоять подъ властью какого либо сильнѣй-

шаго государства". Съ этой точки зрѣнія Пестель пересматриваетъ русскую государственную границу. По „праву благоудобства" въ составъ русской территоріи должны входить: „Финляндія, Эстляндія, Лифляндія, Курляндія, Бѣлоруссія, Малороссія, Новороссія, Бессарабія, Крымъ, Грузія, весь Кавказъ, земли Киргизовъ, всѣ народы сибирскіе и разныя другія племена, внутри государства обитающія" и сверхъ того должны быть вновь присоединены „Молдавія", „всѣ земли горскихъ кавказскихъ народовъ", „земли Киргизъ-Кайсацкихъ ордъ" и часть Монголіи. „Право народности должно брать верхъ надъ правомъ благоудобства" въ отношеніи къ Польшѣ, и послѣдней должно быть, по силѣ Русской Правды, предоставлено самостоятельное государственное существованіе [1]).

Внутри этой территоріи уже нѣтъ мѣста никакой пестротѣ и никакому разнообразію. „Объявляется Россійское государство, въ предѣлахъ выше обозначенныхъ—гласитъ Русская Правда—единымъ и нераздѣлимымъ, отвергающимъ притомъ совершенно всякое федеративное образованіе, устройство и существованіе государства". Аргументація Пестеля въ этомъ пунктѣ интересна тѣмъ, что кажется заимствованной изъ современной полемики. „Что же въ особенности касается до Россіи, говоритъ онъ, то, дабы въ полной мѣрѣ удостовѣриться, до какой степени федеративное образованіе государства было бы для нея пагубно, стоитъ только вспомнить, изъ какихъ разнородныхъ частей сіе огромное государство составлено. Области его не только различными гражданскими законами судятся, но совсѣмъ

[1]) Эта уступка, дѣлаемая началу національности, сопровождается любопытною и характерною оговоркою; независимость Польшѣ можетъ быть дана на трехъ условіяхъ, а именно: „А. Верховная власть должна быть устроена въ Польшѣ одинаковымъ образомъ, какъ и въ Россіи, на основаніи 6-й главы Русской Правды. Б. Назначеніе и выборъ всѣхъ лицъ и чиновниковъ во всѣ правительственныя и присутственныя мѣста должны происходить по тѣмъ же точно правиламъ въ Польшѣ, какъ и въ Россіи, на основаніи 4 и 9 главъ Русской Правды; и В. Всякая аристократія, хоть на богатствахъ и имуществахъ, хоть на привилегіяхъ и правахъ родовыхъ основанная, должна совершенно навсегда быть отвергнута, и весь народъ Польскій одно только сословіе составлять на основаніи 4 главы Русской Правды".

различными языками говорятъ, совсѣмъ различныя вѣры исповѣдуютъ; жители оныхъ различное происхожденіе имѣютъ, къ различнымъ державамъ нѣкогда принадлежали; и потому, ежели сію разнородность еще болѣе усилить черезъ федеративное образованіе государства, то легко предвидѣть можно, что сіи разнородныя области скоро отъ коренной Россіи тогда отложатся, и она скоро потеряетъ тогда не только свое могущество, величіе и силу, но даже можетъ быть и бытіе свое между большими или главными государствами". Тѣ доводы, которые обыкновенно служатъ для доказательства, что Россіи необходима національная децентрализація, у Пестеля служатъ аргументомъ въ пользу безусловнаго объединенія всего населенія Россіи въ одно цѣлое.

И на этомъ Пестель стоитъ твердо и рѣшительно. „Избѣгать надлежитъ, говоритъ онъ, всего того, что посредственно или непосредственно, прямо или косвенно, открыто или потаенно къ такому устройству государства вести бы могло". Весь государственный идеалъ его дышетъ стремленіемъ сплавить разноплеменную и пеструю Россію воедино въ горнилѣ государственной власти; ему кажется, что „въ семъ случаѣ получаетъ государственный составъ высшую степень крѣпости". Прежде всего необходимо, „чтобы во всемъ пространствѣ государства одни и тѣ же законы, одинъ и тотъ же образъ управленія существовали". Эта основная посылка влечетъ двоякаго рода выводы. Во первыхъ,—и въ этомъ положительная сторона Пестелевскаго идеала,—Пестель уничтожаетъ всякія сословныя грани; всѣ сословія, по словамъ Русской Правды, „сливаются въ общее сословіе Россійскихъ гражданъ, имѣющихъ пользоваться совокупно всѣми тѣми правами и преимуществами, коими донынѣ каждое сословіе пользовалось отдѣльно". Здѣсь идеалъ внутренняго государственнаго единства служитъ орудіемъ раскрѣпощенія такъ же, какъ онъ имъ служилъ въ рукахъ дѣятелей великой революціи. Но тотъ же основной идеалъ влечетъ за собою закрѣпощеніе населенія въ другомъ отношеніи. Второй выводъ изъ принципа единства права гласитъ такъ: „при всѣхъ мѣропріятіяхъ временнаго верховнаго правленія въ отношеніи къ различнымъ народамъ и племенамъ, Россію населяющимъ, безпрестанно должно непремѣнную цѣль имѣть въ виду, чтобы составить изъ нихъ всѣхъ только

одинъ народъ и всѣ различные оттѣнки въ одну общую массу слить такъ, чтобы обитатели цѣлаго пространства россійскаго государства всѣ были русскіе". Средства, предлагаемыя Пестелемъ для достиженія этой основной цѣли, подчасъ не только тиранничны, но и прямо жестоки. Онъ перечисляетъ ихъ съ большою подробностью и систематичностью; „средства общія" таковы: 1) единство языка, 2) уничтоженіе „различныхъ названій народовъ и племенъ, Россію населяющихъ", 3) единство законодательства; „средства частныя" примѣнительно къ отдѣльнымъ народностямъ, здѣсь трудно всѣ перечислить, но слѣдующія выдержки изъ Русской Правды могутъ служить краснорѣчивымъ образцомъ: въ Финляндіи рекомендуется насажденіе русской школы, на Кавказѣ—переселеніе во внутрь Россіи непокорныхъ горцевъ („раздробивъ ихъ малыми количествами по всѣмъ русскимъ волостямъ") и водвореніе на мѣсто ихъ русскихъ, въ отношеніи евреевъ предполагается или „искорененіе тѣсной связи, евреями между собою содержимой... и отъ всѣхъ прочихъ гражданъ ихъ совершенно отдѣляющей", или же учрежденіе особаго для нихъ государства въ Малой Азіи и т. д., и т. д.

Та однородная масса гражданъ, которая создана будетъ на Руси послѣ введенія Русской Правды, получитъ систематическую и планомѣрную іерархическую организацію. Вся картина будущаго политическаго устройства Россіи по идеалу Пестеля до насъ не дошла и изъ имѣющейся части Русской Правды мы можемъ составить себѣ представленіе, главнымъ образомъ, лишь о нижнихъ слояхъ этой организаціи. Вотъ описаніе этой организаціи. „Порядокъ долженъ въ государствѣ существовать и не можетъ быть иначе введенъ, какъ раздѣленіемъ государственнаго пространства на части, почему и имѣетъ быть вся Россія раздѣлена на области. Каждая область на нѣсколько губерній, каждая губернія на нѣсколько уѣздовъ, каждый уѣздъ, наконецъ, на нѣсколько волостей.... Сему раздѣленію отвѣтствуетъ образованіе провинцій и установленіе степеней чиноначальства. Въ верху надъ всѣми оными находится верховная власть, а внизу подъ оными весь народъ.... Долженъ быть народъ россійскій распредѣленъ по волостямъ, такимъ образомъ, чтобы каждый россіянинъ былъ приписанъ къ которой либо волости и считался бы членомъ той волости". Волость, по мѣрѣ воз-

можности постоянная по размѣрамъ единица, есть первоначальное ядро организаціи русскаго государства. Приписанные къ ней граждане собираются въ ней на земскія собранія; послѣдніе выбираютъ членовъ постояннаго административнаго совѣта волости — „намѣстнаго волостного собранія"; послѣднее изъ своей среды выбираетъ членовъ „намѣстнаго уѣзднаго собранія"; это „уѣздное" собраніе — тѣмъ же порядкомъ въ „окружное или губернское", а совокупность „намѣстныхъ губернскихъ собраній" посылаетъ своихъ выборныхъ въ общеимперское „вѣче", „образующее верховную законодательную власть". Всѣ эти, построенные строго іерархически выборы происходятъ на всемъ пространствѣ Россіи въ одинъ день; сессіи всѣхъ собраній длятся одинаковое время; число представителей для каждой волости, уѣзда, губерніи приблизительно равно. Въ результатѣ получается изумительная по симметріи картина политической постройки, въ которой, по выраженію Пестеля, „размѣщенъ" будетъ „весь народъ": нигдѣ не будетъ торчать ненужныхъ остатковъ старины, не видно будетъ никакихъ надстроекъ или пристроекъ, всюду выдержанъ будетъ одинъ стиль, весьма сухой, но раціональный, и „вся Россія" будетъ, по словамъ Русской Правды, „являть видъ единородства, единообразія и единомыслія". Это достигается, правда, цѣною того, что постройка пріобрѣтаетъ характеръ нѣсколько казарменный и дышетъ фантазіей, которую принято называть бюрократическою.

Знакомясь съ Русскою Правдою невольно вспоминаешь родственный Пестелю по духу бюрократическій геній Сперанскаго. На нихъ обоихъ чувствуешь то огромное вліяніе, которое на складъ мыслей человѣчества оказала французская революція и вдохновлявшая ее естественноправовая философія. Идеалъ Пестеля есть идеалъ по своему происхожденію, коротко говоря, якобинскій. Достаточно взглянуть на то, какъ аргументируетъ Пестель, чтобы убѣдиться въ этомъ. Вотъ, напримѣръ, главные доводы въ пользу единства законодательства и управленія; оно необходимо потому, говоритъ Пестель, 1) что истина политическая, будучи истиною нравственною или отвлеченною, вездѣ—одна и та же; 2) что нравы народные зависятъ вездѣ отъ вѣры и правительства; законы вѣры христіанской вездѣ требуютъ одинаковыхъ правилъ нравственности, и правительство одинаковостью законовъ политическихъ, съ вѣрою согласныхъ, будетъ

вѣрѣ способствовать сіе святое единообразіе въ правилахъ нравственныхъ повсюду вести къ общему всѣхъ благоденствію; 3) что правосудіе двусмыслія и двоякаго толкованія не допускаетъ, и будучи основано на понятіи о нашихъ обязанностяхъ по отношенію къ ближнимъ, однаково вездѣ быть должно, тѣмъ болѣе, что сіи обязанности вѣрою опредѣлены для всѣхъ людей одинаковыми. И, наконецъ, 4) потому что самые дѣйствительные наставники народовъ суть законы государственные: они образуютъ и, такъ сказать, воспитываютъ народы и по нимъ нравы, обычаи, понятія, видъ свой и дѣятельность свою получаютъ"...

IV.

Существенно отличны отъ Пестелевскихъ политическіе планы Никиты Муравьева.

Самое характерное во всей написанной имъ для Россіи конституціи и вмѣстѣ наиболѣе несхожее съ воззрѣніями Пестеля—это лежащее въ основѣ этой конституціи признаніе, что въ Россіи центральная государственная власть не должна и не можетъ быть всемогущею и что благо государственное требуетъ, чтобы она признала свое безсиліе удовлетворительно построить всю русскую жизнь по одному образцу и сразу же узаконила извѣстную пестроту и многогранность состава русскаго государственнаго цѣлаго. Если Пестелевскій идеалъ всепоглощающаго и всеобъемлющаго государства перенятъ имъ изъ Франціи, то исходная точка построенія Никиты Муравьева англійскаго происхожденія, ибо англичанамъ дано было первымъ понять и осуществить у себя дома и въ колоніяхъ ту великую политическую истину, что отказъ отъ власти есть иногда лучшее средство служенія государственной идеѣ. Никита Муравьевъ заимствуетъ эту истину, открытую англичанами, главнымъ образомъ, изъ вторыхъ рукъ. У него передъ глазами прежде всего великая англійская демократія Новаго Свѣта, и изъ конституціи Соединенныхъ Штатовъ онъ почерпаетъ тѣ формулы, которыя должны были быть, по его мнѣнію, введены въ Россіи.

Заимствованія, которыя онъ дѣлаетъ изъ американской конституціи, равно какъ и тѣ, которыя взяты непосредственно изъ Англіи (по ряду вопросовъ, которые въ данной связи насъ не интересуютъ), во многихъ своихъ частяхъ

представляютъ совсѣмъ точную копію съ подлинника; мысль Муравьева работаетъ вообще менѣе самостоятельно и болѣе было, чѣмъ мысль Пестеля, и Русская Правда, несомнѣнно, гораздо болѣе оригинальна. Весь государственный механизмъ Россіи строится Муравьевымъ слѣдующимъ образомъ. Россія или, какъ говоритъ Муравьевъ, „всѣ Россіи" распадаются на 15 отдѣльныхъ частей — 13 „державъ" и 2 „области" (въ американскомъ подлинникѣ: „штатовъ" и „территорій"). Государственная власть подѣлена между центральными органами „всѣхъ Россій" и органами „державъ". Союзная власть находится въ рукахъ Народнаго Вѣча — органа законодательнаго—и императора — органа исполнительнаго („Верховный Чиновникъ Россійскаго Правительства"). Народное Вѣче слагается изъ Верховной Думы и Палаты Народныхъ Представителей; первая состоитъ изъ представителей державъ и областей, т. е. выражаетъ союзную идею, а вторая изъ представителей населенія (въ американскомъ подлинникѣ: сенатъ и палата представителей). Вѣче облечено „всей законодательною властью" союза, императоръ имѣетъ въ области законодательства лишь право потребовать вторичнаго пересмотра закона вѣчемъ. Центральные органы обладаютъ точно ограниченною компетенціей, внѣ сферы которой власть принадлежитъ уже „державамъ". Въ общемъ такая схема всецѣло совпадаетъ съ схемою американской съ тою лишь разницею, что „верховный чиновникъ россійскаго правительства" — императоръ — не избираемъ, какъ президентъ Штатовъ; но компетенція обоихъ въ общемъ совпадаетъ, да къ тому же Муравьевъ считаетъ необходимымъ прямо оговорить въ одной изъ статей своей конституціи, что „императорское званіе учреждено наслѣдственнымъ для удобства, а не потому, чтобы оно было въ самомъ дѣлѣ семейственнымъ достояніемъ".

Гораздо оригинальнѣе, нежели самая схема организаціи федеративной Россіи, попытка Муравьева влить въ нее конкретное содержаніе. Гдѣ эти тринадцать „державъ", на которыя распадаются его „всѣ Россіи"? Вотъ по его конституціи будущіе русскіе „штаты": Ботническая Держава („столица" Гельсингфорсъ), Волховская (г. Св. Петра), Балтійская (Рига), Западная (Вильно), Днѣпровская (Смоленскъ), Черноморская (Кіевъ), Кавказская (Тифлисъ), Украинская (Харьковъ), Заволжская (Ярославль), Камская (Казань), Низов-

ская (Саратовъ), Обійская (Тобольскъ) и Ленская (Иркутскъ), сверхъ того двѣ области—Московская и Донская.

Въ этомъ дѣленіи безспорно много искусственнаго. Механическое перенесеніе американскаго федеративнаго строя въ Россію едва ли вообще оправдывалось дѣйствительнымн ея потребностями, и въ частности тотъ способъ дробленія, который защищалъ Никита Муравьевъ, во многомъ совершенно не отвѣчалъ реальнымъ условіямъ жизни отдѣльныхъ мѣстностей Россіи. И, тѣмъ не менѣе, въ предлагаемомъ Никитою Муравьевымъ проектѣ разгруженія центральной русской власти въ пользу перечисленныхъ выше мѣстныхъ единицъ много здраваго политическаго смысла. Развѣ мыслимо, спрашиваетъ себя Муравьевъ, организовать по одному шаблону, безконечно повторяющемуся, быть такихъ, силою естественныхъ и историческихъ условій обособленныхъ территорій, какъ его „Ботническая Держава", „Держава Кавказская" или „Балтійская", и онъ отвѣчаетъ на этотъ коренной вопросъ русской жизни отрицательно. Всякіе слѣды такихъ мыслей были чужды Пестелю, и онъ, конечно, рѣшительно отвергъ бы попытку Муравьева насадить англо-американскіе идеалы на русской почвѣ. Но развѣ не слѣдуетъ предпочесть его мечтамъ о Россіи, „являющей видъ единородства, единообразія и единомыслія", тотъ идеалъ, который строится по образцамъ, можетъ быть и мало пригоднымъ въ ихъ точной копіи, но не уничтожающимъ всей многогранности и многообразія составныхъ элементовъ русскаго государства и полнымъ вѣрою въ возможность гармоническаго ихъ сочетанія.

Конституція Никиты Муравьева не даетъ намъ дальнѣйшей характеристики тѣхъ „державъ", изъ которыхъ должны были сложиться „всѣ Россіи". Сверхъ того, что́ уже отмѣчено, мы имѣемъ всего одну подробность, сравнительно мелкаго значенія, но не лишенную своей характерности. Муравьевъ даетъ примѣрное обозначеніе цифры населенія каждой „державы", и цифры эти оказываются совершенно различными—отъ 450 тыс. до трехъ съ половиною милліоновъ; дѣленіе Муравьева чуждо, такимъ образомъ, характера операціи механической, напоминающей знаменитое дѣленіе Франціи на департаменты. Напротивъ того, онъ очевидно руководствуется какими то, имъ не объясняемыми въ конституціи соображеніями внутренними, органическими. Въ этомъ также весьма важное отличіе его воззрѣній отъ воз-

зрѣній Пестеля, для котораго административныя единицы не болѣе, какъ отдѣльныя шашки государственной территоріи, смахивающей на устланный аккуратнымъ мастеромъ паркетъ.

Нѣтъ у Муравьева и Пестелевской приписки всего населенія къ отдѣльнымъ волостямъ, а активное участіе въ управленіи волости и въ выборахъ обусловлено не этимъ демократическимъ, но въ тоже время „крѣпостнымъ", если можно такъ выразиться, началомъ, а менѣе демократическимъ, но зато и менѣе „крѣпостнымъ" началомъ низкаго имущественнаго ценза по образцу все того же вдохновляющаго Муравьева англійскаго права.

V.

Споръ двухъ воззрѣній, выраженіемъ которыхъ служатъ творенія Пестеля и Никиты Муравьева, какъ извѣстно, еще не законченъ и стоитъ въ настоящее время на очереди. Съ этой точки зрѣнія знакомство съ политическими теоріями двухъ раннихъ русскихъ политическихъ мыслителей представляетъ интересъ современности. Это знакомство позволяетъ намъ открыть можетъ быть и не всѣ, но во всякомъ случаѣ нѣкоторые изъ источниковъ двухъ діаметрально противоположныхъ воззрѣній по вопросу о „госурственномъ единствѣ" Россіи; корни одного взгляда, мы видѣли, связаны съ традиціями французскаго радикализма, корни другого—восходятъ къ англо-американской политической мысли. Современные защитники двухъ воззрѣній отнесутся съ недовѣріемъ къ этой генеалогіи: они слишкомъ привыкли считать идеалы Пестелевскаго типа охранительными, а идеалы типа Муравьевскаго проявленіемъ радикализма. Но да позволено будетъ мнѣ въ заключеніе замѣтить, что, можетъ быть, старая разцѣнка двухъ воззрѣній гораздо болѣе справедлива, что, можетъ быть, въ идеѣ національной децентрализаціи лежитъ больше истиннаго консерватизма въ смыслѣ охраны каждой крупицы наличныхъ духовныхъ богатствъ страны и глубокаго уваженія къ имперскому идеалу, идеалу свободнаго государственнаго единства.

Но пока споръ не конченъ, и мы можемъ лишь гадать, на чьей сторонѣ, на сторонѣ ли Пестеля или Муравьева, въ данномъ вопросѣ подлинная „русская правда".

Борисъ Нольде.

Замѣтки публициста.

I. Черносотенный соціализмъ.

Выше мы печатаемъ статью А. С. Изгоева о русской революціи. Здѣсь читатель найдетъ не декламаціи, а прошедшую чрезъ изученіе фактовъ и ихъ осмысливаніе критическую мысль.

Въ расчлененіи бурнаго и смутнаго потока русской революціи авторъ останавливается на «третьемъ элементѣ», въ которомъ онъ видитъ силу, призванную быть въ обновленной Россіи правительствомъ. Къ этому «третьему элементу» онъ относитъ нарочито и тѣхъ представителей русскаго дворянства, которые вошли въ демократическія партіи.

Противъ нихъ, какъ руководителей Государственной Думы, выступилъ недавно публицистъ «Народнаго Вѣстника» г. М. Энгельгардтъ. Г. Энгельгардтъ и его писанія—типичный образчикъ того паденія, до котораго дошла въ нѣкоторыхъ своихъ современныхъ развѣтвленіяхъ русская соціалистическая мысль. Это полная безшабашность, теоретическая и моральная.

Указывая на то, что въ Думѣ засѣдаютъ «дворяне больше либеральные» этотъ красночерный писатель подчеркиваетъ, что они «составляютъ ядро кадетской партіи и даютъ ей тонъ, а черезъ нее и всей Думѣ, ...такъ что дворянство и здѣсь ухитрилось явиться первенствующимъ». Для того, чтобы натравить «мужиковъ» на «господъ»,

г. Энгельгардтъ не стѣсняется, вопреки исторіи и очевидности, утверждать, что въ Россіи «дворянство, и именно старое родовое дворянство ...самый живучій, цѣпкій и политически сильный классъ».

„Въ теченіе столѣтій его представители держались наверху, дѣйствуя, гдѣ можно—нахрапомъ, гдѣ нужно—ползкомъ, гдѣ можно съ передняго, гдѣ нужно—съ задняго крыльца, изворачиваясь, кувыркаясь, приспособляясь, мѣняя кожу, воюя, кланяясь, требуя, прося, пуская въ ходъ всѣ дозволенныя и недозволенныя средства... Въ теченіе столѣтій они вели ожесточенную борьбу за первыя мѣста и лучшіе куски; все слабое, неумѣлое безпощадно выпадывалось, падало внизъ и исчезало,—оставались только цѣпкіе, проворные, ловкіе и... передавали эти свойства потомкамъ. Была татарщина, было московское собираніе, былъ Иванъ Грозный, поставившій своей задачей извести этотъ классъ, было смутное время—всеобщій хаосъ и кавардакъ,—былъ Петръ, наконецъ, стоявшій смутнаго времени, и все это они выдержали и остались наверху! Въ результатѣ этого процесса естественно должна была подобраться неимовѣрно живучая, энергическая раса, характеризующаяся, главнымъ образомъ, замѣчательной способностью къ приспособленію. И точно, эта способность къ приспособленію всегда характеризовала ее и нынѣ характеризуетъ. Вонъ она, какъ ловко приспособилась къ духу времени: обернулась, кувыркнулась, и глядишь, — водрузила стягъ, шутка сказать, „народной свободы“! И собрала подъ этотъ стягъ крестьянъ и интеллигентовъ и ведетъ ихъ, куда вздумаетъ. А какая ужъ тамъ народная свобода! Пусть-ка правительство уступитъ, да приметъ кадетское или кадетообразное министерство, а крестьяне поднимутъ такое же аграрное возстаніе, какъ осенью,—узнаютъ они, какъ умѣютъ „поддерживать общественный порядокъ и спокойствіе“ новые властители! Кое-какіе намеки на это уже были въ „Правѣ“, „Полярной Звѣздѣ“ и проч.

Либеральное дворянство заставляетъ себѣ служить и интеллигенцію: разныхъ „свѣтилъ“ науки, адвокатуры и проч. Эти-то мудрятъ отъ большого ума и великой учености—и перемудрятъ; такое ужъ ихъ свойство. Кофрингель сказалъ въ эпоху Великой революціи: *„Республика не нуждается въ ученыхъ!“* Этими словами возмущаются потому, что они парадоксальны; но въ нихъ есть зерно правды, которую вложили въ нихъ обстоятельства времени и мѣста. Для революціи опасны „дѣти солнца“, которыя будутъ отмахиваться отъ нея платочкомъ (какъ уже продѣлывалъ это г. Струве въ „Полярной Звѣздѣ“), а видя, что платочекъ не помогаетъ, схватятся за что-нибудь и посерьезнѣе...

Говорятъ о крестьянскомъ недовѣріи къ помѣщикамъ, и дѣйствительно; лозунгъ „пановъ не выбирать“ раздался по всей Россіи во время выборовъ. Однако жъ выбирали! Поповъ не выбирали, промышленниковъ не выбирали, а „пановъ“ напустили въ думу до пропасти. Крестьянинъ хочетъ не довѣрять и не можетъ: „хорошіе господа“ его гипнотизируютъ. Въ этомъ легко

могъ убѣдиться всякій, кому случалось близко наблюдать отношенія крестьянъ и помѣщиковъ.

Да чего же больше, когда даже трудовую группу вначалѣ партіи народной свободы чуть-чуть не подчинила своему вліянію... А между тѣмъ программа трудовой группы вовсе не совпадаетъ съ кадетской. Кадетамъ всего страшнѣе „конфликтъ", всего невыносимѣе мысль о революціи. Революція!... Нѣтъ, нѣтъ: „tout ce que vous voudrez, mais pas ça!" Удайся имъ соглашеніе съ правительствомъ, они обратятся непосредственно противъ революціи; если оно не удастся, будутъ мудрить и политиканить, оттягивая развязку, пока не скомпрометтируютъ Думу окончательно. Они-то вѣдь собственно отъ этого ничего не потеряютъ, такъ какъ въ глазахъ „хорошихъ господъ" это, во всякомъ случаѣ, лучше переворота. Лучше скомпрометтировать дѣло народа, чѣмъ допустить, чтобы все перевернулось вверхъ дномъ...

Задача крестьянства и рабочаго пролетаріата неосуществима безъ „конфликта"; стало быть, ихъ представителямъ нечего бояться конфликта. Линія ихъ поведенія опредѣляется совсѣмъ иначе, чѣмъ кадетская...

Теперь наступаетъ критическій моментъ въ дѣятельности Думы. Дальнѣйшая нерѣшительность и политиканство будутъ прямо-таки измѣной народному дѣлу.

Но представителямъ крестьянства и рабочихъ мудрить нечего. Они должны итти прямо къ цѣли. Они должны забыть дрянную пословицу: „прямо только вороны летаютъ". Вонъ наши либералы столько лѣтъ плодили кривыми путями, а куда приплодили? А какъ выступилъ народъ, да повалилъ прямикомъ, такъ дѣло-то иначе повернулось. Такъ и продолжать нужно его представителямъ [1]).

Мы нарочно привели эту длинную выдержку, какъ образецъ черносотеннаго соціализма, которому и исторія, и культура нипочемъ, лишь бы поосновательнѣе стравить «баръ» и «мужиковъ». Въ самомъ дѣлѣ, культурно-историческія изліянія г. Энгельгардта могутъ конкуррировать съ любой черносотенной телеграммою въ культуроненавистничествѣ.

Тѣхъ, на кого г. Энгельгардтъ нападаетъ съ такимъ поистинѣ черносотеннымъ азартомъ, г. Изгоевъ относитъ къ «третьему элементу», отводя всей этой соціальной группѣ почетную роль въ народной революціи.

Въ нападкахъ г. Энгельгардта, несмотря на ихъ безшабашность или, пожалуй, именно въ силу этой безшабашности, скрыта цѣлая философія. Разсужденія, эти интересны

[1]) Газета „Народный Вѣстникъ" № отъ 26-го мая.

именно тѣмъ, что они указуютъ тотъ пунктъ, на которомъ нашъ народническій соціализмъ перекрещивается съ черносотенствомъ, образуя съ нимъ нѣкоторое внутреннее духовное единство. Сущность и бѣлаго, и краснаго черносотенства заключается въ томъ, что образованное (культурное) меньшинство народа противополагается народу, какъ враждебная сила, которая была, есть и должна быть культурно чужда ему. Подобно тому, какъ марксизмъ есть ученіе о классовой борьбѣ въ обществахъ,—черносотенство обоихъ цвѣтовъ есть своего рода ученіе о борьбѣ культурной. Марксизмъ, въ особенности въ той его чистой научной формѣ, въ которой онъ выступалъ въ Россіи въ дореволюціонную эпоху, всегда разсматривалъ культурную или духовную рознь между «образованными» классами и народомъ, какъ наслѣдіе азіатчины и какъ великое зло, съ которымъ надлежитъ всячески бороться.

Ученіе о классовой борьбѣ, которое проповѣдывалъ марксизмъ, всегда сочеталось съ признаніемъ того, что дѣйствительное развитіе общественныхъ отношеній ведетъ къ созданію во всемъ обществѣ культурнаго единства и что необходимо бороться за скорѣйшее установленіе такого единства.

Нельзя отрицать, конечно, того, что и марксизмъ, какъ въ своей абсолютной теоретической формѣ, такъ, въ особенности, въ своихъ практическихъ проявленіяхъ, подчеркивая соціальную рознь классовъ, неизбѣжно нѣкоторыми своими сторонами поддерживалъ и культурную рознь классовъ, которая въ русской жизни тѣсно сплетается съ соціальными антагонизмами. Но марксизмъ дѣлалъ и дѣлаетъ это, такъ сказать, попутно, мимоходомъ (конечно, мы не говоримъ о такихъ псевдомарксистскихъ направленіяхъ, какъ «большевики», въ ученіяхъ и тактикѣ которыхъ уже давно испарился всякій марксизмъ). Марксизмъ не могъ бы съ улыбочкой одобренія процитировать варварскія слова:

«республика не нуждается въ ученыхъ»; наоборотъ, марксисты Запада никогда не уставали твердить бэконовскія слова о томъ, что „*въ знаніи сила*“ [1]). Поэтому-то и въ нашемъ соціалдемократизмѣ черносотенство, несмотря на его *формальную* близость къ ученію о классовой борьбѣ, есть идейно несущественный придатокъ, такъ какъ нашъ соціалдемократизмъ отправляется отъ чисто западническаго, противонароднического представленія о культурномъ единствѣ, какъ необходимомъ условіи прогресса и самой классовой борьбы на русской почвѣ.

Въ другомъ положеніи оказывается народническій соціализмъ—въ своей чистой, свободной отъ западническаго яда формѣ онъ можетъ, какъ это мы видимъ на примѣрѣ г. Энгельгардта, философски совпадать съ чистѣйшимъ черносотенствомъ.

II. Сказка про бѣлаго бычка.

Все опять съ самаго начала! До 17-го Октября и послѣ 17-го Октября былъ земскій съѣздъ. Теперь Государственная Дума. И какъ земскій съѣздъ, такъ и Государственная Дума проповѣдуетъ глухимъ ушамъ. Послѣ ноябрскаго земскаго съѣзда 1904 года было 9-ое января, послѣ ноябрскаго земскаго съѣзда 1905 г. былъ рядъ вооруженныхъ возстаній. Снова, уже на этотъ разъ не частное собраніе, а высшее въ Имперіи законодательное учрежденіе подымаетъ свой предостерегающій голосъ. И его такъ же не слушаютъ, какъ не слушали 11 пунктовъ перваго политическаго земскаго съѣзда 1904 г., какъ не вняли рѣчи кн. С. Н. Трубецкого, какъ не обратили ни малѣйшаго вниманія на послѣднее предостереженіе ноябрскаго земскаго

[1]) Одна изъ наиболѣе извѣстныхъ агитаціонныхъ брошюръ Либкнехта озаглавлена „Wissen ist Macht“.

съѣзда 1905 г., заявленное гр. Витте отъ имени съѣзда С. А. Муромцевомъ и И. И. Петрункевичемъ.

Все говорилось и говорится понапрасну, и ничто не дѣлалось и не дѣлается во́-время.

Въ этой глухотѣ и слѣпотѣ есть что-то роковое, внушающее ужасъ. Попрежнему первый, самый могущественный и самый неоглядный революціонеръ — правительство. Упорствуя въ нежеланіи уступить власть той единственной силѣ, которая еще можетъ возродить страну и водворить въ ней прочный порядокъ, — само правительство пригоршнями разбрасываетъ по странѣ искры возмущенія, разложенія и анархіи. Эти люди не знаютъ самаго главнаго въ искусствѣ политики — рѣшаться во́-время и смѣлыми и прямыми *дѣйствіями* упреждать и регулировать *событія*. Руководящая думская партія еще пользуется достаточнымъ моральнымъ и политическимъ авторитетомъ въ странѣ для того, чтобы быть властью; она сама—и это очень важно—еще вѣритъ въ себя. Игнорируя эту единственную устрои-тельную силу въ странѣ, правительство усугубляетъ анархію, и въ этой анархіи можетъ износиться, сгорѣть и погибнуть та сила, которая способна еще устроить страну и спасти монархію.

Партія народной свободы въ ходѣ событій русской революціи можетъ испытать ту же судьбу, которую испытали другія болѣе умѣренныя направленія. Теперь нельзя уже призвать ко власти Шипова. 9-го января 1905 года это было еще возможно. Точно также еще не наступилъ, но можетъ, вѣрнѣе, долженъ наступить моментъ, когда будетъ поздно призвать ко власти Муромцева, Петрункевича и Милюкова, когда и они будутъ безсильны направить потокъ революціи по руслу закономѣрнаго развитія, когда бушующія волны неудержимаго, вѣками копившагося народнаго гнѣва, кипя и пѣнясь, зальютъ стародавнее зданіе русской монархіи.

Есть одинъ грозный признакъ. Прежде была слѣпая вѣра въ политическое всемогущество Царя: онъ можетъ сдѣлать все. Но вѣра эта была не то что спокойная, а прямо таки пассивная. Она помогала народу не двигать горами, а терпѣливо нести на себѣ гору политическаго ига и соціальнаго гнета.

То была вѣра консервативная, и на ней недвижно покоилась самодержавная Россія. Теперь въ душѣ народной эта бездѣйственная слѣпая вѣра погасла, и ея мѣсто заняла другая вѣра, тоже слѣпая, но уже дѣйственная. Попрежнему народъ вѣритъ въ политическія чудеса, но вѣритъ не тихой, пассивной вѣрой ребенка, а активной, буйственной вѣрой юноши, распаленнаго страстью. Вчера онъ вѣрилъ и, быть можетъ, еще сегодня вѣритъ въ то, что Дума можетъ сдѣлать все, завтра онъ повѣритъ, что онъ самъ или его созданіе—Учредительное Собраніе сотворитъ чудеса. Можно презрительно пожимать плечами, встрѣчаясь съ такой простодушной вѣрой въ чудотворную силу политическихъ учрежденій, можно и даже должно ее опровергать и расшатывать, но нельзя не видѣть въ ней огромной разрушительной силы, которая можетъ все смести со своего пути. Съ этой разрушительной силой можно успѣшно бороться только скорѣйшимъ переходомъ къ такимъ политическимъ формамъ, которыя способны въ кратчайшее время дать народу максимумъ политическаго воспитанія и самовоспитанія.

Вмѣсто такого максимума воспитанія и самовоспитанія наши властители вливаютъ въ душу народа максимумъ раздраженія и смуты.

Въ провинціи агенты полиціи для того, чтобы дискредитировать Думу, распространяютъ слухъ о томъ, что крестьянскіе депутаты подкуплены; правительство—въ губернаторскихъ декларацiяхъ — взводитъ на Думу завѣдомыя небылицы и натравливаютъ на нее крестьянъ. Въ этомъ пра-

вительственномъ анархизмѣ чувствуется что-то macabre. Чувствуется оно и въ злорадствѣ, съ которымъ бюрократія и его органъ «Новое Время» говорятъ о томъ, какъ разныя фракціи русской оппозиціи враждуютъ между собой, и въ томъ, какъ правительство и его прислужники стремятся ради своего спасенія раздувать эти распри. Г. Горемыкинъ и товарищи потираютъ себѣ руки отъ радости при нападкахъ крайнихъ лѣвыхъ на партію народной свободы.

Слѣпые безумцы, они не видятъ, что и въ этихъ проявленіяхъ общественнаго безвластія и безмыслія возвѣщаетъ о своемъ пришествіи та революціонная стихія, которая, разрушая всѣ авторитеты, прежде всего размоетъ и смоетъ *самые старые и самые подточенные.*

Злорадствуя, они радуются своей гибели!

Это ихъ рокъ!

Петръ Струве.

Замѣтки.

Э. ф-Гартманъ.

Умеръ Гартманъ—знаменитый мыслитель, написавшій около двадцати книгъ. Телеграмму объ его смерти напечатали въ газетахъ петитомъ, рядомъ съ телеграммой о томъ, что въ Салоникахъ подрались два куцовалаха и что французскіе гимнасты въ Туркоэнѣ изумили президента патріотизмомъ, съ которымъ кувыркались и прыгали. Патріотизмъ республиканскихъ гимнастовъ захватилъ строкъ девяносто; баталія куцовалаховъ — пятнадцать. Гартману достались три строчки, гдѣ спасибо еще, что не забыли упомянуть, что онъ — авторъ „Философіи бессознательнаго".

Конечно, на войнѣ — не до философіи, но все же тѣмъ, кто знаетъ цѣну культурѣ и лучшему вѣнцу ея — мысли, сопоставленіе философа съ прыгунами не могло не быть до боли обиднымъ. Пусть Гартманъ затѣненъ революціей. Но вотъ гимнасты въ эту тѣнь не попали; для скандаловъ, скачекъ и оперетки вниманія достаточно. Сдавливая поле сознанія, мощь революціоннаго импульса идетъ въ сторону наименьшаго сопротивленія и вытѣсняетъ все духовное и культурное, что не успѣло еще срастись съ волей, что надо укрѣплять и поддерживать. Это неизбѣжно, какъ рокъ, и если дорогъ намъ процессъ революціи, если дорога намъ свобода, какъ почва для грядущей культуры, — то временный отливъ просвѣщенности не долженъ насъ пугать и печалить. Будетъ время, будетъ новый приливъ.

Гартманъ не страдалъ малодушіемъ, которымъ многіе заражены въ наши дни. Онъ не закрывалъ глазъ на политику, не предлагалъ прятаться въ катакомбы. Виднѣйшій ученикъ Шопенгауэра, завершитель современнаго пессимизма, онъ звалъ къ жизни, къ строительству, къ героической борьбѣ за свободу. Вотъ, что говоритъ этотъ пессимистъ:

„Провозгласимъ утвержденіе воли къ жизни, какъ предва-

рительно единственно-возможную истину; ибо только цѣликомъ отдавая себя жизни и ея страданіямъ, а не трусливо уходя въ личный аскетизмъ, можно сдѣлать что нибудь для движенія мірового процесса".

... „Мой метафизическій пессимизмъ не исключаетъ соціальнаго оптимизма, онъ включаетъ его. Современный политическій и соціальный пессимизмъ — плодъ юношескаго броженія въ однихъ случаяхъ, старческаго разложенія — въ другихъ. Онъ долженъ будетъ уступить мѣсто политическому и соціальному оптимизму".

... „Аскетизмъ всегда эгоистиченъ... Необходима не безучастная созерцательность, не мирная лѣнь, не трусливое уклоненіе отъ жизненной борьбы, а *дѣйственность*, неутомимое творчество, самоотверженное устремленіе въ водовороты жизни, участіе въ общей политической, соціальной и культурной работѣ. *Квіетизмъ, созерцательность—это смертный грѣхъ*".

Гартманъ принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ, кому досталось въ удѣлъ создать цѣлостное философское міровоззрѣніе. Его система „Философіи безсознательнаго" была послѣдней метафизической системой большого стиля. Съ тѣхъ поръ (вотъ уже въ теченіе сорока лѣтъ) метафизическая мысль обмелѣла: она рождала наброски, цѣнныя и остроумныя монографіи, разбивалась на отдѣльныя направленія (психологизмъ, имманентную философію, неокритицизмъ Виндельбанда, эмпріокритицизмъ Авенаріуса), но всеобъемлющей системы не выдѣляла. Гартманъ былъ послѣднимъ мыслителемъ съ вполнѣ законченнымъ и цѣльнымъ міровоззрѣніемъ—съ системой, гдѣ натура философа, его „большой разумъ", непосредственное міроощущеніе, сквозили подъ покровомъ понятій, созданныхъ разсудочнымъ размышленіемъ — „малымъ разумомъ", какъ выразился бы Ницше.

Гартмана у насъ знаютъ, какъ ученика и завершителя Шопенгауэра. Есть много общаго у этихъ мыслителей. Огромный умъ Шопенгауэра и гипнозъ его блестящаго изложенія отпечатались на многихъ мозгахъ. Ученикомъ Шопенгауэра былъ и Ницше. Но это было не обычное ученичество, не пассивное воспріятіе чужихъ мыслей, а встрѣча двухъ созвучныхъ умовъ, тянувшихся въ одну сторону, причемъ младшій, не совсѣмъ еще сформированный, радостно подхватывалъ формулы, предложенныя ему старшимъ. За такой встрѣчей всегда слѣдуетъ расхожденіе: растущій геній измѣняетъ учителю.

Ученикомъ-измѣнникомъ былъ и Гартманъ. Его живому по-

литическому чутью и боевымъ дѣйственнымъ склонностямъ противорѣчилъ аскетизмъ Шопенгауэра, поворачивавшійся спиною къ прогрессу. „Большой разумъ“ побѣдилъ „малый“. Гартманъ измѣнилъ Шопенгауэру, введя въ свою систему прогрессъ. Здѣсь есть параллелизмъ съ Ницше. Дарвинизмъ, вѣра въ развитіе, страстная любовь къ жизни, катящейся по линіи восхожденія — преобразили пессимизмъ Ницше. То же чувство соблазнило и Гартмана. Заратустра прославляетъ страданіе, какъ дорогу къ будущему величію. Гартманъ не боится страданія, потому что оно — путь къ росту сознательности.

„Зарожденію сознательности служитъ процессъ индивидуализаціи съ его спутниками — эгоизмомъ, несправедливостью и страданіемъ, повышенію сознательности служатъ экономическіе инстинкты, ибо при растущемъ благосостояніи освобождаются духовныя силы, этому же повышенію сознательности служатъ самолюбіе, честолюбіе и стремленіе къ славѣ, подхлестывающія духовную дѣятельность, служитъ половая любовь, облагораживающая творческія способности, служатъ всѣ инстинкты людей, требующіе отъ ихъ носителей жертвъ и дарящіе имъ взамѣнъ — муку“.

„Смыслъ міра — въ ростѣ сознательности“.

Между Ницше и Гартманомъ та разница, что для перваго развитіе — самоцѣль и возникновеніе страдающаго сверхчеловѣка — высшая религія бытія, для второго же — прогрессъ только средство, только путь къ міровому самоуничтоженію.

Гартманъ переставилъ аскетизмъ. Изъ настоящаго онъ перенесъ его въ будущее, въ конечный фазисъ мірового развитія. Въ настоящемъ аскетизмъ — *смертный грѣхъ*, потому что онъ задерживаетъ прогрессъ и тормозитъ ростъ сознательности. Въ будущемъ же онъ - высшее благо, потому что бытіе — зло, и сознаніе должно его уничтожить. Когда знаніе сдѣлается всемогущимъ, оно найдетъ средство, чтобы окончательно погасить волю къ жизни и прекратить существованіе вселенной.

Для человѣка, тяготѣющаго къ культурѣ, система Шопенгауэра непріемлема. Она вычеркиваетъ изъ жизни все то, чѣмъ дорожитъ и ради чего борется человѣчество. Гартманъ ближе современной душѣ. Онъ сумѣлъ соединить пессимизмъ съ героической любовью къ прогрессу и философскимъ утвержденіемъ его цѣнности. Ученіе эволюціоннаго пессимизма войдетъ въ видѣ отвлеченнаго начала въ будущій метафизическій синтезъ.

А. Галичъ.

Редакція обращается къ авторамъ и издателямъ съ просьбой присылать свои книги для отзыва.

Списокъ поступающихъ въ редакцію книгъ печатается въ каждомъ № „Свободы и Культуры".

Книги, поступившія въ редакцію съ 20 по 31 мая:

Верхаринъ Эмиль. Стихи о современности. Въ переводѣ **Валерія Брюсова.** Стр. 128. Книгоизд. Скорпіонъ. Москва 1906 г. Ц. 1 р. 30 к.

Красовъ, А. Михаилъ Ивановичъ Глинка. Краткій очеркъ его жизни и дѣятельности. Стр. 26. Отд. оттискъ февральской книжки журн. „Всемірный Вѣстникъ". СПБ. 1906 г. Ц. 30 к.

Красовъ, А. О преподаваніи Закона Божія въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Опытъ краткаго методическаго руководства по предмету Закона Божія. 1906 г. Стр. 70. Витка. Ц. 25 к.

Люблинскій, П. И. Преступленія противъ избирательнаго права. Выборы и уголовно-правовая защита ихъ. Стр. 229. СПБ. 1906 г. Ц. 75 к.

Люблинскій, П. И. Свобода личности въ уголовномъ процессѣ. Мѣры, обезпечивающія неуклоненіе обвиняемаго отъ правосудія. Стр. 701. СПБ. Складъ изданія при юридическомъ книжномъ магазинѣ „Право". Ц. 3 р. 50 к.

Резановъ, В. Ослабѣвшій фетишъ. (Психологическія основы русской революціи). Стр. 24. Изд. М. В. Пирожкова. СПБ. 1906 г. Ц. 20 к.

Украинскій Вѣстникъ. № 1. Подъ редакціей М. А. Славинскаго и при ближ. участіи проф. М. С. Грушевскаго, пр. Д. И. Овсянико-Куликовскаго и А. А. Русова. Выходитъ еженедѣльно. Изд. Лотоцкая. Ц. 20 к.

Miklaszewski. Prof. A. Strejki i kwestja spolesxna. Prawo strejku. Warsawa. 1906 г.

Издательница М. Н. Могилянская. Редакторъ С. Л. Франкъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

продается книга:

Петръ Струве

НА РАЗНЫЯ ТЕМЫ.

(1893—1901 гг.).

Сборникъ статей.

Содержаніе:

Предисловіе. 1) Моимъ критикамъ. 2) Папи утописты. 3) Г. Чечернинъ и его обращеніе къ прошлому. 4) „Мужики" Г. Чехова. 5) „Мужики" Чехова и Г. Михайловскій. 6) Замѣчательная книга. 7) Miscellanea. 8) Философія идеальнаго добра или апологія реальнаго зла? 9) Памяти Владиміра Соловьева. 10) Романтика противъ казенщины. 11) Новая книга по русской исторіи и литературѣ. 12) Нѣсколько словъ по поводу статьи Г. Оболенскаго: „Новый расколъ въ нашей интеллигенціи". 13) Марксъ о Гёте. 14) Ф. Лассаль. 15) Еще о Лассалѣ. 16) Замѣтки о Гауптманѣ и Ницше. 17) Противъ ортодоксальной нетерпимости—pro domo sua. 18) Памяти Н. В. Шелгунова. 19) Австрійское крестьянство и его бытописатель. 20) Соціально-экономическая подкладка нѣмецкаго вопроса въ Австріи. 21) Международный конгрессъ по вопросамъ законодательной охраны рабочихъ. 22) „Экономическіе этюды" Н. В. Водовозова. 23) Историческое и систематическое мѣсто русской кустарной промышленности. 24) Научная исторія русской крупной промышленности. 25) Изъ лѣтнихъ наблюденій. 26) Свобода и историческая необходимость. 27) Къ вопросу о морали. 28) Право и права. 29) Въ чемъ же истинный національизмъ?

Томъ въ 555 стр. Цѣна 3 рубля.

Складъ изданія въ книгоиздательствѣ

О. Н. Поповой, Невскій, 54.

КУРСЫ
М. В. ПИРОЖКОВА,

преподавателя Спб. 10-й гимназіи,

РАЗРѢШЕННЫЕ Г. ПОПЕЧИТЕЛЕМЪ СПБ. УЧЕБНАГО ОКРУГА.

(Спб., Вас. Остр., Большой пр., д. 6)

КУРСЫ

для приготовленія молодыхъ людей къ повѣрочнымъ вступительнымъ экзаменамъ въ институты: **Инженеровъ Путей Сообщенія, Горный, Гражданскихъ Инженеровъ и Технологическій.**

Курсы продолжаются съ 1 октября до конца вступительныхъ экзаменовъ въ высшія техническія учебныя заведенія (до конца августа). Занятія ведутся по слѣдующимъ предметамъ: **математикѣ** (*теоретической ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи и тригонометріи*), **физикѣ, русскому языку, рисованію, французскому и нѣмецкому языкамъ.**

Курсы дѣлятся на три періода: 1) **зимній** (съ 1 октября до 23 декабря), 2) **весенній** (съ 1 февраля по 1 мая) и 3) **лѣтній** съ 15 іюня до конца августа) съ вполнѣ заканчиваемою подготовкою въ каждый изъ этихъ трехъ сроковъ.

Плата за подготовку въ продолженіе одного изъ поименованныхъ сроковъ **300** р. по математикѣ и физикѣ и **400** р. по всѣмъ предметамъ; за подготовку въ теченіе двухъ изъ этихъ сроковъ плата повышается на **200** р. Пансіонъ **60** р. въ мѣсяцъ.

Занятія ведутся ежедневно: *по утрамъ*, въ теченіи 3 часовъ, и *по вечерамъ*, въ теченіи 2 часовъ.

Зимній и *весенній* періоды рекомендуются тѣмъ, кто желаетъ подготовиться, не спѣша, или кто не можетъ справиться съ программами въ теченіи только лѣта по причинѣ недостаточности знаній, вынесенныхъ изъ средняго учебнаго заведенія; въ эти сроки вечернія занятія посвящаются математикѣ и физикѣ, а утреннія—остальнымъ предметамъ.

ПРОГРАММЫ:

По ариѳметикѣ.—Курсъ 8-го класса гимназій. Рѣшеніе теоретическихъ задачъ.

По алгебрѣ. — Курсъ гимназій. Дополненія: подробное разсмотрѣніе уравненій высшихъ степеней съ одною и нѣсколькими неизвѣстными, приводимыхъ къ квадратнымъ; подробная статья о комплексныхъ числахъ въ алгебраическомъ видѣ; двучленныя уравненія вида: $x \mp 1 = 0$, $x^2 \mp 1 = 0$, $x^4 \mp 1 = 0$, $x^5 \mp 1 = 0$, $x^6 \mp 1 = 0$, $x^8 \mp 1 = 0$, $x^9 \mp 1 = 0$, $x^{10} \mp 1 = 0$, $x^{12} \mp 1 = 0$; основныя теоремы о предѣлахъ; болѣе научная теорія непрерывныхъ дробей, особенно безконечныхъ періодическихъ; теорія несоизмѣримыхъ (ирраціональныхъ чиселъ), куда входитъ, между прочимъ, доказательство существованія r-ой степени изъ вещественнаго числа A, доказательство существованія логариѳма для всякаго положительнаго числа при положительномъ основаніи, и пр. Рѣшеніе задачъ.

По геометріи.—Курсъ гимназій. Рѣшеніе задачъ какъ на вычисленіе, такъ и, въ особенности, на построеніе.

По тригонометріи. — Курсъ гимназій. Задачи на уравненія, приведеніе къ логариѳмическому виду, и на рѣшеніе треугольниковъ.

По физикѣ.—Курсъ гимназій. Рѣшеніе задачъ по слѣдующимъ отдѣламъ: 1) начальныя свѣдѣнія изъ статики: сложеніе и разложеніе силъ, параллелограммъ силъ; 2) равномѣрно-перемѣнное движеніе; 3) связь между вѣсомъ, объемомъ и плотностью въ примѣненіи къ метрическимъ и русскимъ мѣрамъ; вліяніе температуры; 4) связь между объемомъ, давленіемъ и температурой данной массы газа; 5) законъ Архимеда; 6) калориметрическій методъ смѣшенія; смѣшеніе, сопровождающееся измѣненіемъ состоянія тѣлъ; скрытая теплота плавленія и кипѣнія; 7) законъ Ома; 8) законъ Джоуля и Ленца.

По русскому языку.—Писаніе сочиненій на темы, какія задаются на конкурсныхъ экзаменахъ; предварительное разъясненіе темъ (планы сочиненій); разборъ сдѣланныхъ ошибокъ какъ стилистическихъ, такъ и грамматическихъ.

По рисованію.—Рисованіе съ натуры комбинацій простѣйшихъ геометрическихъ тѣлъ: призмъ, пирамидъ, цилиндровъ и конусовъ; рисованіе болѣе или менѣе сложныхъ орнаментовъ готовящимися въ Институтъ Гражданскихъ Инженеровъ.

По французскому и нѣмецкому языкамъ.—Повтореніе главнѣйшихъ правилъ этимологіи и синтаксиса, упражненіе въ переводахъ на русскій языкъ à livre ouvert и въ легкихъ разговорахъ.

Программы *Курсовъ* согласованы съ программами вступительныхъ конкурсныхъ экзаменовъ и занятія, по опыту прежнихъ лѣтъ, точно расчитаны на каждый день.

М. В. Пирожковъ

Со 2-го апрѣля въ г. Кіевѣ выходитъ новая большая ежедневн. газета

„НАРОДЪ“.

Газета издается при редакціонномъ участіи и постоянномъ сотрудничествѣ проф. С. Н. Булгакова и А. С. Волжскаго.

„НАРОДЪ“ - органъ не только кіевскій, мѣстный и областной, но прежде всего всероссійскій. Пора пойти противъ исторически укоренившагося тяготѣнія общей печати къ столицамъ. **„НАРОДЪ“** ставитъ своей задачей всенародную религіозно-общественную проповѣдь. Исходя изъ идеаловъ вселенскаго христіанства и, вмѣстѣ съ Влад. Соловьевымъ, полагая, что христіанская правда должна проникать не только личную жизнь, но и область общественныхъ отношеній, мы будемъ отстаивать народную свободу, раскрывать неправду капиталистической эксплоатаціи и современныхъ земельныхъ отношеній, а также настойчиво бороться противъ національной вражды. Мы добиваемся преодолѣнія недолжнаго отдѣленія религіи отъ жизни, унаслѣдованнаго нами изъ предыдущей исторической эпохи, когда сложилась внѣрелигіозная и духовно-мертвая общественность, а ей противополагалась лжехристіанская проповѣдь человѣконенавистничества тупой реакціи и насилія. Считая очередной задачей нашего времени созданіе христіанской общественности, мы стремимся не только къ литературному раскрытію ея идеаловъ, но и къ творческой реализаціи ихъ въ жизни. Поэтому мы открываемъ свой органъ для обсужденія нуждъ начинающагося религіозно-общественнаго движенія. Наканунѣ возстановленія истинной, соборной церковности, **„НАРОДЪ“** будетъ пристально слѣдить за развитіемъ церковно-освободительнаго движенія и, въ частности, удѣлять особенное вниманіе вопросамъ, связаннымъ съ предстоящимъ церковнымъ соборомъ. Христіанское возрожденіе требуетъ не только внѣшней реформы церкви, но и углубленія и проясненія религіозно-философскаго сознанія, религіознаго освѣщенія запросовъ и нуждъ современной культуры. Въ виду этого, насколько позволятъ рамки ежедневной газеты, мы будемъ отводить мѣсто также и общимъ вопросамъ религіи, философіи, литературы и искусства.

Въ газетѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица: Свящ. К. М. Аггеевъ (С.П.Б.), С. А. Аскольдовъ, проф. Г. Е. Афанасьевъ, свящ. Н. В. Артоболевскій (Москва), профессоръ прот. Н. Н. Боголюбскій (Москва), свящ. А. Н. Бородинъ (Москва), Е. Н Булгакова, Н. А. Бердяевъ, С. М. Брейтбартъ, Н. Н. Вернеръ, А. Л. Волынскій, проф. М. Н. Громогласовъ, М. О. Гершензонъ, проф. С. С. Глаголевъ, Д. Д. Галанинъ, К. Е. Дукштъ, проф. А. Н. Дьяконовъ, свящ. Н. О. Егоровъ (С.П.Б.), А. В. Ельчаниновъ, В. В. Зеньковскій, А. А. Иноземцева, Вяч. Н. Ивановъ, Н. Н. Кульженко, проф. А. В. Карташевъ, С. А. Котляревскій, свящ. В. Я. Колачевъ, (С.П.Б.), проф. Н. Н. Кудрявцевъ, свящ. Е. З. Капраловъ (Кіевъ), В. И. Лашнюковъ, прот. В. Липковскій (Кіевъ), проф. Н. О. Лосскій, З. Львовскій, Н. Н. Львовъ, Д. С. Мережковскій, проф. арх. Михаилъ, Мировичъ, М. М. Могилянскій, В. А. Никольскій, А. Ф. Одарченко, А. А. Павловичъ, проф. А. Е. Прѣсняковъ, свящ. А. М. Пятикрестовскій (Москва), А. С. Пругавинъ, свящ. Н. Н. Поспѣловъ (Москва), свящ. О. Н. Поспѣловскій (Кіевъ), Г. А. Рачинскій, проф. В. Н. Рыбинскій, К. Н. Ровинскій, В. Н. Свенцицкій, Д. В. Странденъ, проф. кн. Е. Н. Трубецкой, кн. Г. Н. Трубецкой, проф. Н. В. Тихоміровъ, проф. В. В. Успенскій, свящ. Н. Н. Успенскій (Москва), Д. В. Философовъ, П. А. Флоренскій, свящ. М. Н. Чельцовъ (С.П.Б.), прив.-доц. Н. Н. Четвериковъ, проф. Г. И. Челпановъ, Г. Г. Шпетъ, В. Ф. Эрнъ, прив.-доц. Л. Н. Яснопольскій, свящ. С. Я. Оокко (С.П.Б.). **Въ беллетристическомъ отдѣлѣ принимаютъ участіе:** М. Н. Арцыбашевъ, Allegro (П. С. Соловьева), А. А. Блокъ, Валерій Брюсовъ, Н. Данаровъ, Б. К. Зайцевъ, Л. Д. Зиновьева-Аннибалъ, Вяч. Н. Ивановъ, Е. Г. Лундбергъ, Мирэ, Н. А. Новиковъ, А. М. Ремизовъ. О. Соллогубъ, С. Сергѣевъ-Пенскій, Г. П. Чулковъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: 9 м.- 6 р. 80 к., 8 м.—6 р. 10 к., 7 м.—5 р. 50 к., 6 м.—4 р. 80 к. 5 м.- 4 р. 10 к., 4 м.—3 р. 50 к., 3 м.—2 р. 70 к., 2 м.—1 р. 80 к., 1 м.—1 р.

М. В. ПИРОЖКОВЪ

Спб., В. О., Большой пр., д. 6

(„Литературная Книжная Лавка")

ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

Книги, вышедшія въ 1904-5-6 гг., указаны ——

Собственныя изданія

I. Историческій отдѣлъ

Батюшковъ, Ѳ. Д.

В. Г. Короленко, какъ человѣкъ и писатель, по его произведеніямъ. Съ портретами и иллюстраціями (№ 13) [печатается].

Богучарскій, В.

—— Изъ прошлаго русскаго общества. Съ 6 портретами. Спб. 1904 г. 2 р. (№ 4).

Бороздинъ, А. К.

Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ. Томъ I. Съ 8 портретами. Спб. 1903 г. 1 р. 75 к. (№ 1).

Содержаніе: Главныя направленія русской литературы начала XIX столѣтія. — Литературные и общественные взгляды Карамзина.—Романтизмъ. — Поэзія В. А. Жуковскаго.—Крыловъ и Грибоѣдовъ. — Воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина. — А. С. Пушкинъ и поэзія дѣйствительности. — Поэтъ „гражданской скорби" двадцатыхъ годовъ. — Критическія обозрѣнія А. А. Бестужева.—Журналистъ двадцатыхъ годовъ. — Поэзія М. Ю. Лермонтова. — Развитіе взглядовъ Гоголя на творчество. — Дельвигъ, Языковъ и Баратынскій.—Трудъ В. И. Семевскаго по исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи.

—— Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ. Томъ II. Съ 18 портретами (№ 1).

Вып. I. Съ 13 портретами. Спб. 1905 г. 1 р. 75 к.

Содержаніе: Бѣлинскій и послѣдующее развитіе русской критики. — Александръ Ивановичъ Герценъ и крестьянскій вопросъ.—Тимоѳей Николаевичъ Грановскій.—К. Д. Кавелинъ въ отношеніи къ крестьянскому вопросу. — Семья Аксаковыхъ.—И. С. Аксаковъ и петербургскіе студенты восьмидесятыхъ годовъ.—Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій.—Взгляды А. С. Хомякова на отношеніе Россіи къ Западу. — Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ и освобожденіе крестьянъ.—Славянофилъ особаго типа.

Вып. II. Съ 5 портретами.

Содержаніе: И. С. Тургеневъ.—Д. В. Григоровичъ.—Поэзія Н. А. Некрасова.—Гр. А. К. Толстой.—Ѳ. И. Тютчевъ.—

Я. П. Полонскій.—А. Н. Майковъ.—А. А. Фетъ.—И. М. Гончаровъ А. Ѳ. Писемскій.—А. Н. Островскій [печатается].

Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ. Томъ III Съ 15 портретами (№ 1).

Содержаніе: Ѳ. М. Достоевскій.—Гр. Л. Н. Толстой и русскій историческій романъ.—Дѣти въ произведеніяхъ гр. Л. Н. Толстого. — Отраженіе общественныхъ настроеній въ произведеніяхъ гр. Л. Н. Толстого.—Н. С. Лѣсковъ.—Отъ шестидесятыхъ годовъ къ восьмидесятымъ.—Г. И. Успенскій.—П. Д. Боборыкинъ.—В. И. Немировичъ-Данченко.—В. Г. Короленко.—И. Н. Потапенко.—А. П. Чеховъ.—Максимъ Горькій.—В. Вересаевъ.—Леонидъ Андреевъ.—А. Н. Апухтинъ.—Д. С. Мережковскій.—Н. М. Минскій.—П. Я. Бальмонтъ.—Фофановъ.—Вл. С. Соловьевъ.—Интересъ къ этикѣ въ русской философіи [печатается].

Брюкнеръ, А.

Исторія польской литературы (№ 18) [печатается].

Буркгардтъ, Яковъ.

——— Культура Италіи въ эпоху Возрожденія. Перев. съ нѣм. *С. Бриллианта*, съ 8-го изданія, переработаннаго Людвигомъ Гейгеромъ. Въ 2 тт. Спб. 1906 г. Ц. за оба тома 5 р. (№ 7).

Вандаль, Альбертъ.

——— Возвышеніе Бонапарта. I. Происхожденіе брюмерскаго консульства. Конституція III года. Переводъ съ XI-го фр. изд. *З. Н. Журавской.* Спб. 1905 г. 2 р. (№ 16).

Войтинскій, Вл.

Рынокъ и цѣны. Теорія потребленія, рынка и рыночныхъ цѣнъ. Съ предисловіемъ М. И. Туганъ-Барановскаго. Спб. 1906 г. 2 р.

Каутскій, Карлъ.

——— Томасъ Моръ и его утопія. Переводъ съ нѣм. *М. А* и *А. Г. Генкель.* Спб. 1905 г. 1 р. 25 к. (№ 14).

Лемке, Мих.

——— Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія. Съ 19 портретами и 81 карикатурою. Спб. 1904 г. 3 р. (№ 2).

Содержаніе: Эпоха обличительнаго жара (1857—64 гг.).—Эпоха цензурнаго террора (1848—55 гг.).—Русское „Bureau de la presse".—Ѳаддей Булгаринъ.

——— Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—65 годовъ. Съ 4 портретами. Спб. 1904 г. 3 р. (№ 3).

Милюковъ, П.

——— Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго. 2-ое изданіе. Спб. 1905 г. 3 р. 50 к. (№ 5).

Никитенко, А. В.

——— Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, „чему свидѣтель въ жизни былъ". Записки и дневникъ (1804—1877 гг.). Съ портретомъ автора. Изданіе 2-ое, исправленное и дополненное *по рукописи* подъ редакціей, съ примѣчаніями и алфавитнымъ указателемъ *М. К. Лемке.* Въ двухъ томахъ. Спб. 1905 г. Ц. за оба тома 7 р. (№ 12).

Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка. (№ 11).

Томъ I. *Декабристы: М. А. Фонъ-Визинъ, кн. Е. П. Оболенскій и бар. В. И. Штейнгель* (статьи и матеріалы). Составили: В. И. Семевскій, В. Богучарскій и П. Е. Щеголевъ; съ 3 геліогравюрами. Спб. 1905 г. 5 р.

Пименова, Э.

——— Политическіе вожди современной Англіи и Ирландіи. Съ 10 портретами. Спб. 1904 г. 2 р. (№ 6).

Содержаніе: Биконсфильдъ. — Чэмберленъ. — Сесиль Родсъ.—Гладстонъ.—Джонъ Морлей.—Розберри.—Парнеллъ.—Джонъ Редмондъ.—Лабушеръ.—Джонъ Бёрнсъ.

Рожковъ, Н., приватъ-доцентъ Московскаго Университета и преподаватель Практической Академіи коммерческихъ наукъ.

——— Учебникъ всеобщей исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Спб. 1904 г. 1 р. 10 к. (№ 15).

Тэнъ, И.

Происхожденіе современной Франціи. Перев. съ франц. (№ 10) [печатается].

Файфъ, Ч.

——— Исторія Европы XIX вѣка. Перев. со второго англійскаго изданія *М. В. Лучицкой* подъ редакціей проф. *И. В. Лучицкаго*. Одобрена для ученическихъ библіотекъ среднеучебныхъ заведеній (1-е дополненіе каталога учебн. библіотекъ средн. уч. заведеній 1897 г., № 496). Съ 2-мя раскрашенными картами Европы и алфавитнымъ указателемъ именъ. Изд. 3-ое. Спб. 1904 г. 5 р. 50 к. (№ 8).

Фельдманъ, В.

Современная польская литература (№ 19) [печатается].

Франке, Куно.

——— Исторія нѣмецкой литературы въ связи съ развитіемъ общественныхъ силъ. (Съ V вѣка до настоящаго времени). Съ 30 портретами. Переводъ съ англ. *П. Батюшка*. Спб. 1904 г. 3 р. (№ 9).

Щаповъ, А. П.

——— Сочиненія. Въ 3 томахъ (съ портретомъ). Вышелъ II т. Спб. 1906 г. 2 р. 50 к. (№ 19).

Эндрузъ, Веньяминъ.

——— Исторія Соединенныхъ Штатовъ послѣ междоусобной войны 1861 — 62 гг. и до нашихъ дней. Переводъ съ англійскаго Е. А. Гурвичъ. Спб. 1905 г. 2 р. 50 к. (№ 17).

II. Изящная литература, исторія, критика и публицистика

Бѣловерскій, Н. (Ив. Порошинъ).

——— Записки учителя. Въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1905 г. 75 к.

***Мельхіоръ де*-Вогюэ.**

Максимъ Горькій. Произведенія и личность писателя. Съ портретомъ. Переводъ А. В. Ф. Спб. 1902 г. 25 к.

Горинъ, Николай.

Основныя идеи произведеній Максима Горькаго. Съ портретомъ. Спб. 1902 г. 30 к.

Гуревичъ, Л.

——— „Сѣдокъ" и другіе разсказы. Спб. 1904 г. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сѣдокъ.—У рулетки.—Порученіе.—Шурочка.—Странная исторія. — Тоска. — Ребенокъ. — Разсѣянность.—Въ снѣга.—Неоконченное письмо.

Гарьянъ, И. Н. (Якунинъ).

„Встрѣчи и воспоминанія". Изъ литературнаго и военнаго міра. Спб. 1903 г. 1 р. 75 к.

Содержаніе: Бѣлинскій и Лермонтовъ въ Чембарѣ. — Поѣздка къ Шамилю въ Калугу.—Виновники польскаго возстанія 1863 года.—Эпизоды изъ времени этого возстанія.—Памяти В. В. Чуйко. — У графа Л. Н. Толстого. — Генералъ Шамиль—и его разсказы объ отцѣ.—Русскій театръ—прежде и теперь.—Памятная ночь подъ Рождество.—Сказка о Митяхъ.

Карабчевскій, Н. П.

——— Дѣло бывшаго студента московскаго университета Егора Сергѣева Сазонова, обвиняемаго въ убійствѣ статсъ-секретаря Плеве и рѣчь въ защиту Сазонова. 2-ое прибавленіе къ книгѣ „Рѣчи" (при покупкѣ книги „Рѣчи"—безплатно). Изд. 2-ое, испр. и дополн. судебнымъ приговоромъ. Спб. 1906 г. 25 к.

Кеннанъ, Джорджъ.

——— Сибирь! Томъ I. Переводъ съ нѣм. безъ всякихъ сокращеній. Спб. 1906 г. 75 к.

Лемке, Мих.

Лумы журналиста. Спб. 1903 г. 1 р. 25 к.

Мережковскій, Д. С.

——— Вѣчные спутники. Пушкинъ. 3-е изд. Спб. 1906 г. 40 к.

——— Грядущій Хамъ. Спб. 1906 г. 1 р.

Содержаніе: 1) Грядущій Хамъ.—2) Чеховъ и Горькій.—3) Теперь или никогда. — 4) Страшный судъ надъ русской интеллигенціей.—5) Св. Софія.—6) О новомъ религіозномъ дѣйствіи.

——— Дафнисъ и Хлоя. Древне-греческая повѣсть Лонгуса о любви пастушка и пастушки на островѣ Лезбосѣ. 2-ое изд. Спб. 1904 г. 1 р. 25 к.

Л. Толстой и Достоевскій. Т. I. Спб. 1903 г. 2 р. — Т. II. Спб. 1903 г. 3 р.

——— Любовь сильнѣе смерти. Итальянская новелла XV в. 2-е изд. Спб. 1904 г. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Любовь сильнѣе смерти. — Наука любви. — Микель-Анжело.—Святой Сатиръ.

——— Петръ и Алексѣй. Историческій романъ. Спб. 1905 г. 3 р.

——— Пророкъ русской революціи. Къ юбилею Достоевскаго. Спб. 1906 г. 1 р. 25 к.

Мерзье, де- А.

——— Права женщины. Вопросы соціальнаго воспитанія. Переводъ съ франц. Эльтъ. Спб. 1904 г. 50 к.

Перцовъ, П.

——— Венеція. Съ 25 снимками съ картинъ знаменитыхъ художниковъ. Спб. 1905 г. 1 р.

Розановъ, В.

——— Около церковныхъ стѣнъ. Въ двухъ томахъ. Спб. 1906 г. Ц. за каждый томъ 2 р.

——— Ослабившій фетишъ. Психологическія основы русской революціи. Спб. 1906 г. 20 к.

Яковлевъ, Василій, авторъ книги *„По слѣдамъ голода"*.

——— Безъ хлѣба насущнаго. Разсказы. Спб. 1904 г. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Неизбѣжный процентъ. — Въ одинъ сочельникъ.—Безъ хлѣба насущнаго. — Мамку помянулъ. — Въ стогѣ. — Долгъ. — „Желѣзная голова". — Іуда. — Трупъ.— Идолы.—Съ больной совѣстью. — „Артисты". — Скуки ради.— Въ лѣтопись голоднаго года. (На заброшенномъ хуторѣ.—Съ горсткой хлѣбомъ.—Антихристова помощь. — Всепокойное сердце.—Двѣ жизни.—Въ дорогѣ).

Изданія, пріобрѣтенныя полностью:

Лавриновичъ, Ю. Н. (Надеждинъ).

Очерки французской общественности. Спб. 1903 г. 1 р. 25 к.

Содержаніе: I. Журнализмъ и журналисты. — II. Рабочіе союзы.—III. Армія просвѣщенія.—IV. Демократизація науки.— V. Заботы о „будущемъ человѣчествѣ".

Литературное Дѣло.

Сборникъ. Спб. 1902 г. 2 р. 25 к.

Содержаніе: Евг. Чириковъ. На дворѣ во флигелѣ. *Бытовыя картины*, поставленныя на московскихъ и петербургскихъ театрахъ.— Скиталецъ. Пѣсни скитальца. *Стихотворенія.*— Евг. Тарле. Изъ исторіи обществовѣдѣнія въ Россіи.— Тамъ. На красномъ камнѣ. *Повѣсть.*—А. М. Вербовъ. *Стихотворенія.*— В. Богучарскій. Декабристъ-литераторъ Александръ Осиповичъ Корниловичъ.—В. Вересаевъ. На эстрадѣ. *Эскизъ.*—С. Булгаковъ. Васнецовъ, Достоевскій, Вл. Соловьевъ и Толстой. *Параллели.*—А. Лукьяновъ. *Стихотворенія.*—В. І. Дмитріева. Волки. *Разсказъ.* — Николай Бердяевъ. Къ философіи трагедіи. *Морисъ Метерлинкъ.*—Вас. Брусянинъ. Пѣвучая гитара. *Разсказъ.*— Галина. *Стихотворенія.*— Скиталецъ. Атаманъ. *Разсказъ.*— З. Н. Максимъ Горькій въ иностранной критикѣ.—Тамъ. *Стихотвореніе.*—Иванъ Новиковъ. *Два очерка:* 1) Къ жизни, 2) Ландышъ.— Иванъ Странникъ. Изъ настроеній современной французской литературы.—Вл. Муриновъ. Скандалъ. *Разсказъ.*—Проф. Евг. Аничковъ. Вильямъ Моррисъ и его утопическій романъ.

Пельтанъ, Камиллъ, депутатъ.

Исторія Франціи отъ 1815 года до нашихъ дней. Иллюстрировано 7 рис. и 78 портретами. Перев. съ франц. Спб. 1903 г. 1 р. 25 к.

Якимовъ, Василій.

По слѣдамъ голода. (Изъ воспоминаній). Спб. 1903 г. 1 р.

Содержаніе: I. Начало конца.—II. „Магазинъ разобрали".— III. „Свое средствіе".—IV. Около цынги.—V. Въ голодающей деревнѣ.— VI. На описи голодающихъ. — VII. Предѣлъ скорби.—VIII. Въ кусочки.—IX. Воръ.—X. Поджогъ.—XI. Маленькіе страдальцы.—XII. „Лѣнтяй мужикъ".—XIII. „Свиной

кормъ".—XIV. На гужевой перевозкѣ.—XV. На конскомъ участкѣ.—XVI. За казенными лошадями.—XVII. „Тоже нуждающіеся".—XVIII. Хорошіе люди.—XIX. Хорошіе люди.—Самоотверженные.—XX. Хорошіе люди.—Первыя впечатлѣнія.—XXI. Хорошіе люди.—„Изъ своихъ достатковъ".—XXII. Хорошіе люди.—„Волонтерки голода".—XXIII. Хорошіе люди.—О. Фіалковскій. — XXIV. Хорошіе люди.—Въ хлѣбномъ амбарѣ.—XXV. Хорошіе люди.—Когда мнѣ не было стыдно.—XXVI. Хорошіе люди.—Двое яслей.—XXVII. Хорошіе люди.—Парадоксъ.—XXVIII. Равнодушные.—XXIX. „Акробаты благотворительности". — XXX. Безпокойные. — Безпокойный атомъ.—XXXI. Безпокойные.—Докторъ Ферапонтовъ.—XXXII Безпокойные. — „Скоропадентъ". — XXXIII. Безпокойные.—„Корреспонденты и туристы".—XXXIV. Приспособившіеся.—Около голоднаго каравая. — XXXV. Приспособившіеся.—Ревнитель народной нужды. — XXXVI. Приспособившіеся.—Паразиты. — XXXVII. Приспособившіеся. — На всѣ руки.—XXXVIII. Заключеніе.

III. Философія

Джемсъ, Уилльямъ.

——— **Зависимость вѣры отъ воли и другіе опыты популярной философіи.** Перев. съ англійскаго С. И. Церетели. Спб. 1904 г. 1 р. 75 к.

Содержаніе: Зависимость вѣры отъ воли. — Стоитъ-ли жить? — Чувство раціональности. — Рефлекторные акты и тонизмъ.—Детерминизмъ и связанная съ нимъ дилемма.—Философъ-моралистъ и моральная жизнь.—Великіе люди и среда.—Значеніе индивидуумовъ.—О нѣкоторыхъ гегемахъ.—Труды Общества для Психическихъ Изысканій.

Жаковъ, К.

——— **Теорія перемѣннаго и предѣла въ гнесеологіи и въ исторіи познанія.** Спб. 1904 г. 1 р.

Минскій, Н. М.

——— **Религія будущаго.** (Философскіе разговоры). Спб. 1905 г. 2 р.

Юмъ, Давидъ.

Изслѣдованіе человѣческаго разумѣнія. (An Inquiry concerning human understanding). Пер. съ англ. С. И. Церетели. Спб. 1902 г. 1 р.

IV. Математическія науки

Бертранъ, Жозефъ.

Алгебра, въ переводѣ М. В. Пирожкова.

Часть I. Спб. 1899 г. 3 р.

Часть II. (Высшая Алгебра). Спб. 1901 г. 2 р.

Содержаніе: Книга I. **Дополненіе къ элементарной алгебрѣ** (ряды, сочетанія и биномъ Ньютона; о логариѳмахъ; повѣрка алгебраическихъ формулъ; методъ неопредѣленныхъ коэффиціентовъ).—Книга II. **Теорія производныхъ** (производныя отъ явныхъ функцій съ одною перемѣнною; изученіе функцій при помощи производныхъ; ряды для вычисленія логариѳмовъ и числа *e*).—Книга III. **Общая теорія уравненій** (основные

принципы численныхъ уравненій какой угодно степени; теорема Декарта; теорема Ролля; теорія равныхъ корней; соизмѣримые корни; теорема Штурма).—Книга IV. Конечныя разности (обозначенія и основныя формулы; интерполированіе; рѣшеніе численныхъ уравненій; рѣшеніе трансцендентныхъ уравненій). — Приложеніе (разложеніе раціональныхъ дробей на простѣйшія; мнимыя выраженія, рѣшеніе уравненій 3-ей степени; рѣшеніе системы двухъ уравненій 2-й степени съ двумя неизвѣстными; нѣкоторыя замѣчательныя преобразованія; о рѣшеніи уравненій первой степени; непрерывныя дроби; методъ исключенія Безу и Эйлера).

Одобрены Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Мин. и для ученич. библіотекъ старшаго возраста мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ; рекомендовано Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній для фундаментальныхъ библіотекъ кадетскихъ корпусовъ.

Ариѳметика, въ переводѣ М. В. Пирожкова. Спб. 1901 г. 2 р.

——— Дифференціальное исчисленіе. Съ портретомъ автора. Переводъ М. В. Пирожкова, безъ всякихъ сокращеній и измѣненій. In-4. Спб. 1905 г. 10 р.

Пирожковъ, М. В.

Ариѳметика ирраціональныхъ чиселъ. Спб. 1898 г. 1 р. 50 к.

Дополнительныя статьи по Алгебрѣ. Курсъ 7-го и 8-го классовъ гимназій. Пособіе для готовящихся въ высшія техническія учебныя заведенія. Спб. 1900 г. 75 к.

Содержаніе: Теорія соединеній, биномъ Ньютона, непрерывныя дроби, неопредѣленныя уравненія первой степени съ двумя неизвѣстными, несоизмѣримыя (ирраціональныя) числа, задачи.

Одобрено Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства и для ученическихъ библіотекъ старшаго возраста мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ; рекомендовано Главнымъ Управленіемъ военноучебныхъ заведеній для фундаментальныхъ библіотекъ кадетскихъ корпусовъ.

Сборникъ задачъ для вступительныхъ экзаменовъ въ высшія техническія учебныя заведенія. Пособіе для гг. экзаменаторовъ. Спб. 1903 г. 1 р. 50 к.

Ройтманъ, Дм.

Значеніе математики, какъ науки и какъ общеобразовательнаго предмета. Что должно составлять содержаніе элементовъ математики? (включая и высшую математику). Спб. 1906 г. 50 к.

Серре (J.-A.).

Ариѳметика, въ перев. М. В. Пирожкова [печатается].

Дополненіе къ „Теоріи неуговыхъ функцій", въ переводѣ М. В. Пирожкова. Спб. 1906 г. 50 к.

Прямолинейная тригонометрія, въ переводѣ М. В. Пирожкова. Спб. 1902 г. 60 к.

Допущено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ руководства для средн. учебныхъ завед. Министерства.

Сферическая тригонометрія, въ переводѣ М. В. Пирожкова. Спб 1902 г. 40 к.

Допущено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

V. Учебники

Бороздинъ, А. К.

——— Изъ лекцій по теоріи словесности [печатается].

Weyert, J. (Вейертъ, И.).

——— Deutsches Lesebuch für die obersten Klassen der russischen Mittelschulen. Abtheil. I—VI. Preis des Heftes von 8—10 Druckbogen 35 Kop. 1902—1904 гг.—Нѣмецкая книга для чтенія для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. I—VI Спб. Ц. каждой части 35 к. Часть I. Статьи по исторіи.—Часть II. Статьи по естествознанію.—Часть III. Статьи по этнографіи и географіи.—Часть IV. Статьи по біографіи.—Часть V. Статьи смѣшаннаго содержанія.—Часть VI. Разсказы.

Допущены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки.

Учебнымъ Отдѣломъ Мин. Финансовъ I-я часть *одобрена*, какъ классное руководство для коммерческихъ учебныхъ заведеній, а II-я часть *рекомендована* для пріобрѣтенія въ ученич. библіотеки и для класснаго и домашняго чтенія учениковъ старшихъ классовъ тѣхъ же учебн. заведеній.

VI. Дѣтскія книги

Беллегъ, Л.

——— № 5. Месть одного изъ де-Гетенеровъ. Иллюстраціи де-Монтадеръ. Переводъ Е. А. Пелль. Спб. 1905 г. 1 р. 50 к.

Галина, Г.

——— № 1. Сахарный принцъ и фарфоровая принцесса. Сказка для маленькихъ дѣтей. Спб. 1904 г. 1 р. 25 к. Роскошно-иллюстрированное изданіе.

——— № 2. Сказки. Спб. 1904 г. 2 р. 25 к. въ папкѣ, 2 р. 50 к. въ коленк. переплетѣ. Роскошно-иллюстрированное изданіе.

Содержаніе: Кто онъ? — Вербный чертикъ. — Красное яичко.—Какъ фея познакомилась съ человѣкомъ.—Розовыя очки.—Упавшая звѣздочка.—Иванушка — золотое сердце.—Какъ лягушенокъ путешествовалъ.—Исторія одного блина.—Снѣжный человѣкъ.—Лева и Милка.—Васькина елка.—Три сестры.—Злая рѣдька.—Каменная баба. Голубой огонекъ.

М-me Ле-Руа, Фердинандъ.

——— № 4. Сынъ адмирала. Перев. съ французскаго Е. А. Пелль. Со многими иллюстраціями. Спб. 1904 г. 1 р. 75 к. въ роск. переплѣ.

Мало, Гекторъ.

——— № 3. Приключенія Ромена Кальбри. Перев. съ франц. К. И. Ворхсеніусъ. Со многими иллюстраціями. Спб. 1904 г. 1 р. 75 к. въ роск. переплѣ.

Изданія, пріобрѣтенныя полностью:

Позняковъ, Н. И.

Разсказы *(Для школъ и народа)*.

1) Вѣсть.— Суета. Спб. 1902 г. 5 к.
2) Двѣ милостыни. Спб. 1902 г. 5 к.
3) Законъ. Спб. 1902 г. 5 к.
4) На бѣдность. Спб. 1902 г. 5 к.
5) Незнакомецъ. Спб. 1902 г. 5 к.
6) Первый визитъ. Спб. 1902 г. 5 к.
7) Переполохъ. Спб. 1902 г. 5 к.
8) Револьверъ. Спб. 1902 г. 5 к.

Допущены Особымъ Отдѣломъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія въ безплатн. народн. читальни и библіотеки.

Изданія, находящіяся полностью на складѣ:

I Изящная литература, исторія, критика и публицистика

Андреевичъ.

Книга о Максимѣ Горькомъ и А. П. Чеховѣ. Спб. 1900 г. 1 р. 50 к.

Андреевскій, С. А.

Литературные очерки (3-е дополненное изданіе „Литературныхъ чтеній"). Спб. 1902 г. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Поэзія Баратынскаго.— „Братья Карамазовы".—Всеволодъ Гаршинъ.—О Некрасовѣ.—Лермонтовъ.—Изъ мыслей о Львѣ Толстомъ.—Тургеневъ.—Городъ Тургенева.—Гюи Де-Мопасанъ.— Книга Башкирцевой.—Къ столѣтію Грибоѣдова.— Вырожденіе риемы.— Театръ молодого вѣка.

Борхсеніусъ, Е. И.

Представители реальнаго романа во Франціи въ XVII-мъ столѣтіи. Спб. 1889 г. 60 к.

Бѣлозерскій, С. врачъ.

——— Вересаевъ передъ судомъ медицинской науки. Спб. 1904 г. 25 к.

Ватсонъ, М.

Ада Негри. Критико-біографическій очеркъ. Съ портретомъ 2-ое испр. и доп. изд. Итальянская библіотека № 1. Спб. 1903 г. 50 к.

Джозуэ Кардуччи. Критико-біографическій очеркъ. Съ портретомъ. Итальянская библіотека № 2. Спб. 1899 г. 50 к.

Джузеппе Джусти. Критико-біографическій очеркъ. Съ портретомъ. Итальянская библіотека № 3. Спб. 1900 г. 50 к.

Алессандро Манцони. Критико-біографическій очеркъ. Съ портретомъ Итальянская библіотека № 4. Спб. 1902 г. 50 к.

Ватсонъ, Э. К.

Этюды и очерки по общественнымъ вопросамъ (съ портретомъ и біографіей автора). Спб. 1892 г. 2 р.

Содержаніе: Памяти Э. К. Ватсона.—Прусское правительство и прусская конституція.—Вопросъ объ улучшеніи быта рабочихъ въ Германіи.—Рабочіе классы въ Англіи и манчестерская школа.—Что такое великіе люди въ исторіи?— Авраамъ Линкольнъ.—Стачки рабочихъ во Франціи и въ

Англіи.—Огюстъ Контъ и позитивная философія.—Жизнь Дж. Стюарта Милля.

Волжскій.

——— Изъ міра литературныхъ мнѣній. Сборникъ статей. Спб. 1906 г. 1 р.

Воскресенскій, А. Е.

Общинное землевладѣніе и крестьянское малоземелье. Опытъ разрѣшенія аграрнаго вопроса. Спб. 1903 г. 1 р. 25 к.

Галина, Г.

Стихотворенія. Спб. 1902 г. 1 р.

Гамсунъ, Кнутъ.

——— Въ Парижѣ. Новелла. Переводъ Мих. Могилянскаго Кіевъ 1905 г. 4 к.

Гиппіусъ, З. (Мережковская).

Новые люди. Первая книга разсказовъ. Спб. 1896 г. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Яблони цвѣтутъ.—Ближе къ природѣ.—Богиня.—Простая жизнь.—Голубое небо.—Смиреніе.—Стихотворенія.—Месть.—Легенда.—Цыганка.—Время.—Совѣсть.—Одинокій.—Миссъ Май. (Распродано).

Зеркала. Вторая книга разсказовъ. Спб. 1898 г. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Зеркала.—Вѣдьма.—Живые и мертвые.—Родина.—Утро дней.—Луна.—Стихотворенія.—Златоцвѣтъ.

Третья книга разсказовъ. Спб. 1902 г. 2 р.

Содержаніе: Сумерки духа.—Кабанъ.—Комета.—Слишкомъ ранніе.—Святая плоть.—Святая кровь.

Гольдштейнъ, І. М., доцентъ Цюрихскаго Университета.

——— Статистика и ея значеніе для современнаго общества. Спб. 1904 г. 25 к.

Государственная Дума.

——— Узаконенія 6 августа 1905 г.: Высочайшій Манифестъ.—Именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату.—Учрежденіе Государственной Думы.—Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу. Изданіе Государственной Типографіи. Спб. 1905 г. 60 к.

Гривскій, И.

——— Записки рабочаго. Спб. 1904 г. 80 к.

Грушевскій, Мих. проф.

——— Очеркъ исторіи Украинскаго народа. Изд. 2-ое, дополн. Спб 1906 г. 2 р. 50 к.

——— Украинство въ Россіи, его запросы и нужды. Спб. 1906 г. 25 к.

Ефименко, Александра, членъ Имп. Русскаго Географическаго, Московскаго Психологическаго, Харьковскаго Историко-Филологическаго, Кіевскаго Юридическаго Обществъ и почетнаго члена Полтавской Ученой Архивной Коммиссіи.

——— Южная Русь. Очерки, изслѣдованія и замѣтки. Изд. Общества имени Т. Г. Шевченка для вспомоществованія нуждающимся уроженцамъ Южной Россіи, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга, *въ пользу фонда для устройства общежитія и столовой.*

Томъ I. Спб. 1905 г. 2 р.

Содержаніе: Очерки исторіи правобережной Украины.—Малорусское дворянство и его судьба.—Южно-русскія брат-

ства.—Копные суды въ лѣвобережной Украинѣ.—Народный судъ въ Западной Руси.—Дворищное землевладѣніе въ Южной Руси.—Архаическія формы землевладѣнія у Германцевъ и Славянъ.—Литовско-русскіе данники и ихъ дани.

Томъ II. Спб. 1905 г. 2 р.

Содержаніе: Вѣдствія евреевъ въ Южной Руси XVII в.—Изъ исторіи борьбы малорусскаго народа съ поляками.—Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова.—Турбаевская катастрофа.—Архіерейскій подарокъ.—Два намѣстника.—Старинная одежда и принадлежности домашняго быта слобожанъ.—Малорусскій языкъ въ народной школѣ.—Философъ изъ народа.—Личность Г. С. Сковороды, какъ мыслителя.—Національность по г. В. Соловьеву.—По поводу украинофильства.—Литературныя силы провинціи.—Котляревскій въ исторической обстановкѣ.—Памяти Тараса Григорьевича Шевченка.—Украинскій элементъ въ творчествѣ Гоголя.

——— **Какъ надѣлить крестьянъ землею?** Аграрная программа партіи „Свободомыслящихъ" въ связи съ критикой агр. программъ другихъ партій. Спб. 1906 г. 5 к.

Канадѣевъ, И. Н.

Очерки закавказской жизни. Томъ I. Спб. 1902 г. 2 р.

Карабчевскій, Н. П.

——— Дѣло генерала Кошелева и рѣчь въ защиту интересовъ д-ра Забусова. Спб. 1905 г. 25 к. При покупкѣ книги „Рѣчи" — безплатно.

Около правосудія. Статьи, сообщенія и судебные очерки. Спб 1902 г. 2 р.

——— Приподнятая завѣса (проза и стихи). Спб. 1905 г. 1 р. 50 к.

Рѣчи. 1882—1902. Изданіе второе, дополненное пятью рѣчами. Спб. 1902 г. 3 р. 50 к.

Кечеджи-Шаповаловъ, М. В., преподаватель исторіи всемірной торговли.

Женское движеніе въ Россіи и заграницей. Спб. 1902 г. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Введеніе.—Древній міръ.—Историческое развитіе женскаго движенія.—Америка.—Женское движеніе въ Англіи.—Скандинавскія женщины.—Германія.—Франція.—Италія.—Бельгія.—Женское движеніе въ Румыніи.—Женское движеніе въ Болгаріи.—Къ характеристикѣ положенія женщины въ Испаніи.—Швейцарія.—Австро-Венгрія.—Новая Зеландія и Южная Австралія.—Женское движеніе на Востокѣ.—Женское дѣло въ Россіи.

——— Кооперативные идеалы. Публичная лекція. Спб. 1905 г. 25 к.

——— Къ свободѣ... Этюдъ по женскому вопросу. Спб. 1905 г. 15 коп.

——— Міровой рынокъ. Публичная лекція. 2-ое изд. Спб. 1904 г. 25 коп.

——— Политическій строй Англіи, Германіи, Австро-Венгріи, Италіи, Франціи, Швейцаріи, Даніи, Швеціи, Финляндіи, Нидерландовъ, Бельгіи Испаніи, Португаліи, Румыніи, Сербіи, Болгаріи, Греціи, Сѣв.-Ам. Штатовъ, Японіи. (Приложеніе: взаимоотношеніе палатъ, бюджетное право, личная свобода, но-

литическіе выборы и выборное право). Спб. 1905 г. 30 к.

——— Потребленіе вина въ монопольныхъ губерніяхъ въ 1902 г Спб. 1904 г. 1 р.

——— Современное значеніе коммерческаго образованія. Рѣчь, произнесенная на торжественномъ празднованіи 7-й годовщины *Частныхъ С.-Петербургскихъ Счетоводныхъ Курсовъ*, учрежденныхъ М. В. Побѣдинскимъ. Спб. 1905 г. 15 к.

——— Этюды. Спб. 1904 г. 1 р.

Содержаніе: Женское „дѣло". — „Туманъ" и женщины. — Общественный недугъ. — Жилища бѣдноты. — Вырожденіе Франціи.—Кооперативное движеніе.—„Бродячая Русь".—Мелкое землевладѣніе и прогрессъ. — 1902-й годъ въ Россіи. — Общество и его агенты. — Страданіе, какъ двигатель прогресса.—Міровое торжище.

Кочубей, М. Н.

——— 5 театральныхъ пьесъ на малороссійскомъ языкѣ. 1883—1900. Кіевъ, 1904 г. 1 р. 50 к.

Кузнецовъ, Н. И., Секретарь Воронежской Губернской Земской Управы.

Систематическій сводъ указовъ Правительствующаго Сената, послѣдовавшихъ по земскимъ дѣламъ. Изданіе неоффиціальное.

Томъ I. 1866—1900 г.г. Спб. 1902 г. 4 р.

Томъ II. 1899—1903 г.г. Воронежъ, 1903 г. 2 р. 50 к.

Лемке, Мих.

——— Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Біографическій очеркъ. Къ десятилѣтію со дня кончины (1894 $\frac{7}{VI}$ 1904). Съ 8 иллюстраціями и съ введеніемъ И. И. Попова. Изд. редакціи газеты „*Восточное Обозрѣніе*". Спб. 1904 г. 1 р. 50 к.

Листъ, Францъ, проф.

——— Преступленіе, какъ соціально-патологическое явленіе. Переводъ съ нѣмец. Спб. 1904 г. 20 к.

Любовичъ, Н. Н., проф. Люблинскіе кальнодумцы XVI в. Антитринитаріи и анабаптисты. Варшава, 1902 г. 35 к.

Статистическій методъ въ приложеніи къ исторіи. Варшава, 1901 г. 25 к.

Масарикъ, Ѳ. О., проф.

——— Начала соціалистическаго общества (Главные вопросы марксистской политики).—II. Марксизмъ и парламентаризмъ (Съ библіографіей по вопросамъ политики). Переводъ подъ ред. пр.-доц. *Н. Ястребова*. Изданіе партіи „Свободомыслящихъ". Спб. 1906 г. 25 к.

Мережковскій, Д. С.

Вѣчные спутники. Портреты изъ всемірной литературы. Спб. 1899 г. 2 р.

Содержаніе: Акрополь.—„Дафнисъ и Хлоя".—Маркъ Аврелій. — Плиній Младшій. — Кальдеронъ. — Сервантесъ. — Монтань.— Флоберъ.— Ибсенъ.—Достоевскій.— Гончаровъ.—Майковъ.—Пушкинъ.

Метерлинкъ, Морисъ.

Жизнь пчелъ. Пер. съ фр. К. М. Зиновьевой и Э. В. Яковлевой. Спб. 1902 г. 80 к.

М. М. Критическіе наброски. *Содержаніе*: I. „Потонувшій колоколъ" сказка-драма *Г. Гауптмана*. — II. Поэзія Ш. Бодлера Спб. 1898 г. 25 к.

Поэзія Надсона. Спб. 1897 г. 15 к.

I. Реабилитація Пушкина (Къ характеристикѣ настроенія 90-хъ годовъ).—II. Нѣсколько словъ о Гауптманѣ. Спб. 1901 г. 25 коп.

Стихотворенія. Спб. 1897 г. 40 к.

Три стихотворенія въ прозѣ. Спб. 1896 г. 15 к.

Могилянскій, Мих.

Миражъ. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ. (Къ представленію дозволено. Спб. 4 мая 1902 г.). Спб. 1902 г. 50 к.

Моръ, Томасъ.

——— Утопія. Перевелъ съ латинскаго А. Г. Генкель при участіи Н. А. Макшеевой. Съ біограф. очеркомъ Т. Мора, состав. Н. А. Макшеевой. (Съ портретомъ Т. Мора). 2-е исправ. и дополн. изд. Спб. 1905 г. 75 к.

Надсонъ, С. Я.

Литературные очерки (1883—1886). Съ портретомъ автора. 2-е изд Спб. 1897 г. 1 р.

Ободовскій, К. П.

Три бесѣды: I) О любви, II) Въ чемъ состоитъ счастіе, III) О будущности міра. Спб. 1903 г. 30 к.

Палеологъ, А.

Кнутъ (La cravache). Переводъ съ французскаго. Тифлисъ. 1903 г. 20 к.

Папприцъ, А.

——— Общественныя и экономическія причины проституціи. Переводъ съ нѣм. М. В. Кечеджи-Шаповалова, съ его предисловіемъ и примѣчаніями. Спб. 1904 г. 25 к.

Перетцъ, В. Н.

Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Томъ III. Изъ исторіи развитія русской поэзіи XVIII в. Спб. 1902 г. 3 р. Томы I. и II распроданы.

Малорусскія вирши и пѣсни въ записяхъ XVI—XVIII вв. Спб. 1899 г 1 р. 60 к.

Матеріалы къ исторіи апокрифа и легенды. I. Къ исторіи Громника Спб. 1899 г. 1 р. 30 к. — Къ исторіи Лунника. Спб. 1901 г. 1 р. 50 к.

Памятники русской драмы эпохи Петра Великаго. Спб. 1903 г. 3 р. 50 к.

Перцовъ, П. П.

Первый сборникъ. Спб. 1902 г. 1 р.

Содержаніе: Славянофильство. — Литература и театръ.— Путевые очерки.

Философскія теченія русской поэзіи. Избранныя стихотворенія и кри-

тическія статьи *С. А. Андреевскаго, Д. С. Мережковскаго, В. В. Никольскаго, П. П. Перцова* и *Вл. С. Соловьева*. Спб. 1896 г. 2 р.

Содержаніе: А. С. Пушкинъ.—Е. А. Баратынскій.—А. В. Кольцовъ.—М. Ю. Лермонтовъ.—В. П. Огаревъ.—Ѳ. И. Тютчевъ. — Гр. А. К. Толстой. — А. А. Фетъ.—Я. П. Полонскій.—А. Н. Майковъ. — А. Н. Апухтинъ. — Гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Перцовы, П. и В.

Молодая поэзія. Сборникъ избранныхъ стихотвореній молодыхъ русскихъ поэтовъ. Спб. 1895 г. 1 р.

Петрункевичъ, А. М.

Маргарита Ангулемская и ея время. Историческій очеркъ изъ Эпохи Возрожденія во Франціи. Спб. 1899 г. 1 р. 50 к.

Протопоповъ, С. В., протоіерей и настоятель православныхъ церквей въ Висбаденѣ, Эмсѣ и Дармштадтѣ.

——— **О художественномъ элементѣ въ православномъ церковномъ пѣніи.** (Къ свѣдѣнію композиторовъ духовной музыки и въ руководство истиннымъ любителямъ богослужебнаго пѣнія). Мысли, наблюденія и историческія справки. 2-ое дополн. изд. Спб. 1905 г. 80 к.

Пшибышевскій, Ст.

Для счастья. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ. Харьковъ, 1904 г. 30 к.

Ратгенъ, К., проф.

Возрожденіе Японіи. Переводъ съ нѣм. Н. Н. Е. Спб. 1903 г. 20 к.

Рефераты и работы

——— **студенческаго „Кружка Политической Экономіи" при Спб. Унив.** Вып. I. 1902—1904 гг. Спб. 1905 г. 1 р. 75 к.

Розановъ, В. В.

Литературные очерки. Сборникъ статей. Спб. 1899 г. 1 р.

Содержаніе: Старое и новое. — Литературная личность Н. Н. Страхова. — Три момента въ развитіи русской критики.—Позднія фазы славянофильства: 1) Н. Я. Данилевскій и 2) К. Н. Леонтьевъ.—Катковъ, какъ „государственный человѣкъ".—Литературно-общественный кризисъ.—О Достоевскомъ—„Вѣчно-печальная дуэль" (М. Ю. Лермонтовъ).—50 лѣтъ вліянія (юбилей В. Г. Бѣлинскаго).—Съ юга.—Замѣтки о Польшѣ.—О писателяхъ и писательствѣ (замѣтки и наброски).—Памяти усопшихъ: 1) О. И. Каблица (Юзова), 2) Ю. Н. Говорухи-Отрока, 3) Н. Н. Страхова, 4) Ѳ. Э. Шперка, 5) Я. П. Полонскаго.

Природа и исторія. Сборникъ статей. Спб. 1900 г. 1 р.

Содержаніе: Вопросъ о происхожденіи организмовъ. —Теорія Чарльза Дарвина, объясняемая изъ личности ея автора.—Красота въ природѣ и ея смыслъ.—Часть и цѣлое.—О чудесномъ въ мірѣ. — Что иногда значитъ „научно объяснить" явленіе?—Философскія вліянія въ русскомъ обществѣ.—Смѣна міровоззрѣній.—Двѣ философіи (критическая замѣтка).—Замѣтки объ исторіи: 1) о государствѣ въ древнемъ и новомъ

мірѣ, 2) объ эпохахъ русской исторіи.—Книга особенно замѣчательной судьбы.

Религія и культура. Сборникъ статей. Изданіе 2-е. Спб. 1901 г. 1 р. 20 к.

Содержаніе: Мѣсто христіанства въ исторіи.—Психологія русскаго раскола.—Черта характера древней Руси.—Культурная хроника русскаго общества и литературы за XIX вѣкъ.—О студенческихъ безпорядкахъ.—Женское образовательное движеніе 60-хъ годовъ.—Франко-русскія впечатлѣнія.—Демократизація живописи.—Гдѣ истинный источникъ „борьбы вѣка"?—О символистахъ и декадентахъ.—Теперь и прежде.—Христіанство пассивно или активно?—Кроткій демонизмъ.—Семя и жизнь.—Смыслъ аскетизма.—Женщина передъ великою задачею.—Нѣчто изъ сѣдой древности.—Эмбріоны.—Новые эмбріоны.—Библіографія.

Сумерки просвѣщенія. Сборникъ статей по вопросамъ образованія. Спб. 1899 г. 1 р.

Содержаніе: Сумерки просвѣщенія.—Три главныхъ принципа образованія.—Афоризмы и наблюденія.—Педагогическія трафаретки.—О гимназической реформѣ 70-хъ годовъ.—Представленіе.—О Россіи въ годы учебной реформы.—Городъ и школа.—Семья какъ истинная школа.—Границы закона.—Безпочвенность русской школы.—Два типа образованія.—Библіографія.

Святловскій, В. В., пр.-доц. Спб. Универ.

——— **Жилищный вопросъ** съ экономической точки зрѣнія. Вып. I. Жилищный вопросъ на Западѣ (общая постановка).—Вып. II. Городъ и государство. Приложенія: программы, уставы, законы и проч.—Вып. IV. Жилищный вопросъ въ Россіи (очеркъ жилищныхъ условій).—Вып. V. Жилищный вопросъ въ Россіи. (Приложенія: уставы, доклады, программы, библіографическій указатель и пр.). Спб. 1902—1904 г. Ц. каждому выпуску 1 р.

Задачи городского хозяйства. Городское хозяйство въ Парижѣ. Тоже въ Англіи (по А. Шау). Екатеринославъ. 1899 г. 75 к.

——— **Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи.** Вып. XI. Купля-продажа земель въ Европейской Россіи въ 1897 г. Обзоръ мобилизаціи за пятилѣтіе 1892—1897. Спб. 1904 г. 2 р.

——— **Положеніе вопроса о рабочихъ организаціяхъ** въ иностранныхъ государствахъ. Спб. 1905 г. 3 р.

——— **Положеніе вопроса о рабочихъ организаціяхъ** въ иностранныхъ государствахъ. Вып. I. Профессіональные рабочіе союзы. 2-ое изд., доп. и испр. Спб. 1906 г. 60 к.

Соколовъ, Н. М.

——— **Объ идеяхъ и идеалахъ русской интеллигенціи.** Спб. 1904 г. 2 р.

Содержаніе: О культурѣ и самобытности.—Похороны славянофильства.—О русской національной традиціи.—О русской церковной традиціи.—Интеллигенція и сектантство.—Интеллигенція и церковь.—Золотые сны о золотомъ вѣкѣ.

Русскіе святые и русская интеллигенція. Опытъ сравнительной характеристики Спб. 1904 г. 50 к.

Соловьевъ, В. Н.

——— Посмертный сборникъ. Разсказы, стихи, путевые очерки. Съ портретомъ автора и факсимиле. Спб. 1901 г. 1 р.

Сологубъ, Ѳедоръ.

Стихи. Книга первая. Спб. 1896 г. 50 к.

Тѣни. Разсказы и стихи. Спб. 1896 г. 1 р.

Содержаніе: Червякъ.—Тѣни.—Къ звѣздамъ.—Стихи (книга вторая).

Сорель, Ж.

Соціальное значеніе искусства. Переводъ съ франц. подъ ред. М. Н. Ефремовой. Спб. 1903 г. 25 к.

Сѣверовъ, Н.

Разсказы, очерки и наброски. Спб. 1892 г. 1 р. 50 к.

——— Типы автономной морали въ ихъ логической связи,— по произведеніямъ А. М. Ѳедорова, („Земля"), А. Вербицкой („Наши ошибки", „Злая роса"), Абрама Дермана („Странный вопросъ"), А. Лугового („Николай Петровичъ"), Л. Оболенскаго („На развалинахъ"). Казань, 1904 г. 15 к.

Фаресовъ, А. И.

——— Противъ теченій. Н. С. Лѣсковъ. Его жизнь, сочиненія, полемика и воспоминанія о немъ. Съ рѣдкимъ портретомъ. Спб. 1904 г. 1 р. 50 к.

Фришмутъ, Марія.

Критическіе очерки и статьи. Посмертное изданіе. Спб. 1902 г. 2 р. 50 к.

Содержаніе: Типъ Фауста въ міровой литературѣ.—Леконтъ де-Лиль.—О женскомъ образованіи.—Еще о Гамлетѣ.—Сказка.—Переводы.

Харраденъ, Беатрисса.

Корабли, проходящіе ночью. Переводъ съ англ. П. Сердечной. Спб. 1906 г. 60 к.

Хрѣновъ, К. А.

Женское горе. Сборникъ стихотвореній русскихъ и иностранныхъ поэтовъ. Изд. 2-ое, испр. и дополн. Допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. Москва, 1903 г. 20 к., въ папкѣ 30 к.

Церетели, Е.

Елена Іоанновна, великая княгиня литовская, русская, королева польская. Спб. 1898 г. 1 р. 50 к.

Рек. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. для фундамент. и ученическихъ библ. всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и одобрена для учительскихъ библіотекъ всѣхъ низшихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

Чернышевъ, В.

——— Гоненіе на христіанъ въ Римской имперіи. Общедоступные исторические разсказы. Вып. I. *Неронова гоненія*. Спб. 1904 г.

10 к. Допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

——— Гоненія на христіанъ въ Римской имперіи. Общедоступные исторические разсказы. Спб. 1904 г. 50 к.

——— Письма о старой и новой орѳографіи. I—IV. Спб. 1904 г. 20 к.

Шестаковъ, Д. П.

Стихотворенія. Спб. 1900 г. 1 р.

——— „Ѳома Гордѣевъ" (*изъ разсказа Горькаго*), какъ соціально-психологическое явленіе. Кинбурга, 1904 г. 15 к.

II. Философія

Бэнъ, А.

——— Психологія. Переводъ съ англ. и предисловіе пр.-доц. Казанскаго Университета Вл. Н. Ивановскаго. Томъ II. Москва, 1906 г. 2 р. 50 к.

Введенскій, Александръ, проф. Спб. Унив.

Философскіе очерки. Выпускъ I. О философіи въ Россіи, о мистицизмѣ и критицизмѣ В. С. Соловьева, о свободѣ воли, о смыслѣ жизни, объ отношеніяхъ вѣры къ знанію. Спб. 1901 г. 1 р.

Жаковъ, К.

——— Понятіе предѣла въ математикѣ (*съ точки зрѣнія логики*). Спб. 1905 г. 25 к.

Карстаньенъ, Фридрихъ.

Введеніе въ „Критику чистаго опыта" (Friedrich Carstanjen Einführung in die „Kritik der reinen Erfahrung"). Переводъ В. Лесевича, *по новѣйшей рукописи* 2-го, пересмотрѣннаго и дополненнаго авторомъ, изданія. Спб. Изд. 2-ое, испр. Спб. 1899 г. 1 р.

Лесевичъ, В.

Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи. Спб. 1877 г. 1 р. 25 к.

Письма о научной философіи. Спб. 1878 г. 75 к.

Что такое научная философія? Этюдъ. Спб. 1891 г. 2 р.

Содержаніе: Введеніе.—Огюстъ Контъ и его школа.—Англійскій позитивизмъ (1. Дж. Ст. Милль.—2. Бэнъ, Гёксли и др.).—Нѣмецкая научная философія (1. Оцѣнка Контовскаго позитивизма въ Германіи.—2. Карлъ Гёринг.—3. Гаральдъ Гёффдингъ.—4. Алоизъ Риль.—5. Эрнстъ Лаасъ.—6. Густ. Фольцъ.—7. Эрнстъ Махъ.—8. Рихардъ Авенаріусъ.—9. Іозефъ Петцольдтъ).—Заключеніе.

Этюды и очерки. Спб. 1886 г. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Данте какъ мыслитель.—Романъ Кастеляра „Fra Filippo Lippi". — Лессингъ и его „Натанъ Мудрый". — Пересъ Гальдосъ. Современный испанскій романистъ.—Новые романы Гальдоса.—Робертъ Галлъ и его новые романы.—

Первые провозвѣстники спиритизма.—Новая логика.—Философія—искусство-ли?—Метафизика, позитивизмъ и научная философія.—Философская ипохондрія.—Одинъ изъ англійскихъ критиковъ Спенсера.—О чемъ поетъ кукушка?—Буддійскій нравственный типъ.

Соколова, Софья.

——— Критика этики Спенсера. Спб. 1905 г. 1 р.

Ганнери, П.

Первые шаги древне-греческой науки. Пер. съ фр., съ предисловіемъ проф. А. И. Введенскаго и *съ переводомъ сохранившихся отрывковъ изъ сочиненій греческихъ философовъ до* Платона. Спб. 1902 г. 2 р.

Допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ учен., старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а также Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ въ духовныя семинаріи.

Рихте.

——— Назначеніе человѣка. Переводъ съ нѣм. А. И. подъ ред. Н. О. Лосскаго. Спб. 1906 г. 50 к.

III. Математическія науки

Ивановъ, А. А., д-ръ астрономіи и геодезіи.

Вращательное движеніе земли. Спб. 1895 г. 75 к.

Николаевская Главная Астрономическая Обсерваторія въ Пулковѣ. Спб. 1901 г. 50 к.

Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для учен. библіотекъ гимназій и реальныхъ училищъ.

Рекомендовано Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній для фундаментальныхъ библіотекъ кадетскихъ корпусовъ.

Теорія процессіи. Спб. 1899 г. 1 р. 50 к.

Петерсенъ, Ю.

Методы и теоріи для рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе. Перевелъ Ѳ. П. Крутиковъ. Москва, 1892 г. 70 к.

Петрушевскій, Ѳ. Ѳ., засл. проф. Спб. Унив. и Еремѣевъ, Н. С.

Сравнительныя таблицы десятичныхъ и русскихъ мѣръ. Спб. 1868 г. 50 к.

Сыченковъ, Я., препод. Орловскаго реальнаго училища.

Двѣ статьи изъ алгебры съ новымъ изложеніемъ. Орелъ, 1900 г. 50 к.

Содержаніе. I-ая статья: Новая формула для непосредственнаго кубическаго уравненія общаго вида, дающая всегда дѣйствительный корень уравненія.—II-ая статья. Первый и второй предѣлы ошибки въ подходящей дроби.

Допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ учен., старшаго возраста, библіотеки.

Чебышевъ, П. Л.

Теорія сравненій. Спб. 1901 г. 2 р. 3-е изданіе. Изданіе О-ва вспомощ. студентамъ Спб. Университета. Настоящее изданіе

исправлено противъ прежняго академикомъ А. Марковымъ, при чемъ особенное вниманіе было обращено на таблицы

IV. Естественныя науки, географія и путешествія

Беркосъ, П. А.

—— Медицинская зоологія. Составлена по лекціямъ проф. Н. А. Холодиевскаго. 2-ое изд. Спб. 1904 г. 2 р. 50 к.

Практическая зоотомія: Вып. 1-ый Лягушка. Спб. 1899 г. 50 к.

—— Вып. 2-ой. Рѣчной Ракъ. 2-ое изд. Спб. 1905 г. 30 к. Вып. 3-ій. Окунь и Щука. Спб. 1899 г. 40 к. Вып. 4-ый. Безъ зубка. Спб. 1901 г. 30 к.

Допущены Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. въ ученич. старшаго возраста, библіотеки муж. средн. учебн. завед.

Жаковъ, К. Ѳ.

—— На Сѣверъ, въ поискахъ за Памомъ Буръ-мертомъ. Спб. 1905 г. 1 р.

Ингеницкій, И.

Заграничные наброски. (По музеямъ и лабораторіямъ Западной Европы). Спб. 1898 г. 50 к.

Лэббокъ, Джонъ.

Шесть главъ популярной естественной исторіи. Съ 90 рис. Приспособлены служить книгой для чтенія въ народныхъ и среднихъ школахъ. Спб. 1902 г. 60 к., въ изящн. пер. 95 к.

Допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебн. завед. и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Морганъ, Ллойдъ.

Изъ міра животныхъ. Съ 53 рис. художника В. Рау. Пер. съ англ. подъ ред. П. Беркоса. Спб. 1903 г. 1 р. 50 к., въ изящн. пер. 1 р. 90 к.

Допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ ученическія библ. всѣхъ учебн. завед. Министерства, какъ среднихъ, такъ и низшихъ, а равно и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Мялицынъ, А., препод. Спб. Учительскаго Института.

Краткій учебникъ зоологіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ 180 рис., 2-ое исправ. изд. Спб. 1900 г. 90 к.

Пири, Р. Е., гражданскій инженеръ С.-А. С. Ш.

—— По большому льду къ сѣверу. Разсказъ о жизни и работѣ вдоль береговъ и на внутреннемъ ледяномъ покровѣ сѣверной Гренландіи въ 1887 и 1891—97 г.г. Съ 8 картами и 357 рисунками. Переводъ съ англ. под. ред. *П. Беркоса*. № 1 изъ серіи „Библіотека путешествій". — „Открытіе земель". Спб. 1906 г. 3 р.

V. Техническія книги

Андреевъ, П. И., магистръ ветеринарныхъ наукъ.

Ветеринарный надзоръ за убойнымъ скотомъ и мясными продуктами въ Германіи и другихъ европейскихъ государствахъ. Москва, 1902 г. 3 р.

——— Страхованіе убойнаго скота въ Германіи. Москва, 1904 г. 1 р. 25 к.

Кейльгакъ, проф.

——— Артезіанская вода. (Съ 19 рис.). Съ нѣм. перевелъ А. Соловьевъ. Спб. 1905 г. 25 к.

Петрушевскій, Ѳ., засл. проф. Спб. унив.

Краски и живопись. 2-ое изд. Спб. 1901 г. 2 р. 20 к.

Прокудинъ-Горскій, С. М.

Изо-хроматическая съемка моментальными ручными камерами. Съ указаніемъ изготовленія чувствительныхъ къ цвѣтамъ пластинъ (изо-пластинъ). Семь отдѣльныхъ таблицъ-рисунковъ внѣ текста. Спб. 1903 г. 80 к.

VI. Учебники

Кечеджи-Шаповаловъ, М. В., препод. исторіи торговли и коммерческой корреспонденціи.

——— Руководство по коммерческой корреспонденціи, приспособленное для коммерческихъ училищъ, торговыхъ школъ, счетоводныхъ курсовъ и для самообученія. Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. (1 Марта, 1905 г., № 1461). Спб. 1904 г. 1 р.

Содержаніе: I. Теорія коммерческаго письма.—II. Практическіе образцы.—III. Коммерческая терминологія.

Крутиковъ, Ѳ. П., засл. препод. математики.

Пособіе для полнаго рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе, помѣщенныхъ въ пріемной программѣ Инст. Инж. Путей Сообщ. Спб. 1899 г. 1 р.

Тивасъ, З. (Z. T.).

Tableau général d'orthographe d'usage.—Правила французскаго правописанія. Спб. 1897 г. 30 к.

Одобрена Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для ученическихъ, средняго и старшаго возраста, библіотекъ сред. учебн. завед., мужскихъ и женскихъ.

Чевакинскій, А. препод. Импер. училища Правовѣдѣнія и Спб. Коммерческаго Училища.

Учебная книга сравнительной всеобщей географіи. Курсъ повторительный для старшаго возраста. Спб. 1901 г. 1 р.

Допущена Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ качествѣ учебнаго руководства, а также въ учен., средняго возраста, библіотеки всѣхъ среднеучебн. завед.

Чернышевъ, В.

——— Сборникъ статей для письменнаго и устнаго изложенія. Пособіе для самостоятельныхъ работъ и книга для чтенія и упраж-

ненія въ разсказахъ. Для низшихъ учебныхъ заведеній и младшихъ классовъ среднихъ. Спб. 1904 г. 75 к.

Допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ качествѣ учебнаго пособія для городскихъ училищъ и для приготовительнаго и первыхъ двухъ классовъ средн. учебн. заведеній.

VII. Дѣтскія книги

Лесевичъ, В. (чзд).

Дѣтскій сборникъ. Очерки и разсказы для дѣтей старшаго возраста. Съ 8 картинками и 3 политипажами. Спб. 1892 г. 1 р. 25 к., въ роскошномъ переплетѣ 2 р.

Содержаніе: В. И. Водовозовъ. Никита и его дочери.—А. М. Нижельскій, д-ръ зоологіи. Морскія и пресноводныя животныя.—А. Е. Кутузова. Въ Березкѣ и подъ березкой.—Дѣтство и юность Томаса Скиннера. Изъ автобіографіи.—А. В. Потанина. Доржи, бурятскій мальчикъ.—А. Н. Вѣчинскій. Жертва.—В. К. Агафоновъ. „Падающія звѣзды" и метеориты.—А. И. Аненская. Въ деревнѣ на Рождество.—Юлія Безродная. Барбосъ въ роли героя.—Эрнстъ Гешель. Адамовъ Пикъ.

Изданія Б. Н. Звонарева:

Амичисъ-де, Э.

Зимнимъ для всѣхъ. (Годъ въ конкѣ). Перев. Э. Колтоновской. 1 р

Андреевичъ (Соловьевъ, Евг.).

Очерки изъ исторіи русской литературы XIX вѣка. Изданіе второе. Спб. 1903 г. XXXIII+566 стр. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Содержаніе: Литература крѣпостной Россіи.—Тезисъ русской литературы. — Радищевъ и скептическое движеніе въ Россіи.—Литература первой четверти вѣка.—А. С. Пушкинъ.—Бѣлинскій о Пушкинѣ.— Пушкинъ въ исторіи. — Характеристика Пушкина. — Поэты Пушкинской эпохи. — Рылѣевъ. — Эпоха Николая I-го. — Журналистика эпохи Николая I-го. — Грибоѣдовъ. - Гоголь.—Лермонтовъ.—Славянофилы и западники: П. Я. Чаадаевъ, В. Г. Бѣлинскій: Мужикъ въ русской литературѣ. Д. В. Григоровичъ, И. С. Тургеневъ, А. И. Герценъ, Н. П. Огаревъ, И. А. Гончаровъ, общія замѣчанія о литературѣ 40-хъ годовъ. — Шестидесятые годы: Общая характеристика.—Литература записокъ и писемъ, какъ продолженіе къ литературѣ 60-хъ годовъ. — Журналистика 60-хъ годовъ: Н. Г. Чернышевскій, Н. А. Добролюбовъ, Д. И. Писаревъ, Н. В. Шелгуновъ, М. Н. Катковъ, Ап. А. Григорьевъ, Н. Н. Страховъ.—Беллетристика 60-хъ годовъ: беллетристика

Чернышевскаго, Н. Г. Помяловскій, А. И. Левитовъ, А. К. Шеллеръ. — Беллетристы-народники: Н. В. Успенскій, Ѳ. М. Рѣшетниковъ.—Поэты 60-хъ годовъ: Н. А. Некрасовъ.—Семидесятые годы: Общая характеристика.—Философія критической личности. — Народничество. І. Юзовъ (О. И. Каблицъ), В. В. (Воронцовъ). — Критическое народничество: Г. З. Елисѣевъ, М. Е. Салтыковъ-Щедринъ, Н. К. Михайловскій, Г. И. Успенскій, Н. Н. Златовратскій. — Невѣрующіе народники: А. Н. Новодворскій-Осиповичъ, В М. Гаршинъ, С. Я. Надсонъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. — Реакціонная литература 60-хъ и 70-хъ годовъ: В. П. Клюшниковъ, Н. С. Лѣсковъ, Вс Крестовскій, В Маркевичъ, Толстой и Достоевскій.—Общая характеристика 80-хъ годовъ. — А. П. Чеховъ. — Декаденты.—Новыя вѣянія.—М. Горькій.—Марксизмъ.—П. Д. Боборыкинъ.

Изъ отзывовъ печати: „Первое изданіе книги г. Соловьева было встрѣчено крайне несочувственными отзывами критики... Но всѣ эти крайне неблагосклонныя для г. Соловьева рецензіи не помѣшали первому изданію его книги разойтись въ теченіе одного года. Очевидно, у г. Соловьева есть своя публика, знающая его по цѣлому ряду книжекъ біографической библіотеки Павленкова и по журнальнымъ статьямъ. Второе изданіе книги г. Соловьева „Исправлено и дополнено". Но дополненія сдѣланы только въ предисловіи и въ заключеніи. Текстъ же книги, напечатанный стереотипомъ, остался безъ всякихъ измѣненій, исключая нѣсколькихъ страницъ, гдѣ говорится о Герценѣ и Гончаровѣ". „Міръ Божій" 1903 г. № 6.

„Ницше". П. Дейссенъ. Воспоминанія о Ницше. 75 к.

Бернфельдъ С.

Талмудъ. Его сущность, значеніе и исторія. Спб., 1902 г. 50 к., съ пер. . 65 к.

Бернштейнъ, Э.

Очерки . . исторіи и теоріи соціализма. Спб., 1902 г. 1 р. 50 к., съ пере.. 1 р. 80 к.

Вагнеръ, А.

О научномъ мышленіи и популяризаціи въ наукѣ. 25 к.

Вандервельде, Э.

Городъ и деревня въ Бельгіи. 25 к.

Ворисгоферъ, С.

Среди морскихъ разбойниковъ. Жизнь рабовъ-христіанъ въ Триполисѣ. Съ 17-ю рисунками, приложенными къ тексту. Перев. съ нѣм. Г. Генкеля. Спб. 1902 г. 592 стр. 2 р., съ пересылкой 2 р. 40 к.

Изъ Лондона въ Австралію. Путешествіе на кораблѣ съ ссыльно-поселенцами. Переводъ съ нѣмецкаго Е. Святловскаго. Спб. 1902 г. 236 стр. 2 р., съ перес. 2 р. 35 к.

Алмазы Перуанца. Приключенія путешественниковъ по Южной Америкѣ. Къ тексту прилож. 15 рис. Переводъ съ нѣмецкаго

К. Святловскаго. 584 стр. Спб. 1902 г. 2 р., съ пересылкой 2 р. 40 к.

Вормсгоферъ, авторъ пользующагося извѣстностью „Образовательнаго путешествія", принадлежитъ къ числу дѣтскихъ писателей категоріи Ж. Верна, М. Рида и другихъ. Его особенностью является то, что героями своихъ романовъ онъ предпочитаетъ избирать сверстниковъ своихъ читателей, а это въ глазахъ послѣднихъ придаетъ книгамъ Вормсгофера особенную завлекательность и интересъ.

Зомбартъ, В. проф.

Организація труда и трудящихся. Пер. подъ ред. Л. Кирпичова. Съ портрет. Зомбарта и предисл. М. Туганъ-Барановскаго. 1 р. 50 к.

Колтоновскій, А.

Стихотворенія. 1 р.

Кроче, Бенедето.

Историческій матеріализмъ и Марксистская экономія. Критическіе очерки. Переводъ П. Шутякова. Спб. 1902 г. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Содержаніе: О научной формѣ историческаго матеріализма. — Историческая теорія проф. Лріо.—Къ вопросу объ истолкованіи и критикѣ нѣкоторыхъ понятій марксизма. Книга проф. Штаммлера.—Новыя истолкованія марксистской теоріи цѣнности.—Возраженіе на марксистскій законъ надавія нормы прибыли.—Приложеніе. Коммунизмъ Томаса Кампанеллы.

Лассаль, Ф.

Дневникъ. Пер. съ нѣмецкаго. 1 р.

Рабочая кабала въ Англіи.

Перев. съ англійскаго подъ редакц. М. И. Туганъ Барановскаго. 25 к.

Серао, М.

При закатѣ солнца. Повѣсть. 50 к.

Серао, М. и Капуана, Л.

Итальянскіе разсказы.

Серафимовичъ, А.

Очерки и разсказы. Книга I. 1 р.

Сидисъ, Б., д-ръ-филос.

Психологія внушенія. Съ предисловіемъ У. Джемса. Переводъ съ англійскаго М. Колоколова Спб. 1902 г. 1 р. 25 к., съ перес 1 р. 50 к

Содержаніе: Внушеніе и внушаемость.—Классификація видовъ внушенія и внушаемости.—Доказательства нормальной внушаемости.—Условія ненормальной внушаемости.—Законъ ненормальной внушаемости. — Внушаемость и бодрственное сознаніе.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

DEC 26 '68 H

2232176

72H

4062209

FEB 8 '72H